ISSN 0235-9731

Идель

11-12/94

Издается на татарском и русском языках

Пирамида империи сходит на убыль. Сверху — безликий и тощий рубль

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

я — отец... моего деда

ДИАСПОРА

татары — в Москве

НАЦИЯ И ПОЛИТИКА

крымская трагедия

КУЛЬТУРА

памяти казанского мастера

. Lederfisch. 80.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ ТАТАРСТАНА

издается с июля 1989 г.
на татарском
и русском языках

Письма 2

Конкурс
исторического рассказа
ТУФАН МИННУЛЛИН
МАСТЕР И СОВЕСТЬ 4

Поэзия
ОЛЬГА ЛЕВАДНАЯ
СТИХИ 9

Знакомьтесь: новое имя
ТАНИР СУЛФ
СЛЕД
Фантастическая повесть 10

Поэзия
ЛАИС ЗУЛЬКАРНАЙ
ВРАТА ЗАРИ 20

АЛЬФРЕД ХАЛИКОВ
500 РУССКИХ ФАМИЛИЙ БУЛГАРО-ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ 31

Поэзия
БОРИС БУЛАВИН
«ТРАНЗИТ ИЗ АВГУСТА В ДЕКАБРЬ...» 32

Будем знакомы 33

Родословная
О ЗНАЧЕНИИ ЭТНОНИМА «ТАТАРЫ» В КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ И ПОСЛЕМОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХАХ 34

Ревнители отечества
ФАУЗИЯ БАЙРАМОВА 36

Проза
ИЛЬГИЗ ХАБИБЯНОВ
«ЯРМО» ДЛЯ ЖУЛИКА
роман 37

Столица
СУЛТАН ШАМСИ
КАЗАНЬ — СЕРДЦЕ ХАНСТВА 44

«Жизнь люби, люби отчизну,
мир, которым жив народ!»

0235—9731

Идель

Главный редактор
ФАИЗ ЗУЛЬКАРНАЙ

Заместители
РАФИК ЮНУСОВ
РОЗА КОЖЕВНИКОВА
РАВИС ЛАТЫПОВ

Ответственный секретарь
ЛАИС ХАРРАСОВ

Зам. ответ. секретаря
НАГИМ ШАГАЕВ

Редакторы
СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ
ГУЛЬСИРА ГАЙНАНОВА

Художник
ФАРИДА ХАСЬЯНОВА

Служба выпуска
ГУЛЬСИНА ШАРИФУЛЛИНА
МИЛЯУША ГАБДУЛГАНИЕВА
ГУЛЬФИЯ ХАЙРУЛЛИНА
МИЛЯУША ХАСАНОВА

Учредители:

Министерство информации и печати Республики Татарстан, Союз писателей Республики Татарстан и коллектив журналистов редакции.

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации и печати РТ. Регистрационный номер 222.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов публикаций не всегда совпадает с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Идель» обязательна.

© «Идель». 1994 год.

ИДЕЛЬ

11-12/94

Национальная школа
ДОМ, ГДЕ РАСТЯТ ТАЛАНТЫ 47

Диаспора
МИРГАЗИЯН ЮНУС
ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК 48

ДЛЯВЕР ОСМАН
ЭМИГРАЦИЯ — ЭТО НАШЕ НЕСЧАСТЬЕ 58

КРЫМСКО-ТАТАРСКАЯ ШКОЛА 61

Поэзия
«НЕ ПАЛ Я НА КОЛЕНИ...» 62

САГИТ ФАИЗ
ТУГРЫ — ГЕРБЫ КРЫМСКОГО ХАНСКОГО ДВОРА 64

ДЛЯВЕР ОСМАНОВ
ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ 67

АБДУЛЛАХ З. СОЫСАЛЬ
ЧЕЛЕБИ ДЖИХАН 68

Д. АЛБАТ
КРЫМ — ТАТАРСТАН: ВОЗРОЖДЕНИЕ БЫЛЫХ СВЯЗЕЙ 70

Бал-Омут
ЛУКМАН ЗАКИРОВ
ОДНОКАШНИК
рассказ 74

МАРИНА ЛАТЫПОВА
ХОЧУ «БАРБИ» В КОРОБОЧКЕ 76

Криминальная хроника
Л. КОЖЕВНИКОВ
КТО У КОГО ВОРУЕТ? 77

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ИДЕЛЬ» ЗА 1994 ГОД 78

Окно в мастерскую
ЛИЛИЯ САТТАРОВА
СОЛО, ЗВУЧАЩЕЕ В ВЕЧНОСТИ 80

Адрес редакции: 420012, Казань, ул. Комлева, 14, «Идель». Телефон для справок 36-97-32.

Сдано в производство 16.11.94 г. Подписано в печать 26.12.94 г. Зак. А-539.
Формат 84×108¹/₁₆. Усл.-печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж на тат. яз. 5638, на рус. яз. 2273.

Типография Татарского газетно-журнального издательства.
420066, Казань, ул. Декабристов, 2.

* * *

В наше богатое событиями время очень многие чувствуют себя одинокими в поисках истины. Вероятно, оттого, что в последние годы большинство потерпели крах в своих жизненных ориентирах и ценностях. Лично я с огромным любопытством беру в руки каждый номер журнала «Идель» и с радостью вникаю в его содержание. Читая «Идель» понимаешь, насколько бережно нужно тратить время, отпущенное тебе Всевышним, чтобы успеть познать самое главное — культуру твоих предков, уходящую корнями в мировую цивилизацию.

Всякий раз, когда знакомишься с публикациями ученого Н. Ханзафарова, задаешься вопросом: как рождается замысел его исторических очерков и эссе? Воображение читателя захватывают тайны причудливого металлического кружева знаменитой арки башни Сююмбике и горы Зилант. Наряду с богатым научным материалом автор широко опирается на глубинные пласты народной памяти.

Как необходимо нашим соотечественникам познание истории и осознание своего «я». А мне, педагогу, чрезвычайно нужна духовная энергия для сверки верности жизненного ориентира. Особый интерес поэтому вызвали публикации, связанные с народной педагогикой и актуальными проблемами образования.

Дальнейших поисков и находок вам, дорогой журнал «Идель»!

БАШИРОВА В. Х.,
директор
школы-гимназии № 65
Московского района
г. Казани

* * *

Сама я уроженка Татарстана. В Саратове оказалась вместе с мужем после окончания института, как мы полагали, всего на три года. Однако, судьба распорядилась иначе — прошло уже 23 года.

Саратов находится не в столь уж большом отдалении от Татарстана и при желании всегда можно найти способ приобщиться к национальной культуре. В наш город часто приезжают казанские артисты, в магазинах можно иногда купить татарские грампластинки, кассеты. Кроме того, мы ведь ежегодно приезжаем сами на родину и увозим с собой целые охапки книг, газет и журналов. Дома с мужем разговариваем только на родном языке. Словом, мы были татарами, ими и остаемся. Но меня беспокоит другое.

У нас двое сыновей, старшему — 23, а младшему — 19 лет. Пока жива была свекровь, в детстве они ездили летом в деревню, в Татарстан, и, естественно, хорошо знали родной язык. Соседи с восхищением говорили: «Вот ведь, живете в Саратове среди русских, а сумели обучить детей родному языку. Вон у Нурии дочери живут в Челнах, вроде бы рядом, только ее внуки не знают по-татарски».

Но со временем обстоятельства сложились совсем по-другому. Вырастая, мальчики становились все равнодушнее к родному языку. Даже самые заветные «өни» и «әти» в их обращении звучали «мама» и «папа». Теперь у сыновей лишь имена татарские, а что у них на душе, понять совершенно невозможно.

Видимо, чтобы дети выросли настоящими татарами, их нужно воспитывать в национальной среде. Хотя, в нашем доме, как нам казалось, для этого имелись все условия.

Задаю себе такой вопрос: неужели у татар совсем нет чувства самоуважения и национальной гордости? Но начинаю сама себе возражать: ведь смогли же финские татары, числом менее тысячи человек, сохранить и язык, и обычаи, и культуру своего народа. Чего стоят выступления молодежного ансамбля финских татар в Казани! Тогда как в Саратове, можно сказать, под боком у Казани, наши дети забывают родной язык. Как обидно!

С. ВАЛЕЕВА,
Саратов

* * *

Над Казанью будто все еще витает тень трагедии 1552 года. Наглядно это можно увидеть по открывающимся в последние годы в нашем городе татарским школам и гимназиям: как правило, все они располагаются на окраине города, там, где находятся татарские слободки. Если обратить взор на центр города, то Казань, судя по гордо возвышающимся позолоченным куполам церквей,— ни дать ни взять настоящий русский город.

Но, кажется, рождается робкая надежда на то, что историческая справедливость восторжествует. Залогом тому служит открытие в самом центре города татарской школы — в здании бывшей 6-ой общеобразовательной школы с обучением на русском языке. Огромная заслуга в этом деле принадлежит директору школы Тану Махмутовичу Еникиеву.

Это только сказать легко, что он приложил немало усилий. Препонов и преград было великое множество. Первоначально планировалось открытие татарского педагогического колледжа, но не разрешили ссылаясь на то, что в центре города проживает мало татар, мол, учеников не наберете. Наконец, был открыт лицей и учащиеся приняты в X класс. Теперь уже они в XI классе.

Лицей нравится и учащимся, и их родителям, да и содержание учебно-воспитательной работы соответствует высоким требованиям. Здесь ввели новые предметы, которые интересуют учащихся: татарское искусство, устное народное творчество, татарская литература, народная педагогика, риторика, историческая грамматика татарского языка.

Помимо этого, учащиеся изучают такие науки, как литература, история, экономика, педагогика, пишут рефераты и научные доклады.

Некоторые уроки проводятся в музеях города и аудиториях Казанского государственного университета. Кстати, уроки математики, вычислительную технику и компьютерное дело в лицее ведут преподаватели университета.

Еще одна новость. Молодежь, успешно окончившая лицей, в высшие учебные заведения будет приниматься по результатам выпускных экзаменов. Кроме того, желающие могут стать

Нашим соотечественникам необходимо познание истории и осознание своего «я». ■

Теперь у сыновей лишь имена татарские... ■

...у нас даже Гимн без слов. ■

воспитателями в татарских детских садах.

Уверен, что те из молодых людей, которые решили посвятить себя профессии педагога, придя в этот лицей, смогут осуществить свою мечту.

А. НИЗАМИЕВ,
Казань

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ТАТАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Чтобы стать государством, нужен народ, а чтобы стать народом, необходим язык. Нет более печального зрелища, чем немой человек, а что говорить о немом народе. Подумать только, у нас даже гимн без слов! Хотя Закон о государственных языках принят, однако программа его реализации настолько растянута, а конечные цели настолько туманны, проделанной работы еще меньше, что все это вместе взятое совершенно не оставляет никаких надежд на успех.

Шумим об открытии татарских школ и гимназий. Ну и что с того? Куда пойдут дети, окончившие татарскую школу? Может быть, их ждут университеты, вузы и техникумы на татарском языке? Или их всех мы пошлем учиться в Турцию? А может, приедут оттуда, чтобы учить наших детей?

Нет, конечно, нет. Если мы всерьез желаем возрождения языка, то должны решать эти проблемы своими силами. Для этого требуется создать собственную систему просвещения и народного образования. Начиная с детских садов и кончая вузами, нужно вести строительство каждого звена одновременно. Если родители, ведя малыша в первый класс татарской школы, не будут знать, что после десяти лет обучения его ждет высшее учебное заведение с обучением на татарском языке, то вряд ли захотят привести детей в школу без будущего.

Первоочередной задачей мне видится строительство татарского университета. Потому что есть поколение ученых по самым разным научным дисциплинам, которые смогут вести обучение на татарском языке. Если мы не начнем это дело немедленно, то лет через десять-двадцать проблема отпадет сама собой — потому что молодые люди, даже талантливые, не очень-то стремятся в науку, их более прельщает то, что мы называем сегодня «бизнесом», а по сути — элементарная спекуляция.

«Погоди, да ты же ломишься в открытые двери. Вот решение Верховного Совета об открытии татарского университета!» — может воскликнуть кое-кто. Верно, решение-то есть, только дела нет. Вот уже новый учебный год начался, а об университете нигде ни слова. Кто занимается подготовкой документации и как учитывается мнение ученых в готовящейся программе?

Строительство университета — это дело ученых и оно должно быть передано в их руки. Для этого достаточно одного конкретного решения высших инстанций об организации ученого совета университета, а также о порядке его созыва. Например, в Академии наук собрать всех татарских ученых или конференцию и поставить перед ними задачу организации выборов ученого совета университета. В том же решении должно быть указано, что деятельность университета должна начаться, по крайней мере, решение организационных вопросов, с 1 сентября 1995 года. Разумеется, необходимо обязательно предусмотреть финансовую сторону дела, вопрос о зданиях и помещениях и т. д.

Думаю, что при организации университета целесообразно использовать опыт действующего вот уже два года на общественных началах Татарского национального университета.

Самый важный вопрос — это проблема кадров. В первую очередь нужно подумать о том, как повысить уровень владения родным языком у одних ученых и как подготовить преподавателей из молодых ученых.

По-моему, в университете должна быть сильная кафедра татарского языка и сюда следует привлечь лучших специалистов. Кафедра должна решать следующие задачи: обучать студентов и преподавателей татарскому языку, совместно с кафедрами по другим научным дисциплинам разрабатывать научные словари на татарском языке, осуществлять перевод иностранных заимствованных терминов на татарский, бороться против засорения татарского языка и т. д.

Еще одна важнейшая задача — создание издательства. Университет должен иметь свое издательство. За очень короткий срок потребуется выпустить учебники, пособия и методические рекомендации по самым разным научным дисциплинам. Поэтому в университетском издательстве должна быть очень сильная редакция, оснащенная по последнему слову техники. Конечно, ныне действующее издательство «Магариф» не останется в стороне от этого дела, но для ускорения процесса туда нужно предоставлять уже готовые макеты будущих книг.

Наконец, подбор кадров должен осуществляться на конкурсной основе. Хочешь преподавать в университете, принеси в конкурсную комиссию либо книгу по своей дисциплине, либо рукопись таковой. По собственному опыту знаю, из готовой рукописи за восемь месяцев или за год можно издать книгу. С помощью правительства и заинтересованных организаций этот срок может быть существенно сокращен.

Университет сыграет большую роль в сплочении татарского народа. Вначале принимая на учебу посланцев из самых разных мест компактного проживания татар, а затем открывая свои филиалы для татарской диаспоры, университет укрепит взаимоотношения между татарами из разных регионов. Вот тогда мы сможем сказать с гордостью: мы — народ, мы — государство, и наш гимн обретет достойные слова.

А. ВАЛИУЛЛИН,
доцент Казанского государственного технологического университета

МАСТЕР И СОВЕСТЬ

Рассказ

Туфан МИННУЛЛИН

Первым из лодки на берег выпрыгнул мастер Данила. Он размял онемевшую от долгого сидения поясницу, проверил крепость своих лаптей посредством энергичных прыжков на усыпанном галькой берегу, потом неторопливо, с чувством перекрестился.

Так он делал всегда: прибыв на новое место, обязательно притопывал ногами землю, словно прикидывая: нравится она ему или нет. И если новое место ему нравилось, мастер степенно крестился. Если же нет, то молча поворачивался и покидал неполюбившуюся землю. Видно, и у земли бывает свой характер.

Данила Колоухов слыл далеко окрест отменным каменщиком. Возведенные им церкви, часовни со стройными башнями украшали не только обширную Казанскую губернию, но и многие уголки России.

Очередным заказчиком Данилы был знаменитый казанский купец Иван Михляев.

— Поедешь в место, глаголемое Булгарами, и построишь церковь, равной которой не будет на нашей земле. Помощников подберешь сам, в чернорабочие возьмешь тамошних монахов. Все необходимое для строительства уже приготовлено. На плату не поскупимся,— сказал купец.

Вообще-то Данила, как знающий себе цену мастер, любил малость поторговаться, но купец высказал свой заказ таким суровым, не допускавшим никаких возражений тоном, что на сей раз он почел за лучшее поклониться и дать согласие.

И на сборы Михляев времени много не дал: через неделю каменщики должны были приступить к работе.

Взяв с собой давнишних, проверенных в деле помощников — Кузьму, Егория, Кирилла да Василия,— Данила отправился в путь. До Булгар их проводил михляевский человек Михайло Демидов.

И вот они стоят на древней булгарской земле, где должна раскинуть свои купола несравненная по красоте обитель Божия — церковь.

Вслед за мастером из лодки выпрыгнули и другие его подельники. Тоже перекрестились. Демидов привел каменщиков к остаткам некогда великого города. Видны были мавзолеи, минареты, башни.

Узрев сие городище, Данила остановился и спросил:

— Это что за место?

— Здесь город басурманский был,— ответил Михайло Демидов.

— А пошто так разрушен?

Демидов громко рассмеялся.

— Ты еще спроси, куда басурмане подевались. Нет их, ни одного. Здесь — только мы! Понимаешь, Данила? Мы! И ты должен построить церковь на века — прямо посередине этого города. Пусть она воссияет в этом бывшем гнезде басурман, пусть держит их в страхе...

— Дак есть же там церковь,— показал Данила на монастырь, где виден был храм с крестом.

— Разве это церковь! Мечеть эта бывшая, а на нее временно святой крест водрузили. Надо же монахам где-то молиться.

Настоятель монастыря вышел встречать гостей. Мастеров он приветствовал низким поклоном, показал им, где жительствовать.

Но Данила отказался жить в доме и велел раскинуть себе шатер на берегу Волги. Это было еще одно его непреложное правило. Он любил спать один на свежем воздухе. Часто он выходил ночами из шатра, ложился спиной на землю и подолгу любовался небом со звездами, разговаривал с ними как с людьми, и так встречал рассвет. Наверное, поэтому и церкви, возведенные им, казались устремленными в небо, как и душа их зодчего.

Обустроившись и поев, Данила уселся на крутом волжском берегу, свесив ноги, и долго смотрел на алеющую закатом реку. Смотрел и думал о человеке и вечности. О краткости жизни людской и бесконечности времени. Кто только не приходил в этот мир, чтобы уйти из него. Все они любили, ненавидели, враждовали, покоряли, покорялись... Жизнь человеческая и так коротка, почему бы не прожить ее мирно, красиво, дружно? И Демидов, и настоятель монастыря, да и другие говорят, что татары принесли много зла русским. Булгарские басурмане тоже ходили с набегами на Русь, жили грабежами. Дикие были, злые. Поэтому и был разрушен их город. От судьбы не уйдешь.

Хорошо, что есть на свете русские, не то люди давно бы перерезали друг друга. Только русские усмиряют строптивцев, укрощают злых. Да, хорошо, что есть на свете русский человек, способный поставить на место зарвавшегося и распоясавшегося нехристя.

Хотя... Многое видел Данила за свою жизнь. Когда он строил церкви на землях чувашей, черемисов, вотяков, видел, как крестили эти народы. Нежелавших креститься гнали в воду и не пускали на берег. Сколько женщин, детей тогда утонуло. В чем же их вина? Ведь они никакого зла не совершили. Молились своим богам, ну и пусть. Вот у Данилы в душе — святая мать Мария, Иисус. Если Данилу попытаются отвернуть от своей веры, он, конечно, на это не согласится. Но зачем же его бить или убивать за то, что он верен своей религии?

Как-то в одной чувашской деревне, где он строил церковь, Данила разговорился на эту тему с попом. Так поп его антихристом обозвал. За что?

Данила обернулся, чтобы еще раз посмотреть на развалины города. Сквозь закатную дымку явственно прорисовывался силуэт величественного минарета. Еще днем Данила опытным глазом строителя оценил крепость древнего сооружения.

На этот раз минарет произвел на мастера другое впечатление: казалось, он слушал мысли Данилы и наклонялся над ним, будто хотел сказать ему на ухо что-то сокровенное. Данила даже вздрогнул, вскочил, отступил несколько шагов, потом побежал. Придя в себя, он глубоко вздохнул и перекрестился. Минарет по-прежнему стоял на месте.

Данила улыбнулся: вот дуралей, и чего так испугался? С какой стати минарет, стоявший здесь сотни лет, должен именно сегодня обрушиться на Данилу?

Искупавшись в реке, мастер окончательно успокоился.

Утро началось с традиционного и обильного винопития. Исстари было заведено устраивать праздник перед большой работой. Обычай дедов. Говорят, если нарушишь этот обычай, работа не будет спориться. А работа предстоит сложная. Нужно построить такую церковь, перед которой померкнет высоченный басурманский минарет Булгара. Словом, церковь надо строить с размахом, на века.

Данила Колоухов построит. Он любит и умеет строить. Мастер возведет именно такую церковь, о которой мечтает Михляев. Бог словно сам указал место для храма — отсюда, с возвышенности, церковь будет видна далеко по окрестностям.

Демидов угостил мастеров на славу. Разгоряченный вином Данила снова и снова рассказывал помощникам, как будет построена церковь, а те снова и снова соглашались, громко кричали здравицы, пели песни, просто орали и, наконец, напились в стельку и заснули тут же, на траве.

Демидов все старался напоить допьяна и Данилу, но мастер был крепок на вино и с каждой чаркой, казалось, лишь трезвел. Все разговоры мастера вились вокруг будущей церкви. В конце концов Демидов устал, плюнул на «неподдающегося» Данилу и его разговоры о храме. Чихать хотел Демидов и на слова даниловские, и на саму церковь. Он и в церковь-то ходит главным образом из-за страха перед своим хозяином — Михляевым. Демидову лишь бы поручение хозяйское выполнить.

Когда Данила с жаром рассказывал о форме церковных куполов и даже жестами обрисовывал в воздухе контуры отдельных частей храма, Демидов «отключился» и захрапел.

Мастера некому было слушать. Данила хотел пойти к настоятелю монастыря, чтобы договорить о своем грандиозном проекте, но передумал: настоятель ему не понравился, с первого же взгляда не пришелся по душе. Нехорошие глаза у этого богослужителя, сердитые, какие-то угрюмо-злые. Данила не любил сердитых и злых, избегал общения с ними.

Долго сидел Данила, не зная, куда деть себя. Рядом посапывали во сне помощники, оглушительно храпел Демидов, по лопатообразной бороде которого ползали мухи, соблазнившиеся вытекшей из открытого рта слюной.

Как-то неуютно, грустно стало Даниле. Он не мог понять тех людей, которые живут единственно ради еды от пуза и вина до потери сознания. Данила и сам пьет, но не для того, чтобы опьянеть, а чтобы взбудоражить душу, освободить ее от житейских хлопот, приблизить ее к чему-то небесному, высокому, чтобы греховное тело почувствовало себя хоть немного облегченным от людских пороков.

Данила вдруг вскочил и зашагал к разрушенному городу, еще не понимая ясно, для чего он туда идет. Мастер ходил среди развалин, осматривал и трогал разбросанные по земле древние камни, плиты, некоторые даже поскреб ногтем, приподнял. Он исследовал фундаменты разрушенных построек, заходил внутрь сохранившихся зданий. Залез по лестнице на Малый минарет, что на краю городища. Спустившись, прилег на мягкую, словно бархат, траву и задумался.

Душу охватила какая-то светлая печаль. Он думал о бренности бытия. Когда-то палаты и дворцы этого города были новопостроенными, и в них кипела жизнь, ходили люди. Разве строители, возводившие этот город, думали о смерти, о разрушении плодов своего труда? Да если зодчий то и дело будет думать о том, что его здание когда-нибудь разрушится, он просто не сможет работать. Он строит на века. Вот и Михляев говорил: «Чтобы вечно стояла!»

Будет ли его церковь стоять вечно? Или ее разрушат, как эти дворцы и палаты, и ее обломки покроются плесенью? Или разрушится сама, всеми заброшенная и позабытая? И вообще, можно ли построить что-нибудь вечное? Басурмане разрушали чужие города, а свой град думали строить навечно. Не вышло...

До ушей Данилы донесся какой-то странный, непривычный звук. Мастер прислушался. Приподнявшись, он посмотрел в сторону, откуда шли непонятные звуки, но ничего не увидел. Звуки были похожи на негромкий человеческий голос. Будто бы тихий плач... Или песня?..

Данила встал и огляделся. Странно: никого не видно, а песня-плач звучит. Осторожно, стараясь не шуметь, мастер обошел башню-минарет и увидел шагах в тридцати от нее преклоненного человека, явно не русского не только лицом, но и одеждой. Человек не видел Данилы, склонившись в земном поклоне и говоря что-то нараспев на непонятном языке. Мастер

догадался, что перед ним басурманин и что он читает свою басурманскую молитву.

Данила внимательно наблюдал.

Когда человек закончил чтение молитвы, он не спеша поднялся на ноги и только тогда встретился со взглядом Данилы. Мастер поздоровался по-русски. Татарин ответил тоже на русском языке, и Данила подошел поближе. Они еще раз поприветствовали друг друга. Басурманин хорошо знал по-русски. Оба постепенно разговорились.

Данила правильно понял: перед ним стоял татарин, казанский купец, приехавший в Булгары помолиться праху своих предков.

И еще: Данила почувствовал, что татарин сомневается в русских и даже смотрит на них с некоторой долей брезгливости. Разговаривал басурманин сначала с неохотой, явно желая побыстрее уйти от назойливого собеседника.

А Даниле хотелось поговорить, излить душу, разузнать о судьбе полуразрушенной булгарской столицы.

Татарин, не веривший в искренность Даниловых слов, отвечал скупо, сдержанно, тем более, что от мастера разило перегаром — запахом, чуждым для истинного мусульманина.

Хотя и много на своем веку повидал Данила татар, но ни с одним из них ему не приходилось калякать по душам. А страсть как хотелось, особенно в это странное, печальное утро! Не иначе как сей татарский купец, приехавший из самой Казани в это захолустье со своей молитвой, много чего знает, много чего кумекает.

Добился-таки своего Данила: слово за словом, а все-таки разохотился басурманин, рассказал о Булгарах, видимо, нутром почувствовав, что пришедший к нему урус не станет над ним потешаться, а хочет именно узнать, усвоить для себя новые знания. Расставались они почти друзьями. Когда, прощаясь, Данила захотел пожать руку Юсуфу (так звали татарина), тот руку не подал, а по мусульманскому обычаю приложил правую ладонь к сердцу и поклонился.

И снова Данила остался один, и снова долго-долго думал. Да и как же понять, уразуметь, если Демидов с монастырским настоятелем говорят одно, а Юсуф — другое?

Кстати, и называет себя Юсуф не татарином, а булгарином, и считает Булгарские развалины священным местом своих предков. Если верить Юсуфу, то булгарские басурмане никого не грабили, не жгли, а наоборот, жили с соседями мирно, торговали с ними и с другими дальними странами. Булгарская страна пала под нашествием монголов, а так называемого басурманского народа вообще нет на свете.

Совсем запутались мысли Данилы. Где, у кого правда? Может, этот басурманин ошибается? А с другой стороны: если заблуждается или обманывает Демидов, ему-то какая от этого корысть?

Стараясь привести в порядок рассеянные мысли, мастер зашагал дальше от минарета, все ускоряя и ускоряя ходьбу. Тут и там он натыкался на развалины, полусохранившиеся здания. Боже мой, неужели сей город был столь велик?!

Забрел Данила и на басурманское кладбище. Профессиональным глазом он определил древность надгробных памятников. С удивлением осматривал мастер чудные, затейливые письмена надмогильных плит.

Как высококлассный специалист, понимающий «душу» камня, он с глубоким интересом осматривал плиты. Они сохранились в хорошем состоянии, несмотря на дожди и ветры. И тексты на них видны отчетливо. Значит, где-то поблизости находится месторождение камня именно такого качества.

Побродив по Булгарскому городищу, Данила направился в шатер. По пути встретил несколько монахов, с которыми обменялся скупыми приветствиями. Не лежала у мастера душа к монашескому сословию. Жалел он этих добровольных затворников. Душа Данилы любила свободу, как птица — небо. Он даже одежду тесную не любил, а во время работы и вовсе ходил босоногий, без рубахи и с непокрытой головой.

Когда Данила подходил к шатру, время уже перевалило за полдень. Все помощники, кроме Кузьмы, успели основательно опохмелиться и снова залечь «в лежку». Демидов был у настоятеля.

— Бог даст, завтра примемся за работу, Кузьма,— сказал Данила,— приготовим чаны для раствора, носилки. Не в пустыне же церковь строим. Пусть посмотрят на наш труд, сравнят с мастерством прежних умельцев — вишь ты, какие минареты понастроили!

— С тобой, дай Бог, не подкачаем,— ответствовал Кузьма.

Вместе они начертили на мокром прибрежном песке схему фундамента церкви.

— Прежде чем закладывать фундамент, надо будет исследовать основание Большого минарета,— сказал Данила,— старинные мастера выверили его точно, иначе храм басурманский не простоял бы столько веков.

Так и сделали. На следующий день, вооружившись лопатами, они обнажили фундамент минарета, измерили его глубину. Потом окончательно определили место будущей постройки. На земляные работы вышли монахи, а раствор и носилки готовили помощники Данилы. Мастер вместе с Кузьмой, настоятелем и Демидовым произвел ревизию строительных материалов.

— Всего должно хватить,— заметил Данила,— вот только камней для фундамента не видно.

— Будет,— успокоил его Демидов,— тут камней басурманских сколько угодно валяется. Будто для вас поганые старались, вона как ловко камни обтесали.

— Это же надгробные камни,— возразил опешивший Данила.

— Ну, и что?

— Грех...— Данила покосился на настоятеля монастыря.

Демидов расхохотался.

— Чудак ты человек! Какой грех? Басурманские камни в основание святой церкви закладывать — грех?!

— Дак... С могилы человека... Нечто можно? Такого я не слыхивал и не видывал,— стоял на своем Данила, взглядом прося ответа у настоятеля. Тот, наконец-то, снизошел до ответа:

— Делайте, что вам велят. А о том, грех ли это или нет, судить не вам, а нам, священнослужителям.

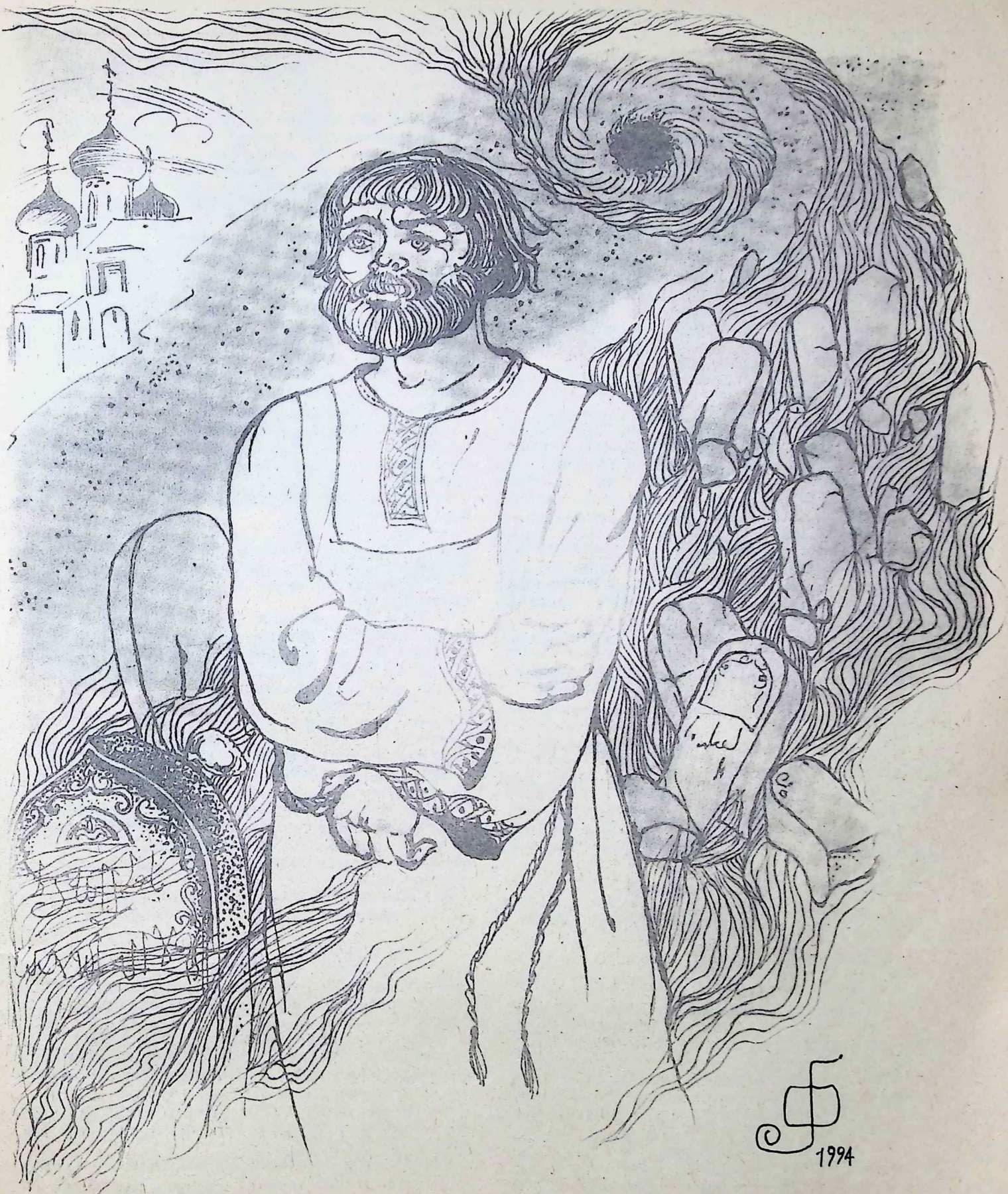
Мастер не верил своим ушам.

— Как это?.. Как это?..— растерянно повторял он.

Кузьма тоже был озадачен и потерянно смотрел на своего наставника, моргая белесыми ресницами.

Почувствовав, что ситуация осложнилась, Демидов обнял мастера за плечи и мягким голосом стал увещать:

— Ну, ты что?.. Какой же это грех? Камни-то басурманские, понимаешь? Басурманские... Да знаешь ли


1994

ты, что разворотив их поганые могилы, ты совершишь богоудное деяние... Да знаешь ли ты...

— Знать-то знаю...

— Так в чем дело?

— Рука не поднимается... Грех...

— Да вон и батюшка говорит, что не грех.

— Он не так сказал.

Демидов бросился к священнику:

— Объясните ему, святой отец!..

Настоятель монастыря грозно посмотрел на Данилу и воскликнул:

— Делай, что велят, дурак!

— Дурак? Это я дурак?!

Данила, великий мастер, композитор зодчества, привык к уважительному с ним обращению, а тут...

Мастер побледнел, руки его задрожали. Он что-то хотел сказать, но, махнув рукой, резко повернулся и пошел прочь. За ним последовал и Кузьма.

Ох, как обидели Данилу! Это он дурак? Мастер, от творений которого люди подолгу не могут оторвать взгляда,— дурак?!

Шел и шел Данила. За ним молча, боясь сказать даже слово, семенил Кузьма.

Вот они достигли старинного кладбища-зирата.

Данила внезапно обернулся к своему подельнику и указал перстом на басурманские надгробные камни:

— Смотри, Кузьма, ведь они живые! Если под ними похоронены люди, значит, они живые. Как же их — в фундамент и класть на них кирпичные стены? Али мы без совести? Пусть под плитами лежат басурмане, но камень-то басурманином не может быть. Даже если и камни назовем басурманскими, то что же с того? Ведь людей тех давно нет. Нельзя мстить мертвым, Кузьма. Что мне скажут?.. Что нам скажут, увидев в основании церкви надгробные камни? Похвалят? Не-ет, такого не сотворит даже самый низкий человек. Чего молчишь, Кузьма? Ответь мне, Кузьма! Пусть я дурак, ты умнее, моложе меня...

— Успокойся, учитель... Он сам дурак,— только и сказал его ученик.

В это время их догнал толстобрюхий, запыхавшийся Демидов.

— Ну, ты че, Данила?.. А, Данила? Обиделся, что ли? Зря, Данила, зря.

Михляевский слуга оперся на один из надгробных камней, чтобы перевести дух.

— Я не дурак,— мрачно ответил мастер.

— Дык я же этого не говорил. Ты не слухай того коршуна монастырского. Ты меня слухай. Ведь мы тебе платим.

— Раз платите, можно и оскорблять?

— Да подожди, я же не оскорблял тебя. Мы знаем, что ты — великий мастер, уважаем тебя. И я уважаю. Да-а...

— Если уважаешь, почто не слушаешь меня? Не могу я в фундамент надгробные камни класть. Нельзя. Грех, земля проглотит...

— А вот здесь ты ошибаешься, Данила, путаешь басурманина с православным. Земля, дескать, проглотит. Смотри, проглотит она меня али нет?

И с этими словами Демидов стал мочиться прямо на надгробный камень, о который только что опирался.

Данила покачнулся, но смолчал, застыв, как статуя. И лишь Кузьма упал перед Демидовым на колени и стал уговаривать:

— Ради Бога... Не надо... Не надо так...

Демидов смеялся и мочился на плиту, и моча текла по морщинам древних письмен, брызгала на лицо Кузьмы, стекала на штаны справлявшего малую нужду.

Излив мочу, Демидов с ухмылкой сказал мастеру:

— Если земля меня не проглотит, скоро встретимся. Берись за работу, Данила, не валяй дурака, не то тебе же хуже будет. Хоть и мастер ты, но про нас забывать негоже. Опасно не считаться с нами.

Демидов ушел, а Данила так и не услышал его слов, не в состоянии был их воспринять.

Кузьма увел почти невменяемого наставника в шатер, уложил на лежанку.

Данила бредил. Перед ним то и дело появлялись мертвецы с надмогильными плитами в бескровных руках. Умершие стонали, плакали, уходили куда-то и снова возвращались, кладя плиты, как кирпичи, вокруг Данилы. Хотел убежать Данила, но везде натыкался на растущие стены плит. Вот и над головой опустилась тяжелая плита. Данила кричит изо всех сил, и тогда мертвецы исчезают, чтобы снова прийти и стонать, выть... Вдруг появляются Демидов с настоятелем и монахами. Они смеются, вытаскивают из-под полы сутаны половой орган и мочатся. Вокруг Данилы разливается целое море, он пытается спастись, но его не пускают. Данила захлебывается смрадом...

Кузьма сообщил своим подельникам, что мастер свалился в горячке. Узнав причину болезни, помощники пришли в шатер на совет: что делать, как быть дальше?

— Мастер выздоровеет, но за работу не возьмется,— говорил Кузьма.

— Чего он как баба...— выразил недовольство Егорий.— Подумаешь! Камень и есть камень, где бы ни лежал. Раз приехали, надо работать.

— Я знаю: мастер не будет работать,— стоял на своем Кузьма.

— Ну и пусть не будет! Эка невидаль,— присоединился к Егорию Кирилл,— свет на Даниле клином не сошелся. Да он и так почти не работает, только ходит и поучает. Как будто мы сами не знаем. Если на то пошло, я не хуже его строю.

— И я,— подтвердил Егорий.

— Вы чего говорите?!— одернул их Кузьма.— Как смеете? Мастер хворый, беспамятный лежит, а вы...

— Кто же в его хворости виноват?— встрял в разговор и Василий.— Скажите на милость, испужался каких-то гнилых басурман!

Данила долго не приходил в сознание, и помощники не решались продолжить работы. Лишь после нелицеприятного разговора с Демидовым вырытый для фундамента котлован принял в свое чрево первые надгробные камни.

Данила очнулся через два дня. Кузьма рассказал мастеру все обстоятельства дела. Помолчав, Данила спросил:

— И ты остаешься?

— Нет, учитель,— ответил Кузьма,— я с тобой.

Через несколько лет Даниле с Кузьмой вновь довелось побывать в Булгарах. Первым делом они осмотрели церковь.

Перед мастерами стояло обыкновенное побеленное здание с крестом. Оно казалось еще неказистее по сравнению с величественной башней Большого минарета.

— Это же просто груда камней!— в сердцах произнес Кузьма.— Тут крестным знамением себя осенить — и то грех!

Данила ничего не сказал, лишь крякнул с досады.

Перевод Фаяза Фаизова

Ольга ЛЕВАДНАЯ

С творчеством Ольги Левадной мы уже знакомили наших читателей. Мы поздравляем Ольгу с выходом книги лирических миниатюр и предлагаем вам ее новые стихи.

Полет

Стая перелетных облаков
кружит над уснувшими домами,
и я снова жду твоих звонков
в темноте, наполненной стихами.

Ухожу от ненасытных дней.
Верую: когда-нибудь воздастся!
И лечу, как пух от тополей,
чуть касаясь призрачного счастья.

* * *

Еще нет ни звезды, ни огня,
ни любви, ни желания жить,
ни надежды на то, что меня
воскресят и сумеют простить...

Я свое отраженье ловлю,
словно в нем обитает душа,
и за всех убиенных молю,
в неизбывной тоске чуть дыша.

Беседка

Не суди меня так строго,
одинокая беседка.
Я тянусь к тебе сквозь щели
сорняковою травой.
Неужели все забыли,
что беседка — для беседы...

Только лунная дорожка
пробирается к тебе.

* * *

Все встречи — ожидания беды.
Все встречи — как предвестия разлуки.
И замерзают райские сады
с какой-то человеческою мукой.

Я прижимаю ангела к груди.
Отныне я одна — его хранитель.
Неумолимы прожитые дни,
но как найти мне для него обитель?

Осень

Этот дом с пожелтевшим фасадом
и разбитым оконным стеклом,
облетевшим заброшенным садом
еще делится с нами теплом.

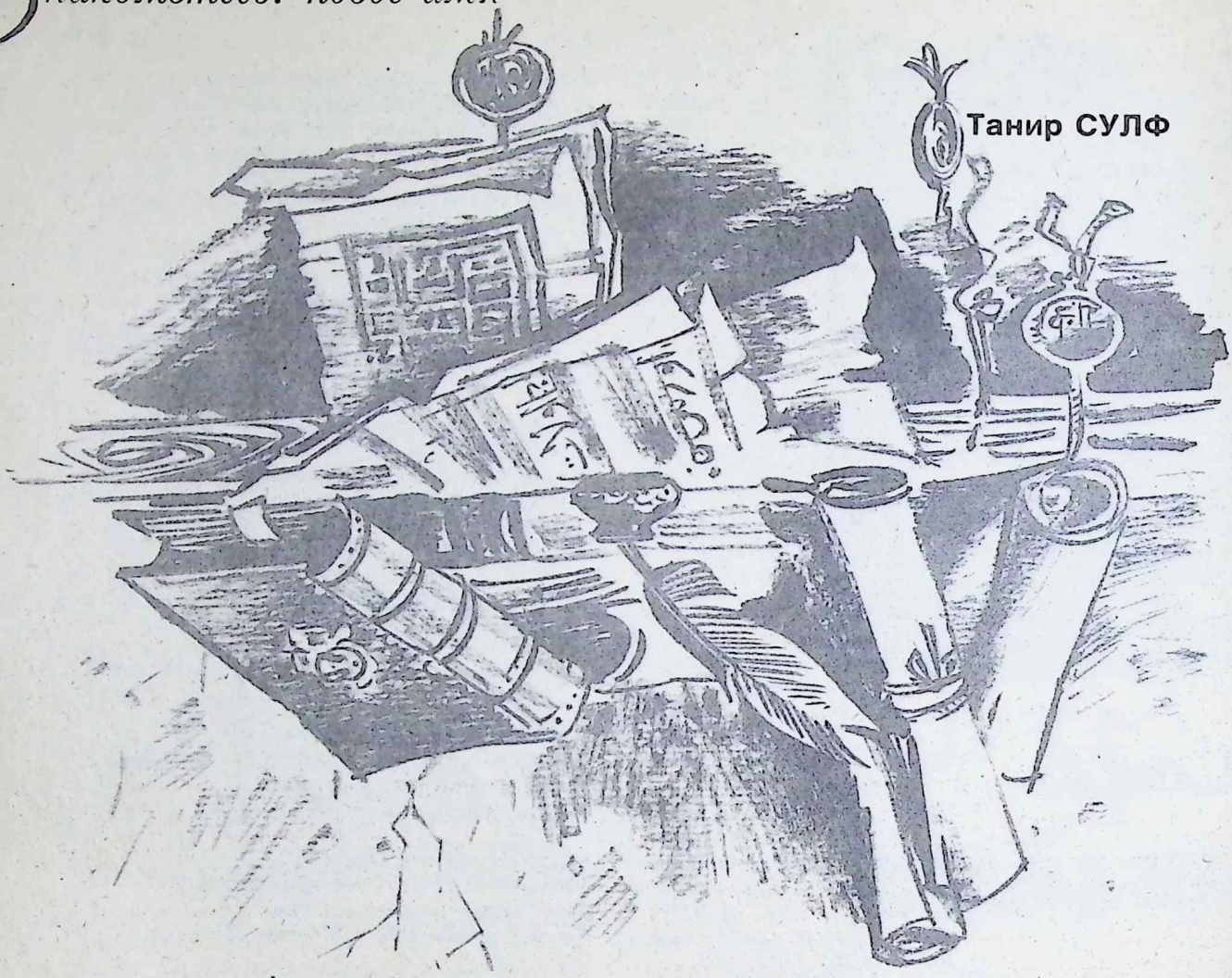
Так и я в неприкаянной жизни
не ищу оправданья себе.
Словно падаю спелою вишней,
покоряясь нелепой судьбе.

* * *

Пусть говорят, что мир меняет краски
и будущее где-то за горой;
пусть говорят, что все дано от Бога,
а я просить не стану ни о чем.

Уже не так мечтаю я, как прежде,
уже не снятся птицы по ночам;
уже ищу свой дом на пепелище,
уже стихи читаю о былом.

Танир СУЛФ



СЛЕД

Фантастическая повесть

Однажды летом редакция получила пакет. В нем оказалась рукопись, которую мы публикуем ниже, и коротенькое письмецо.

«Все, описанное здесь, быль. Но я думаю, что никто в это не поверит, и поэтому решил назвать повесть фантастической»,— пояснил автор. О себе же он сообщил следующее. Литературой занимается давно. Есть у него немало и научных статей в области механики оболочек. Два высших образования: филфак и мехмат Казанского университета. Кандидат физико-математических наук, заслуженный работник культуры.

По правде говоря, мы не поверили в эту историю. Но... Кто знает?.. К тому же, с литературной стороны вещь достойна внимания и на самом деле соответствует канонам научно-фантастической повести. Поэтому мы и решили поместить ее в журнале. Дожидаться от автора фотографии уже не было времени. Ничего, дадим в следующий раз.

Уже который день Марат пребывал в состоянии необъяснимого беспокойства, не отпускавшем его ни на минуту. Перед глазами неотступно стояли эти древние, пришедшие из глубины веков знаки, исполненные неведомого смысла. При этом его преследовало навязчивое ощущение, что он уже не в первый раз сталкивается с ними. Но только где и когда довелось ему видеть их? Он мучительно напрягал память, пытаясь ответить на этот вопрос. Надо сказать, что память у Марата была великолепная, многие даже завидовали — ведь ему ничего не стоило описать или изобразить то, что лишь мельком попадалось на глаза! А в этот раз... Древние знаки продолжали преследовать его даже во сне. Он просыпался и, не в силах побороть болезненное наваждение, до самого рассвета рылся в закоулках памяти. Все было напрасно — словно порвалась какая-то нить, связывающая эти знаки с сегодняшним днем. Буквально за несколько дней Марат осунулся на глазах, потеряв не только душевный покой, но частично даже уверенность в себе...

А началась эта история с того, что в один прекрасный день у Марата в лаборатории появился его закадычный друг, журналист Лутфи, помешанный на древней истории. Обычно Лутфи любил устраивать из заурядного приветствия и рукопожатия целый ритуал, на педантичное исполнение которого у него уходило не менее получаса. Но в тот день, о котором идет речь, его будто подменили. Он вихрем ворвался в лабораторию и, не произнеся ни слова, бесцеремонно принялся выкладывать Марату на стол какие-то бумаги. Марат, который любил подшучивать над церемониальными пристрастиями Лутфи, не преминул воспользоваться случаем подколоть его. Он ехидно произнес любимую фразу друга:

— До чего же мы низко пали... Уже и здороваться перестали, да?

Вопреки ожиданиям, Лутфи никак не прореагировал на его шутливый выпад.

— Слушай, старик, без тебя никак не обойтись,— наконец, выдохнул он, закончив раскладывать свои листочки.— Вот этот материал надо проанализировать на компьютере и установить закономерность. Эх, если бы мы только нашли эту закономерность! Пусть тогда попробуют с нами поспорить! Ты давай раскочегаривай свой компьютер, а я пока чай поставлю...

С этими словами Лутфи схватил с подоконника большую жестяную банку из-под консервов, служившую чайником, и на первой космической скорости вылетел в коридор...

Марат, за время его отсутствия успевший бросить взгляд на непонятные закорючки, устремил на друга насмешливые зеленоватые глаза:

— И что, ты всерьез считаешь, что эти тараканьи следы можно каким-то образом перевести на машинный код?

Лутфи, которому никак не удавалось сбить друга с насмешливого тона, начал терять терпение:

— Да ты можешь, наконец, понять, что это в твоих же интересах! Эти древние знаки могут лечь в основу фундаментального научного труда. Ты мне сам потом спасибо скажешь...

— За что спасибо? За эти тараканьи автографы?

— Вот именно! Если хочешь знать, то это, возможно, образец древнего, еще дорунического письма, которым пользовались наши далекие предки.

— Это кто тебе сказал?

— Кто сказал, кто сказал!.. Сорока на хвосте принесла! Разве тебе не достаточно того, что я говорю? — Лутфи, казалось, был задет.

— Одно дело, когда говорят ученые, а другое дело — ты! — продолжал раззадоривать друга Марат.

— Послушай, Марат, может, хватит? Если я начну к тебе прикалываться, тебе несдобровать.

— Ладно, свет очей моих, слушаюсь и повинуюсь,— Марат даже руки потер, довольный тем, что достал-таки Лутфи. Так уж у них повелось: были они закадычными друзьями, несмотря на то, что один происходил из мишар, а другой из тептяр, но любили друг над другом подтрунивать, пуская в ход мишарские и тептярские словечки — дай только повод.

— Выходит, наши древние предки использовали для записей обратную сторону корректурных листов?

Лутфи, безнадежно махнув на Марата рукой (ну, что с ним сделаешь!), рассмеялся и пустился в детальные объяснения:

— Дело в том, что несколько лет назад университетские историки привезли из летней экспедиции старинный серебряный сосуд. Как раз на нем и обнаружили надпись, сделанную неизвестными до сих пор знаками. Они очень похожи на руническое письмо, но все же это нечто иное. Вот смотри, это рунические знаки, а это — те, что на сосуде. Их пока никак не могут расшифровать, нужен ключ. Не возьмешься ли сделать сравнительный анализ этих знаков с руническими, привести их, как ты выражаешься, в систему?

Лутфи взял в руки лист бумаги, напустил на себя священнодействующий вид и торжественно-завывающим голосом начал читать:

— Кюрк мнзи трхумакм чкэту олрупнем кюрн срулун чгрулун мунлун счулн срулун икил мнзилун стлан сэлли дрниг ном суз сзлн... Ну как, понял чего-нибудь?

— Как тебе сказать,— глубокомысленно изрек Марат.— Что-то в этом слышится до боли знакомое. Надо полагать, это твоя несравненная дикция.

— Ты все придуриваешься!.. Ты хоть раз в жизни можешь подойти к делу по-человечески, я уже не говорю по-научному?! — взорвался Лутфи.— Это только предположительно так звучит... А вообще говоря, еще никто не смог прочитать этот текст...

— Как это никто? Ты же только что прочитал! Кюрк мензи терхумакем, повтори, авось, поймем,— весело срифмовал Марат, который и сам не заметил, как всерьез заинтересовался таинственными закорючками,— ведь если на то пошло, то историей он увлекался никак не меньше Лутфи.

— Ну, и где же нашли этот сосуд?

— При раскопках одного древнего городища, в могиле какого-то знатного человека, по всей вероятности, правителя. Вот уже второй год специалисты в Казани, в Москве, в Анкаре и Стамбуле ломают голову над проблемой расшифровки. Сходятся в одном — что знаки очень напоминают рунические, но дальше этого никто не пошел. Короче, давай подключай к работе свой компьютер. Если уж ты не сможешь найти ключ, то уже никто этого не сделает. Но я в тебя верю. Ты же собаку съел на буквенных системах. Другого такого специалиста не только в Казани, во всей стране не сыскать! — не скупился на комплимен-

ты Лутфи.

«Ишь, хитрец, как распелся!» — добродушно усмехнулся про себя Марат. Обычно Лутфи любил обзывать его «ходячим компьютером», что Марату не слишком нравилось. Но он никогда не сердился на друга, зная и ценя его бескорыстие и искренность. Он не стал бы отвлекать Марата по пустякам — видимо, дело того стоило. Жаль только, что появился Лутфи не вовремя — дел сейчас не перечесть: нужно подобрать материал для завтрашней лекции, а в ящике стола ждет не дождется научная статья для журнала, которую нужно отредактировать — уже из редакции несколько раз звонили, напоминали. «Ну, да ладно, стакан крепкого чая не повредит, а там видно будет...» Честно говоря, ему совсем не хотелось менять планы и отрываться от начатого дела. Но попробуй теперь отделаться от Лутфи — хватка у того была поистине журналистская... Что оставалось делать? Марат не без досады прихлопнул кулаком по ладони и уселся пить чай...

* * *

Наконец-то! Эврика!

— Предчувствия меня не обманули! — завопил во все горло Марат (благо, никто не слышал).— Ай, да я! Ай, да сукин сын!

С этими словами он вскочил и от избытка чувств пустился в пляс. В эти упоительные минуты ему, окрыленному успехом, хотелось вырваться из тесных стен лаборатории, взлететь над вечерним городом — да что там, над городом! — над всей землей, чтобы все о нем услышали.

— Надо же, получается! Ошибка исключена! Еще одно усилие, и вся историческая наука будет потрясена!..

Приговаривая так, он вприпрыжку кружился по лаборатории и вдруг... ноги его будто приросли к полу от пришедшей в голову идеи. Он хлопнул себя по лбу: «Какой же я олух! Зачем тратить столько времени на обработку данных на компьютере? Ведь есть же транспьютер!..— и Марат, только что без ложной скромности считавший себя гением, принялся вслух ругать себя: «Ах, я кретин безмозглый! Гений — для удобрений!..»

В самом деле, погрузившись в работу над проблемой, подкинутой Лутфи, Марат засел за свою «персоналку» и совсем упустил из виду, что недавно у них в лаборатории установили первый и единственный в городе супертранспьютер, обладающий уникальными данными, из которых Марата больше всего привлекала заманчивая возможность напрямую подсоединиться к искусственному интеллекту. Электронный мозг позволяет раскрыться скрытым способностям человека, дремлющим на генном уровне, которые ему раньше и не снились, транспьютер может решить доселе не поддававшиеся человеческому разуму проблемы путем преодоления гигантских непостижимых временных и пространственных пластов. Только есть одно «но» — чтобы работать на новой машине, нужно получить разрешение самого ректора. Об этом специальным приказом уведомили всех, кто имел хоть какое-то отношение к лаборатории. Дело в том, что экспертами, присланными специально для испытаний транспьютера, учитывалась каждая минута работы дорогостоящей техники. И еще: для работы на транспьютере допускались только лица, прошедшие основательное медицинское обследование, они должны были обладать отменным здоровьем, устойчивой психикой, не иметь в роду душевнобольных. Дело в том, что общение человеческого мозга с электронным могло нанести ущерб здоровью. И, наконец, СТП (супертранспьютер) в некоторых случаях (каких именно — предстояло установить закономерность) поглощал слишком много энергии. Многотысячные киловатты беспричинно и бесследно растворялись в каких-то неведомых измерениях. Это могло отрицательно сказаться на работе городской системы электроснабжения.

Марат завороженно уставился на матово поблескивающий экран, расположенный в центре белого пластикового корпуса. Подумать только — внутри этого пластика заключена волшебная сила искусственного интеллекта, выйдя на связь с которым, он мог бы вмиг рассеять все свои сомнения, установить долгожданную истину. Можно было бы легко избежать рутинной работы, для которой на обычном компьютере нужно несколько недель: для этого нужно всего лишь прикрепить специальные липкие контакты к местам скопления нервных окончаний, надеть на голову шлем, внутренность которого покрыта особым составом, и сесть в капсулу перед дисплеем, сделанную из стекла, не пропускающего энергоизлучение... А все остальное — дело супертранспьютера...

— Эх,— выдохнул Марат и, сам того не замечая, заговорил вслух, обращаясь к машине, как к живому собеседнику.— Ты бы мог за одну секунду ответить, верны ли мои предположения. Тебе же это раз плюнуть. У меня, знаешь, в голове сколько планов? Как я могу все успеть? А ты тут без дела простаиваешь. И не жалко тебе меня, а?.. Мы бы с тобой такие дела могли провернуть!..

Его рука сама собой потянулась к выключателю. Еше одно движение... и гигантский интеллект приступит к работе... Но Марат вовремя опомнился и отдернул руку. Чтобы преодолеть соблазн, он даже пересел подальше от вожделенного объекта. Однако взгляд его, не в силах оторваться от машины, скользил то по дисплею, то переходил со шлема на капсулу. «А может, махнуть на всех рукой, послать подальше все запреты и?..»

В этот момент прозвенел телефонный звонок, заставивший его вздрогнуть. Марат нехотя взял трубку.

— Слушаю!

— Добрый вечер, Марат Галиевич! Увидел у тебя в окне свет и решил позвонить. Один сидишь? Как идет работа?

При звуках солидного баритона, с обманчивой фамильярностью вещавшего из трубки, у Марата перед глазами возник напыщенный облик обладателя этого голоса. У проректора было обыкновение всегда звонить в тот момент, когда Марат, по уши уйдя в работу, вовсе не горел желанием разговаривать.

— Вроде движется помаленьку.

— Как это «вроде»? Если мне не изменяет память, отчет уже давно должен лежать на столе комиссии, разве не так?

— Должен-то, конечно, должен... В жизни частенько желания не совпадают с возможностями.

— При чем тут желания, когда есть такое понятие, как «надо». В последний раз предупреждаю, Марат Галиевич, если через два дня не представишь отчет, пеняй на себя! Выступление на международной конференции — это тебе не шутка... Надо думать о престиже института! Сам же хотел утереть нос зарубежным ученым, ведь так? Роль временного компонента в алгоритме, обеспечивающем связь современности с прошлым!.. Тема, что и говорить, сногсшибательная...

Марат представил себе ехидную улыбку, появившуюся при этих словах на лице проректора. Ахмет Сихатович, хотя и закончил институт всего на два-три года раньше Марата, любил при разговоре подчеркнуть свое вышестоящее положение. Похоже, что другого тона, кроме начальственно-приказного, этот смолоду занявший высокое кресло сановник просто не знал.

— Будет тебе отчет,— раздраженно ответил Марат.— Уже заканчиваю обработку данных.

— Смотри, чтобы на эту тему больше разговоров не было! Я тебя предупредил!..

Тут Марата осенило: «А почему бы не попросить разрешения задействовать СТП? Грешно было бы не воспользоваться моментом...» Марат, честно говоря, не слишком-то верил в то, что добьется разрешения, но кто его знает? Во всяком случае, стоит попробовать. Если у него появится возможность поработать на новой машине, он бы сэкономил недели, а то и месяцы на решение мучивших его проблем!

— Послушай, Ахмет, ты ведь знаешь, я не из любителей просить. Если уж обращаюсь с просьбой, то лишь в крайнем случае...

— Ну что ж, посмотрим, что за просьба такая. Выкладывай.

— Мне нужно разрешение поработать на супертранспьютере. Тогда бы хоть сегодня положил тебе на стол готовый отчет.

— Разве ты забыл, что для этого нужно персональное разрешение ректора?

— Но ведь его сейчас нет, и обязанности ректора исполняешь ты... Так что дело только за тобой...

— Так-то оно так,— баритон в трубке стал еще более солидным — даже по телефону чувствовалось, как по физиономии проректора расплылась довольная улыбка: слова Марата пролились бальзамом ему на душу.

Марат, невольно польстив самолюбию Ахмета Сихатовича, уже почти не сомневался, что получит разрешение.

— Так-то оно так,— повторил проректор.— Но ведь ты не прошел медкомиссию... Выходит, у тебя нет допуска... Пока у меня на столе не будет соответствующей справки, разрешить не имею права.

— Ахмет, мы с тобой не первый год знакомы. Забыл, как мы с тобой в общаге соседями были? Ты же знаешь, что у нас в роду никогда не было ни душевных, ни физических болезней. Какая справка тебе еще нужна?

— Сам знаешь какая.

— Ахмет Сихатович! Мне всего-то пять минут нужно... В лаборатории сейчас никого нет. Всю ответственность беру на себя.

— Ну уж нет, Марат Галиевич! Как раз нести ответственность и входит в мои обязанности. На себя многовато берешь. Надеюсь, что ты меня понял.

— А разве не я отвечаю за проверку выдвинутой гипотезы и за отчет?

— Вот этим и занимайся. И я, будь уверен, обязательно его потребую. Так что давай трудись, и смотри — до транспьютера дотронешься, ответишь по всей строгости!..

— Знаешь, Ахмет, в таком случае твои наставления мне нужны как мертвому припарки. Не мешал бы лучше работать...

— Кто? Я мешаю?!

Марат уже понял, что малость перебрал. Он отвел трубку подальше от уха, и правильно сделал — разгневанный рев Ахмета Сихатовича мог запросто порвать мембрану:

— Ну, смотри, как бы тебе пожалеть не пришлось!

Марат, не дослушав, положил трубку и, тяжело вздохнув, сказал самому себе:

— Уже жалею — что попросил...

Через минуту снова зазвонил телефон. Марат, скривившись, как от зубной боли, все-таки взял трубку.

— Ты думаешь домой возвращаться или нет? Дети уже забыли, как выглядит их отец. Не могу уложить, тебя дожидаются.— Это был голос жены.— Ты с этой работой совсем скоро ноги протянешь,— посетовала Рахима и после небольшой паузы добавила:

— И вообще, кто его знает, ты там работаешь или еще чем-то занимаешься?

— Хоть ты душу не трави! Знаешь ведь, чем я занят!..

Марат, выйдя из себя, отшвырнул телефон прочь. Потом опомнился и, проклиная свой вспыльчивый характер и непростительную грубость по отношению к самому близкому человеку, торопливо набрал домашний номер.

— У тебя там что, взрыв произошел? — отозвалась в трубке Рахима как ни в чем не бывало, хотя Марат уже представлял, как она закусила пухлую нижнюю губу, пытаясь скрыть обиду. Поэтому он попытался произнести как можно мягче:

— Да нет, ничего не случилось. Сейчас выключу компьютер и бегу домой. А детям передай, что папа велел к его приходу уснуть!

Вытащил из кармана часы — они показывали половину двенадцатого. Марату частенько случалось ночевать в лаборатории, но сегодня он никак не мог себе этого позволить. Завтра у сына день рождения. Уже давным-давно он обещал свозить его купаться на Волгу. Ну, а потом, конечно, снова в лабораторию! Думая так, он достал из письменного стола давно уже приготовленный подарок — маленького игрушечного робота в виде всадника на коне. На душе потеплело, когда он представил радость сынишки... Однако, надо поторапливаться: до отхода последнего автобуса, идущего в дальний микрорайон, осталось всего минут двадцать. Как бы снова не пришлось ночевать на работе!

Марат, глядя на часы, быстро подошел к компьютеру, чтобы выдернуть шнур из розетки. Глаза снова остановились на стоящем рядом транспьютере. Совершенная во всех отношениях, но простаивающая без работы машина словно ждала, чтобы в нее вдохнули жизнь. Марату вдруг показалось, что он почувствовал какое-то движение цветного кабеля, тянущегося от полукруглого белого корпуса к супершлему, а экран дисплея посмотрел на него умоляющим взглядом. Марат зачарованно сделал шаг в сторону машины, а рука сама нажала на кнопку включателя.

Уникальное электронное устройство очнулось от долгого сна — на передней панели замигали разноцветные лампочки, на экране замерцала надпись, запрашивающая режим работы. Марат, сам не понимая, что делает, выбрал нужный режим и загипнотизированно уставился на экран.

Через несколько мгновений на голубоватом экране появились зеленые буквы, и та же фраза, произнесенная мелодичным женским голосом, прозвучала вслух из динамика:

— Ты готов?

Машина, как выяснилось, не особо церемонилась с человеком — видимо, считала себя с ним на равных,

обращаясь на «ты». Марат, пытаясь скрыть волнение в голосе, сказал в микрофон «Да» и нажал соответствующую кнопку — почти такую же, как на компьютере.

На экране замелькали различные указания и сообщения — машина проделывала подготовительную работу, совсем как авиадиспетчер, освобождающий взлетную полосу для самолета. Наконец, эта сложная и утомительно долгая процедура подошла к концу, и прозвучала команда, адресованная Марату:

— Залезай в капсулу, прими удобную позу в кресле и сосредоточься на своей проблеме!

Марат, выполнив команду, сигнализировал о своей готовности нажатием кнопки.

— Готовность номер один! Последний вопрос! Хорошенько все взвесь и ответь — ты не передумал?

— Нет!

На экране всеми цветами радуги заиграли веселые огоньки, которые вскоре сменились долгожданной надписью:

— Надень на голову супершлем! Сеанс продлился двадцать минут.

Вверив себя машине, Марат застегнул под подбородком супершлем и, подчиняясь командам на экране, принялся нажимать кнопки.

* * *

Ночной город, тихо погружавшийся в объятия сна, в мгновение ока внезапно исчез под покровом тьмы. Густая, как деготь, непроницаемая, она подступила к окнам лаборатории. Через некоторое время, так же неожиданно, свет вспыхнул, причем намного ярче, чем прежде. От этого в домах и на улицах, на заводах, работающих в ночную смену, вовсю «полетели» лампочки, перегорели и вышли из строя электроприборы и оборудование.

Впоследствии этот факт объясняли какой-то крупной аварией в единой энергосистеме Европы.

Марат, естественно, ничего об этом не знал. Он сидел, откинувшись в кресле, и у него перед глазами сменяли друг друга различные образы. Он чувствовал, как тело его обретает необъяснимую легкость и окрыленность, а в голове появляется какая-то неведомая доселе кристальная ясность мысли. Как будто порвались тяжелые цепи, приковывавшие его к земле, и душа,— нет, не только душа, а все его существо! — взмыло кверху в свободном полете, растворяясь в бескрайней божественной выси.

* * *

— Досточтимый Мурат-бек! Ты не забыл, что сегодня в ханском дворце состоится заседание дивана? Из дворца прибыл гонец. Поэтому я решился разбудить тебя, чтобы напомнить... Прошу покорнейше меня простить и не гневаться...

«Какой ханский дворец?.. И почему это вдруг бек, да еще досточтимый?.. Хорошо еще, что не Ваше величество король Франции Людовик XVI! Интересно, кто надо мной решил подшутить!»

Марат улыбнулся, вспомнив, что жена иногда ради смеха обращалась к нему «досточтимый». Однако голос был вовсе не женский, но тем не менее очень знакомый. Постой-ка, где же он слышал его? Уж не принадлежит ли он одному из старых друзей? Только как он сюда попал?

А потом, с чего это я стал Муратом?.. А почему бы и нет, собственно говоря? Конечно, Мурат — это исконное тюркское имя!..

Марат сам удивлялся бессвязности своих ощущений и мыслей, которые он, не замечая того, бормотал вслух. Тьфу! И лезет же в голову всякая чушь!..

Внезапно он очнулся и, словно пытаясь прогнать от себя бредовые мысли, сделал резкий взмах рукой, собранной в кулак.

* * *

Внушительный, величиной с детскую голову кулак властно взметнулся кверху.

— Стойте!

Направлявшийся в ханский дворец Мурат-бек, завидев караван с грузом под охраной вооруженных воинов, резко натянул поводья своего гнедого жеребца. Скакавшая за ним свита молча последовала его примеру. То были надежные телохранители, лихие воины, прошедшие огонь и воду вместе со своим предводителем, не раз спасавшие его от смерти. Не дожидаясь приказа, они перегородили улицу за спиной Мурат-бека, так, что караван не мог двигаться дальше.

И без того зычный голос Мурат-бека, обращенный к воинам, сопровождавшим караван, казался еще громче, отражаясь от каменных стен:

— Откуда возвращаетесь, джигиты?

Вообще-то, Мурат-бек давно понял, чьи это воины и откуда они везут добычу. Алчный Сихат-бей потерял всякую меру, совершая набеги на близлежащие земли, не спрашивая на то разрешения дивана. Грабя русских, он также не упускал возможности поживиться за счет попадавшихся на его пути степных тюркских племен. Все это хорошо было известно Мурат-беку, потому и вывело его из себя появление каравана. Головорезы Сихат-бея, проливая кровь и слезы соседних тюрков, отнюдь не способствовали установлению дружеских отношений с ними, а ведь именно сейчас, когда стало набирать силу Московское княжество, обстановка требовала объединения.

Конечно, от набегов Сихат-бея кое-что перепадало и в казну, но прижимистый Сихат-бей делал это скорее для отвода глаз. Так что вреда он приносил куда больше, чем пользы.

Мурат-бек давно уже намеревался остановить и образумить зарвавшегося грабителя. Однако среди воинов самого Сихат-бея не было видно. Вместо него с ответом выступил вперед Касим, начальник сихатовского войска.

— Возвращаемся из степи, досточтимый Мурат-бек. Как видишь, удача нам сопутствовала — везем богатую добычу...

Хвастовство старого воина, который, по мнению Мурат-бека, позорил свои седины грабежом и разбоем, вызвало у него раздражение: «Уж состарился, а ума так и не нажил»,— подумал про себя Мурат-бек. Но стоит ли винить Касима — ведь он действовал по приказу Сихат-бея, искренне полагая, что делает нужное дело для государства.

Мурат-бек, понимая, что бессмысленно демонстрировать перед воинами охвативший его гнев, попытался подавить эмоции и лишь коротко приказал:

— А ну, показывайте!

Мурат-бек пользовался непререкаемым авторитетом как один из самых приближенных к великому хану людей, обладающий незаурядным государственным умом и прославивший себя как талантливый пол-

Нияз Хәҗиәхмәт 1994.

ководец. Никто не смел ослушаться его приказа, напротив, достаточно было легкого взмаха руки, чтобы исполнялось его малейшее желание!

По лицу Касима, заросшему густой черной бородой, расплылась широкая улыбка:

— О величайший из великих, стоит тебе сказать лишь слово, и все, что понравится, станет твоим!

По взмаху его руки войско расступилось, и взгляду Мурат-бека открылись груженые разным товаром подводы: нарядная одежда, посуда, домашняя утварь... К подводам привязаны были лошади с жеребятами, верблюды, нетерпеливо переминающиеся с ноги на ногу породистые красавцы-скакуны...

Однако ничто из увиденного не заинтересовало Мурат-бека. На лице его не дрогнул ни один мускул, а жесткий взгляд прищуренных зеленоватых глаз был бесстрастен.

Касим, внимательно следивший за каждым его движением, приблизился к Мурат-беку и подобострастно зашептал ему на ухо:

— А может, желаешь взглянуть на товар иного рода? Приказывай!

Мурат-бек равнодушно махнул рукой — мол, как хотите. «Интересно, что они еще могут показать?»

Касим жестом велел каравану пройти вперед, и прямо к Мурат-беку подкатили несколько подвод, затянутых покрывалами. Раздался чей-то грубый окрик:

— А ну, тихо там! Перед вами один из правителей ханства!

Из-под покрывал доносились причитания, стоны и горестные рыдания, которые стихли, оборванные этим окриком. Только тогда Мурат-бек понял, что за «товар» был на крытых подводах.

Воины бросились к подводам, стали стаскивать с них — кого криками, кого за руку, а кого и камчой — молодых и красивых невольниц. Среди заплаканных пленниц были и светловолосые, голубоглазые, попадались и смуглые, чернобровые, с гибким станом тюркские девушки. Мурат-бек с первого взгляда определил, что не все они были рождены в неволе. Что же должны были испытывать эти несчастные создания, выросшие на свободе и вольные сами выбирать себе суженых, но по велению судьбы попавшие в плен! Мурат-бек гневно сдвинул брови, руки его сжались в кулаки, а с губ готовы были слететь обличительные слова, но... вдруг позади остальных невольниц он разглядел еще одну — с длинной и густой косой цвета воронова крыла.

Мурат-бек застыл на месте, прикованный взглядом широко открытых глаз, обрамленных густыми изогнутыми ресницами. Из прекрасных очей волнами изливались на обидчиков ненависть и гнев. Одной рукой девушка придерживала оторвавшуюся воротниковую застежку — изю, другая же рука как будто пыталась что-то нащупать на поясе. Мурат-бек понял, что красавица, сама того не сознавая, привычным жестом искала кинжал, который обычно носят на поясе девушки-горянки. В отличие от других невольниц, смиренно склонивших головы, девушка стояла выпрямившись, выражая всем своим обликом непокорность, и даже сделала пару шагов вперед.

Глядя на эту необычную пленницу, Мурат-бек не мог не залюбоваться ее нежным смугло-розовым лицом, вишневыми губами, выглядывавшей из раскрытого ворота длинной, гордо поднятой шеей, тонким и гибким, словно ветки растущего по берегам Казанки тальника, станом. Легкий ветерок, теребивший платье девушки, лишь подчеркивал совершенство ее невысокой, но стройной фигуры.

Немало красивых девушек повидал на своем веку Мурат-бек, но ни в одной из них не было такого чувства собственного достоинства и независимости. Девушка напоминала дикую птицу, не смирившуюся со своей участью и готовую улететь на волю при первой же возможности.

Не так-то просто было растрогать сурового, привыкшего повелевать военачальника, но Мурат-бек чувствовал, как из глубины его души поднимается и растет восхищение, смешанное с жалостью и болью за погубленную молодость и красоту.

Мурат-бек, облеченный огромной властью, прекрасно знал — стоит ему лишь шевельнуть пальцем, и девушка перейдет в его собственность. И Касим, и Сихат-бей были также хорошо об этом осведомлены. Возможно, именно поэтому девушку прятали за спинами других невольниц. Падкий до женщин Сихат-бей не мог не оценить по достоинству редкостную красавицу. Да и Касим, доставив хозяину такой товар, рассчитывал подняться в его глазах...

Мурат-бек, тяжело вздохнув, собрался продолжить свой путь. Больше ему не на что здесь смотреть. Не пристало выговаривать слуге слова, адресованные хозяину. Да и вмешиваться в дела казанских беков без серьезных на то оснований считалось делом неодобрительным.

В этот миг один из приставленных к каравану охранников, которому не понравилось то, что девушка сделала несколько шагов вперед, взмахнул рукой. По нежному лицу девушки протянулся кровавый след, на шею и светлое платье покатились алые капли. Но девушка не переменила вызывающей позы, не издала ни единого стона и не прикрыла рану рукой. Она бесстрашно продолжала глядеть на вооруженных мужчин, посмевших поднять руку на беззащитную женщину, и во взгляде ее читались теперь презрение и чувство превосходства над ними.

От внимания Мурат-бека, который уже развернулся было ехать дальше, не ускользнул этот маленький эпизод. Девушка на мгновение перевела взгляд на Мурат-бека, и он не смог уловить в ее глазах ничего похожего на жалобу или мольбу о помощи; только лишь отчаяние, вызванное безысходностью положения, таилось на дне этих прекрасных глаз. И снова у него заныло сердце при мысли: «Она ведь тоже чья-то ненаглядная дочь и чья-то возлюбленная... За что, по какому праву отняли у нее все, что она имела?..»

Мурат-бек снова развернул коня и, рассерженно сверкнув глазами, властно приказал Касиму:

— Распорядись, чтобы эту невольницу прислали ко мне домой!

Почувствовав, что чем-то разгневал досточтимого бека, Касим струхнул не на шутку. Однако, стараясь себя не выдать, он бодрым голосом не преминул откликнуться:

— Слушаюсь и повинуюсь, о величайший из великих. Твой приказ немедленно будет исполнен!

Мурат-бек, зная, что по хитрости и изворотливости Касим мало чем уступал своему хозяину, подозвал двоих самых надежных и верных телохранителей:

— Проследите, чтобы все было выполнено!

При этих словах лицо Касима омрачилось — ведь он рассчитывал сначала показать красотку Сихат-бею, а там пусть сам решает. «Эх, не уберег такое сокровище, не смог как следует спрятать»,— принялся он ругать себя. Да и как можно было предположить, что гордый и разборчивый бек, известный своей верностью погибшей жене, вдруг пойдет на такое. Но те-

перь уже поздно, ничего не поделаешь. К тому же Касим прекрасно знал, что с ним станет, если он посмеет ослушаться. Поэтому ему ничего не оставалось, как, проклиная свою неосмотрительность, подчиниться телохранителям Мурат-бека, который тем временем отдавал распоряжения:

— Пусть поселят ее в белой палате, принесут вдоволь еды, питья и одежды. И обращаться с ней не как с рабыней, а как с гостьей!..

Перед Касимом, который еще никак не мог прийти в себя от неожиданного поворота событий, внезапно шлепнулся на землю кошель с деньгами:

— Скажи, этого достаточно, чтобы мы с тобой были в расчете?..

Касим на миг потерял дар речи: как может такое случиться, чтобы столь знатный военачальник, отказавшись от законного права бесплатно получить понравившуюся ему невольницу, вдруг расплачивается с ним — ничтожным человечком, которого по его приказу могут завтра изгнать из ханства или убить?!

— О величайший из великих, щедрость твоя поистине безгранична,— непослушными губами бормотал Касим, пытаясь унять охватившую его дрожь...

* * *

Заседание дивана началось вовремя. Все знали, что великий хан, правитель Казанского ханства Сахипгирей терпеть не мог, когда члены государственного совета опаздывали.

Сегодня ничто не омрачало настроения хана. Он внимательно оглядел рассевшихся вокруг трона беков, мурз и военачальников — каждый из них занимал определенное место в соответствии с родовитостью, знатностью и заслугами перед государством — и прочистил горло, намереваясь открыть заседание.

И в это время с улицы донесся шум: что-то вызвало беспокойство у шагаулов — охранников дворцовых ворот. По лицу Сахипгирея пробежала тень недовольства. Он тотчас же сделал знак одному из придворных, и молодой джигит, без слов поняв правителя, вмиг скрылся. Через минуту, склонив голову, он уже докладывал:

— Прибыл Сихат-бей, просит разрешения войти. У него приятные новости для ханского величества.

— Опоздавших на заседание дивана впускают только в исключительных случаях. Разве Сихат-бею это не известно?

Слова хана, обращенные к слуге-шагаулу, предназначались в большей степени членам дивана. Сахипгирей слыл человеком справедливым и принципиальным, при этом был суров и беспощаден к тем, кто нарушал заведенные порядки. Никто из присутствующих не хотел бы попасться ему под горячую руку. Но в этот раз дерзкая просьба опоздавшего отчего-то не вызвала у него обычной вспышки гнева. Члены дивана облегченно вздохнули.

Словно почувствовав напряженное ожидание притихших мурз, беков и карачи[1], Сахипгирей поскорее сделал рукой знак, чтобы впустили опоздавшего. Придворный охранник бросился к дверям. Мурат-бек помрачнел. Если грабительские набеги Сихат-бея, в которые он пускался не испрашивая на то позволения дивана, приводили Мурат-бека в гнев, то поведение хана, изменившего сегодня своим принципам и не поставившего нахала на место, вызвало у него недовольство.

В дверях появилась круглая физиономия Сихат-бея, расплывшаяся в подобострастной улыбке. Приближаясь к трону, он постепенно расточал льстивые слова.

— О великий хан, твой трон подобен горной вершине, лик твой подобен сиянию луны, справедливость твоя необъятна, подобно облаку, слово твое исполнено милосердия, милость твоя безгранична, подобно морю. Да будет благополучна твоя страна, да будет благословенно твое имя, о несравненный Сахип-хан!..

Брови Сахипгирея сошлись на переносице. Согласно придворному этикету, комплименты и восхваления такого рода приняты были, когда приезжали с визитом послы из других стран. В данном же случае все присутствующие понимали неуместность приторных речей Сихат-бея и бросали друг на друга удивленные взгляды.

Однако Сихат-бей, не обращая ни на кого внимания, продолжал тараторить:

— О величайший из великих, на коленях прошу извинить за допущенное мною опоздание и всецело сознаю свою вину! Но тому была веская причина. Воины моего алая[2] вернулись из степи с богатой добычей. Я не мог не выполнить священного обычая. Покорнейше прошу принять одну десятую добычи в дар, о великий хан, еще одну десятую позволь передать в государственную казну...

Все члены дивана, в том числе и Мурат-бек, недоумевали, пытаясь понять причину, побудившую прижимистого Сихат-бея так расщедриться. То, что одну десятую часть денег и имущества, добытого во время военного похода, следует отдать в казну, это нерушимый закон, унаследованный от отцов и дедов. Но не было случая, чтобы кто-то передавал часть добычи хану в личное распоряжение, в качестве дара. Никто не сомневался, что Сихат-бей желал задобрить хана и выслужиться перед ним. Вряд ли он пытался таким образом загладить свое опоздание. Не тот человек был Сихат-бей. Все ждали, что скажет великий хан. Оборвет Сихат-бея или позволит ему дальше продолжать медоточивые речи?

Хан Сахипгирей взошел на Казанский трон три года назад. Он был в кровном родстве с правителем Крымского ханства, великим ханом Мухаметгиреем, и все привыкли к тому, что родственник крупного политического деятеля, состоящего в дружеских отношениях с потрясшей полмира Османский империей, всегда действует и говорит решительно. До сих пор так оно и было. В этот же раз великий Казанский хан, похоже, выказывал излишнее великодушие. Его молчание Сихат-бей, видимо, воспринял как знак одобрения. Он, осмелев, бросил победоносный взгляд на окружающих и снова склонился перед ханом, успев коварно улыбнуться в сторону Мурат-бека. Мурат-бек поморщился, словно по лицу его скользнуло какое-то неприятное насекомое.

— О величайший из великих! Мои доблестные воины привезли тебе из дальнего похода еще один драгоценный трофей. Они отбили у кочевников настоящий степной цветок — красавицу неописуемой красоты, стройную, как ивовая ветвь, с ликом светлым, как луна, с глазами черными, как ночь! Вот только...

И Сихат-бей остановился, заглядывая в глаза великому хану, что тому не понравилось. Рассерженным голосом Сахипгирей приказал:

— Не тяни, Сихат-бей, договаривай!

Ответ Сихат-бея прозвучал одновременно торжествующе и злорадно:

— А дальше уж пусть Мурак-бек рассказывает!

Теперь Мурат-бек понял хитроумный замысел: Сихат-бей решил отнять у него невольницу, которая не досталась ему самому, руками хана Сахипгирея.

Мурат-бек не чувствовал за собой никакой вины — он не нарушал никаких законов и не замышлял ничего против хана. Он был абсолютно спокоен.

Диван на мгновение погрузился в тишину. Завистники и тайные враги Мурат-бека заранее предвкушали увидеть, как он публично подвергнется унижению. Были и такие, кто тревожился за честного и справедливого бека. Но никто не остался равнодушным. Что ответит хану один из самых его верных приближенных? Перехватить добычу, причитающуюся хану,— провинность серьезная.

— Действительно, досточтимый хан, сегодня утром я выкупил одну из невольниц у воинов, которые возвращались из похода,— спокойно ответил Мурат-бек.

Диван в ужасе притих — шутка ли, Мурат-бек публично признал свою вину перед ханом! Выждав некоторое время, бек негромко спросил, ни к кому не обращаясь и ни на кого не глядя:

— Разве отдают за деньги невольницу, которая предназначалась для великого хана?

Кому-то этот вопрос показался коварным, кому-то слишком прямолинейным, но не нашлось никого, кто бы смог ответить.

Бек заговорил снова:

— Разве невольницу, которую везут в подарок хану, бьют камчой по лицу? И разве должен мужчина спокойно смотреть, как поднимают руку на беззащитную женщину?

Члены дивана продолжали молчать.

Мурат-бек отыскал глазами Сихат-бея и обратился к нему:

— Разве твои люди не знали, что девушка предназначалась хану? Выходит, мое золото для них значит больше, чем милость великого хана?

На глазах у всех Сихат-бей сник и съежился, лишь изредка бросая злобные взгляды в сторону Мурат-бека. В этот момент он готов был разрубить его на мелкие куски, если бы только мог.

Диван сидел не дыша, ожидая взрыва негодования со стороны Сахипгирея. Все разгадали коварный и подлый замысел Сихат-бея — руками великого хана расправиться с Мурат-беком — и с нетерпением ждали ханского приговора.

— С Сихат-беем мы поговорим позже,— произнес, наконец, Сахипгирей.— Сегодня у нас нет времени обсуждать такие пустячные проблемы. Хочу лишь напомнить, что близкий мой друг Мурат-мирза никогда не кривил душой, всю жизнь верой и правдой служил трону и государству, и как бы я его не благодарил, какие бы почести ему не воздавал, этого будет недостаточно... И я не собираюсь никоим образом посягать на его права. Все его дела и поступки остаются в силе.

При этих словах хана будто черная туча набежала на лицо Сихат-бея.

...Заседание дивана покатилось своим чередом.

Сихипгирей-хан оставил обсуждение самых важных вопросов под занавес. Его громогласный голос не умещался в стенах дворца и, казалось, прорывался из-под дворцовых сводов на улицы города:

— Вы посмотрите, чем занимаются некоторые благородные беки и мурзы, в то время как на западе собираются против нас грозные силы? Кое-кто хвастается своей богатой добычей, пытается задобрить нас и усыпить бдительность, принося в дар золото и невольниц,— глядите, мол, как богаеет ханская казна!.. Разве мы становимся сильнее от того, что приобретаем врагов в лице степных тюрков, которых без конца грабим и обираем? Скажи, Сихат-бей, какую пользу принесли твои разбойничьи набеги? Может быть, от них улучшились отношения с соседями? Если вдруг на нас нападет враг, протянут ли наши братья по крови — степные племена — руку помощи? Почему же ты молчишь?

И Сихат-бей, и другие члены дивана прикусили язык. Почти за каждым из них водились грехи подобного рода — время от времени снарядить военный поход в близлежащие степи считалось у них в порядке вещей.

Сахипгирей сошел с трона и принялся ходить взад-вперед. Под грузным богатырским телом великого хана жалобно скрипели и прогибались половицы, а от раскатов мощного голоса вжимались в плечи головы благородных беков и мурз.

— Настало время решительных действий. Или они нас, или мы их... Сами понимаете, о ком веду речь... Долго говорить не буду, однако предупреждаю — никаких походов на соседей, будь то тюрки, ары[3], черемисы[4] или чуваши! Тот, кто нарушит мой приказ, пусть пеняет на себя... Мурак-бек! Теперь ты рассказывай, что за сведения ты получил от надежных людей? Послушаем!

Мурат-бек не спеша, с достоинством поднялся. Не прожитые годы, а бесконечные, изводящие душу ночные думы наложили печать усталости на его чело. У этого статного и крепкого человека, весь облик которого говорил о силе, уме и несгибаемой воле, накопилось много что сказать.

— На днях вернулся торговый караван из Московии. Новостей привезли — не пересказать. Вам, должно быть, они уже известны. Купцы, торговцы и лавочники третий день баламутят горожан: мол, торговля с Москвой — дело прибыльное и выгодное; Казань должна обратиться лицом на запад и как можно больше крепить дружбу с Московским княжеством... Так-то оно так. У торговли свои законы. Купцам и торговцам нужен доход, нужен рынок, а обычаи и государственные интересы можно оставить побоку. Но нам нельзя забывать об одном — привечая и задабривая наших купцов, Москва хочет усыпить нашу бдительность. Я знаю, о чем говорю...

Мурат-бек обвел взглядом участников заседания. Кто-то слушал его не дыша, ожидая от мудрого бека каких-то важных и решающих слов, кто-то, облокотясь на подушки, сидел с отсутствующим видом. Были и такие, кто готов был выступить с защитой интересов торговцев и уже подбирал контраргументы против Мурат-бека. Но самые серьезные известия Мурат-бек еще не объявил. Он был уверен, что услышав их, никто не останется равнодушным:

— Не позднее, чем в середине лета, Москва пойдет на нас войной. Мы тут благодушно веселимся, строим друг другу козни и не даем покоя соседям-тюркам. А русичи тем временем тайно снаряжают войско, запасаются оружием. Попы всячески благославляют князей: мол, истребить под корень мусульман — дело святое и богоугодное. Поверьте, мои слова не досужие выдумки. При дворе великого князя у нас есть свои уши...

Воцарилась тишина, в которой слышно было, как кто-то тяжело вздохнул, кто-то тихонько кашлянул, прочищая горло, пересохшее от таких известий.

Молчание нарушил Сахипгирей-хан:

— Сегодня мы с вами ничего не решим. То, что вы слышали — государственная тайна. Идите и хорошенько прикиньте наши силы: какой величины войско мы сможем собрать. Мой приказ: с сегодняшнего дня, с этого часа начинаем подготовку к войне. Завтра состоится очередное собрание дивана, на котором каждый выскажет свои соображения.

Члены дивана стали расходиться. Мурзы и беки, погруженные в невеселые думы, уже садились во дворе на лошадей, когда вдруг кто-то дернул Мурат-бека за рукав. Это был один из верных слуг Сахипгирея, который, оглядевшись по сторонам, прошептал ему на ухо:

— Досточтимый бек, великий хан хочет с тобой поговорить с глазу на глаз. Прошу следовать за мной.

Миновав многочисленные комнаты и коридоры, они вошли, наконец, в полутемную келью. Сахипгирей стоял в задумчивости у плотно занавешенного окна. Он тяжело опустился на кожаную подушку, указав рукой на место подле себя.

— Не всем членам дивана можно доверять,— сказал он, глядя прямо в глаза Мурат-беку.— Потому я сегодня и не стал толочь воду в ступе. Но тебя знаю много лет и ценю твою преданность Казанскому трону... Догадываешься, о чем пойдет речь?.. С каждым годом усиливается противостояние с Москвой. Если мы не успеем принять меры...

Великий хан, не докончив фразу, опустил голову и замолчал. Некоторое время он собирался с мыслями. Затем продолжил:

— Русичи объединяются, а мы, тюрки, враждуем друг с другом. Какие силы можем мы противопоставить натиску русских полчищ?..

— У нас только один путь выстоять — это объединить усилия всего мусульманского мира,— ответил Мурат-бек, радуясь предоставленной возможности высказать давно вынашиваемые мысли.

— Вопрос в том, под чьими знаменами, под чьей рукой объединяться? Где та сила, которая сплотит и поведет за собой всех тюрков, весь мусульманский мир?.. Были славные дни и в истории нашего ханства. Не знаю, сможем ли мы вернуть это время?..— размышлял вслух Сахипгирей. Неожиданно для Мурат-бека он вдруг вскочил на ноги и громко, будто отдавал приказ целому войску, вскричал:

— А все-таки есть такая сила! Есть! Это султан Сулейман бине Салим. В его руках огромная власть, бесчисленная армия!.. Крым, Астрахань, Сибирь, ногайцы... Под знаменами султана мы могли бы объединиться и победить любого врага!..

Немного успокоившись, Сахипгирей-хан опять уселся рядом с Мурат-беком и доверительно произнес:

— Я принял решение, которое открою только тебе. У меня нет другого выхода, кроме как ехать в Стамбул — с какой целью, ты знаешь. Нам нужна помощь и мы, тюрки, должны объединиться вокруг Стамбула. Мы еще сумеем вернуть былую доблесть и славу... Самое главное — чтобы никто не знал, что меня в Казани нет, и чем дольше, тем лучше. Следить за этим поручаю тебе. Прежде чем пускаться в путь, дам тебе знать...

На прощание хан стиснул руку Мурат-бека в богатырском рукопожатии.

— Возлагаю на тебя большие надежды. Ты, конечно, не можешь не знать о военном искусстве османцев, но мы должны еще научиться многому. Без этого мы не сможем противостоять врагам. Ради нашей свободы, нашего государства, нашей веры и жизни...

В занавешенной плотным шелком небольшой комнатке, скрытой от посторонних глаз, прозвучала торжественная клятва двух доблестных мужей, взявших в свои руки ответственность за судьбу целого государства. Когда Сахипгирей по-братски обнял Мурат-бека за плечи, кости бека затрещали — тяжела была ханская десница.

* * *

Прямо у него под ухом шел следующий диалог:

— Скажите, профессор, то, что с ним произошло, не скажется на его рассудке?

— Трудно ответить со всей определенностью. Он подвергся интенсивному воздействию сверхмощного источника энергии. Мне не приходилось сталкиваться с такими случаями. В любом случае, не будем терять надежду.

— А все-таки... Это очень опасно?

— Кто знает... Такое биоэнергоизлучение может сказаться не только на работе мозга, оно способно пробудить генетическую память во всем организме. А чем такие вещи заканчиваются, пока неизвестно.

— Что вы имеете в виду под пробуждением... э-э... генетической памяти, профессор?

— Как бы это вам получше объяснить... Попросту говоря, человек начинает по-иному мыслить, чувствовать, а со временем приобретает даже биологическое строение и внешний облик своего далекого предка. Это обусловлено тем, что воздействие определенной дозы энергии на головной мозг, раскрывая в нем потенциальные возможности, возносит обыкновенного человека до уровня гения, но если превысить эту дозу, то излишки энергии могут перебросить его на многие века от времени, в котором мы живем.

— То есть, в прошлое?..

— Это зависит от конкретных условий: от фазы энергетического воздействия, ее влияния на конкретный организм и так далее. В одних случаях человек попадает в прошлое, в других, наоборот, в будущее. Как бы то ни было, не спускайте глаз с нашего больного и ни на минуту не оставляйте его одного.

— И все же, профессор, не могу до конца понять одну вещь. Вы говорите, генетическая память. А с другой стороны — прыжок в будущее... Получается, память о будущем... Разве это не абсурд?

— Вовсе нет! Время — понятие не абсолютное. Если бы мы могли сгенерировать сверхмощный импульс энергии и послать его в нужном направлении, то сумели бы заглянуть в будущее.

— Ладно, пусть будет так, как вы говорите. Но все-таки, как память может изменить биологическое строение человека? Ведь это не материальная сила!

— Дело вот в чем. Деятельность мозга, разум — это та же энергия. А энергия рано или поздно приобретает свое материальное воплощение, то есть материализуется. Теперь попрошу вспомнить закон сообщающихся сосудов. Пусть у нас Марат Галиевич находится в данной точке. Импульс энергии, полученный от супертранспьютера, перенес его, быть может, в двадцать пятый век. А возможно, он сейчас охотится на мамонта. По мере того как энергия постепенно перемещается в этом направлении, он становится ближе к нашему времени. То есть, энергия возвращается на место. И мы должны ускорить этот процесс. Ведь если

(См. стр. 22)

Лаис ЗУЛЬКАРНАЙ

Песчаный столб

Не с небес ли гул —
к животу земли —
расшибается
о врата зари?

Кто там ломит, бьет,
жаром росы пьет?

Столб песчаный
ходит, вихрем пьяный.
Семь ночей гудит,
семь ночей слепит —
то, как печь, чадит,
то, как зверь, хрипит.

О врата зари
расшибается.
И опять по степи
стон шатается.

Смерч песчаный
беспощадный.
Где сверкнет-дохнет —
ляжет пепел,
только свист в ушах,
птичий трепет.

Но врата зари
для луны — свои,
да и солнцу — всласть
хмельны соловьи.

Серебро-алтын
мимо рук плывут.
Но не каждый сын
в мире жох и плут.

А песчаный столб
сам себя гнетет.
Веки лижет соль,
сажа метит лоб
любопытному,
кто следит,
как растет самум.
Пыль свистит,
мутя ум...

Врата зари

Авторизованный перевод с татарского Рустема Кутуя

*Ко вратам зари
что несет тот вихрь —
или прах земли,
или скорбь любви?*

*Ахнул гром,
расколов орех.
Отозвался звон
на крутой горе:*

*— Грех
неприкаянный!*

Некий

*Прибежал человек,
подошвы горят.
О чем блажишь,
бедный брат?*

*— Пропустите меня
за врата зари.
Не ступни горят,
душа горит!*

*Отвечает страж:
— Гони алтын!
А монеты нет,
с глаз сгинь.*

*— Мать бери!
— Проходи...
Эй! Чуток еще
погоди.
Серебром-добром
откупись, браток.
— Отца бери!*

Ветер валит с ног.

*Грудь востока —
врата зари —
страж со скрипом
растворил.*

*— Нет ли меди?
— Бери дитя.
— Ну, ступай.
Аллах судья.*

*Упало с высот,
прокатилось вслед:
— Некий здесь прошел,
не родясь на свет.*

Черная звезда

*Стражи врат зари,
что черны с утра?
Обгорели, видать,
у костра.*

*Посреди ночей
кто вопил-стенал?
Обвалилась вдруг
стена.*

*— Черный бык пришел,
пасть красна.
Бил копытом, зол.
Не до сна.*

*— Чего надо быку?
— А поди сроси:
кто железом жег,
кто взбесил?
На рогах звезды
чужестранный свет.
Разболталась узда,
власти нет.*

*Знать, настал для всех
судный день.
Уноси поскорей
живу тень.*

*— А вы сами что ж?
— Мы у врат зари,
хоть дери сто кож;
мы — цари!
Нам стеречь-беречь,
смерть поправ,
человечью речь,
свет добра.
Тяжелы врата
для врага.*

*... Тень была. Про то
позабыли все.
Где Некий стоял
бугорок облысел.*

(Начало на стр. 10)

Марат Галиевич, находясь в прошлом, сделает хотя бы один неверный шаг, это может привести к необратимым изменениям в настоящей действительности. Насчет будущего ничего сказать не могу. И вообще, мы не можем узнать, в каком он сейчас веке и что делает. Если, скажем, по каналу памяти он трансформировался в одного из своих далеких предков... Хорошо, если этот предок не принадлежал к правящим кругам, способным оказывать влияние на ход истории... Остается только надеяться.

— Спасибо, что все растолковали, профессор. А как вы думаете, наше обследование ему не повредит?

— Нет, не должно. Ведь вы же не воздействуете на него энергией по принципу супертранспьютера. В любом случае, обо всех изменениях в его состоянии ставьте меня в известность. И никого к нему не пускать без моего разрешения.

Транспьютер... Профессор... Биоэнергоизлучение...

Какие знакомые, и вместе с тем странно звучащие слова!.. Постой-ка, где я нахожусь? Я ведь только что был на заседании дивана в ханском дворце! Наверное, я сплю... Однако, какой же это странный сон!

Беки, мурзы, военачальники — и рядом с ними профессора и компьютеры?.. Тьфу, чушь какая-то! Надо скорее проснуться и покончить со всем этим бредом. Столько неразрешенных проблем осталось после заседания дивана. Наверное, Сахипгирей-хан уже заждался. Он ведь не любит, когда опаздывают. Нужно снова послать в Москву надежных людей, и чем скорее, тем лучше. Как бы не оказалось слишком поздно!

Снова над его кроватью зазвучали, приближаясь, те же голоса:

— Подключите его к аппарату искусственного сна. Пусть отдохнет. Нужно заблокировать его пробудившуюся память, стереть ее. Иначе вместо перспективного молодого ученого мы с вами получим какого-нибудь кровожадного дикаря или, напротив, опередившего нас на многие века гения, с которым взаимопонимание будет исключено. И то и другое нам ни к чему. Еще не настало время для этого. Такие вещи нужно делать планомерно, осознавая и предвидя результаты.

— Как жаль, что мы отказываемся от такого уникального эксперимента.

— Судьба человека — это не шутки! Вы бы сами согласились оказаться на его месте?

— Да вы что, боже упаси!

— Вот так-то... У нас нет больше выхода. Усыпите его!..

Марат почувствовал, как кто-то осторожно прикоснулся к его руке, на грудь его легло что-то похожее на холодный металличекий предмет. И он снова погрузился в беспамятство.

* * *

Возвратившись из ханского дворца, Мурат-бек чувствовал себя уставшим и обессилевшим. Раскрыв ворот рубахи, он приложил к груди холодный металлический щит. Душа горит, сердце ноет! И эту сердечную боль не успокоить холодным щитом.

С его возвращением привратники, повара, слуги засуетились, забегали по дому. Зная его крутой нрав — бек понапрасну никого не обижал, но и не любил, когда его заставляют ждать, — старались не рассердить хозяина и всегда были наготове. Ведь хозяин мог привезти своих друзей или гостей даже среди ночи, и в любое время нужно было суметь их достойно встретить.

Однако в этот раз бек вернулся один. Он долго и задумчиво переодевался, неторопливо умывался.

Привыкшие распознавать внутреннее состояние хозяина с первого взгляда, слуги делали друг другу знаки — мол, смотрите, не оплошайте, бек сегодня не в духе!

Действительно, Мурат-бек был в мрачном расположении духа. Парень-слуга, подававший ему еду, раньше частенько удостаивался улыбки и приветливых слов, сегодня же бек сидел плотно стиснув губы, а в глазах — вселенская скорбь. В такие минуты лучше от него держаться подальше. В доме воцарилась зловещая тишина.

Бек сидел за столом в одиночестве. Прислуживающий ему парень и стражник-шагаул стояли за его спиной, неотрывно следя за беком и готовые в любой момент сорваться с места, чтобы выполнить приказ хозяина. Однако беку было не до них. Он неохотно поел, сделал знак унести стоявшее перед ним блюдо. Налил в пиалу кумыс и долго, будто в первый раз увидел, рассматривал серебряный сосуд с выгравированными узорами.

Потом, резко подняв голову, скомандовал шагаулу:

— Передай, чтобы попросили нашу гостью спуститься к столу!

Уставший от напряженного молчания шагаул с облегчением бросился выполнять распоряжение хозяина и, не успел бек моргнуть глазом, так он уже вернулся в его покои и доложил:

— Твой приказ исполнен, досточтимый бек! Сейчас она придет...

Бек легонько взмахнул рукой, и слуги, с ходу понимавшие его, растворились в воздухе.

Послышалось, как за дверью кто-то осторожно кашлянул, и тяжелый занавес раздвинулся, пропустив девушку-горянку в сопровождении старого слуги. Он подтолкнул девушку вперед, а сам поклонился до земли и, пятясь к дверям, скрылся за складками занавеса.

Мурат-бек долго смотрел на девушку, спрятавшую лицо под покрывалом. Наконец, он сделал жест, приглашавший ее к столу, но девушка не двинулась с места. То ли она не поняла жест нового хозяина, то ли не желала подчиниться... Тишину нарушил низкий грудной голос бека, который приветливо произнес:

— Прошу садиться за стол!

Тут только Мурат-бек почувствовал, что несчастная пленница вся охвачена дрожью, словно горная лань, попавшая в лапы хищнику, — сквозь тонкое покрывало видно было, как трепетали длинные, изогнутые ресницы, под которыми прятались огромные темно-карие глаза.

— Ну, перестань бояться! Ты для меня не пленница, не рабыня, а дорогая гостья. Вот и чувствуй себя как в гостях, — успокоил Мурат-бек девушку, которая, по всей вероятности, ожидала совсем другого обращения. — Ты, наверно, много всего пережила и намучилась, да и я за день притомился, и нам обоим не мешало бы немного перекусить. Не так ли?..

Ему хотелось приободрить, отогреть сердце этой юной, но хлебнувшей много горя и страданий, девушки-горянки и самому отдохнуть душой возле нее. Он, уставший от непонимания, лжи, притворства и козней

окружавших его беков, мурз и военачальников, давно уже лишенный семейного тепла и уюта, истосковался по женской ласке, женскому голосу и понимающему взгляду. Но, глядя на юную, едва расцветшую красавицу, он не испытывал ничего похожего на плотскую страсть. Он просто любовался ею так, как если бы это была невесть когда повзрослевшая ненаглядная дочь...

Девушка, услышав его слова, широко раскрыла глаза. Казалось, она про себя что-то решила — сделав несколько шагов по направлению к беку, она едва уловимо шевельнула плечами. Легкое шелковое покрывало соскользнуло на пол.

Взору бека предстало точеное, словно изваянное из мрамора, нежное, как китайский шелк, законченное в своем совершенстве тело девушки. Прекрасна, что и говорить, была дочь гор...

По комнате вдруг раскатился добродушный хохот. Мурат-бек, понимая, что может обидеть девушку, пытался остановиться, но никак не мог — смех продолжал разбирать его.

— Ах, ты, горная пташка! Решила покорить своими прелестями старого бека,— утирая слезы, произнес он, наконец.

Не зная, куда деваться от смущения, девушка рывком подняла с пола покрывало и поспешно закуталась в него. На глазах ее выступили слезы, которые безудержными ручьями покатились на голубой шелк.

— Вот этого не надо,— мягко произнес Мурат-бек, видя, как девушка пытается закрыть заплаканное лицо.— Я люблю смотреть в глаза тому, с кем говорю. Ну-ка, давай сядем за стол...

...На предрассветном небосклоне уже гасли, одна за другой, звезды. Слуги уже несколько раз меняли свечи в серебряных подсвечниках. Сквозь плотные занавески на окнах просочились первые лучи неяркого утреннего света. А разговорам пожилого военачальника с юной девушкой-горянкой не видно было конца.

— Меня зовут Залина. Я родилась и выросла далеко отсюда, в горах. Мой отец был предводителем племени аланов. К своим воинам, слугам и рабам он был суров, подчас даже жесток, но по отношению ко мне всегда был нежен и ласков. В отцовском доме я росла, не зная нужды и забот, меня лелеяли и берегли, как редкий цветок. Наконец, мне исполнилось шестнадцать лет и, хотя я еще не думала выбирать себе жениха, стали приезжать сватать меня из соседних племен. Но отец всем давал от ворот поворот. Он хотел породниться с правителем какого-нибудь крупного, могущественного государства...

От тяжелых, мучительных воспоминаний девушка вновь поникла, печально опустив голову, ресницы ее задрожали. Но она быстро взяла себя в руки. Гордая и самолюбивая горянка вовсе не хотела вызывать к себе жалость, сумев по достоинству оценить по-отечески заботливое и ласковое отношение хозяина, который обращался с бывшей невольницей как с равным себе человеком. И слова, найдя внимательного слушателя, помимо ее воли лились безудержным потоком:

— Но настали для нас черные дни: на наш благодатный край напали степные кочевники, превратив его в безлюдную, выжженную пустыню...

— Понимаю,— сочувственно сказал Мурат-бек,— счастье ходит рядом с бедой, а величие рядом с низостью. Нелегко нести позорное ярмо рабства, а тем более вам, горцам,— насколько мне известно, вы народ гордый и не терпите унижений...

— Что делать, приходится терпеть,— вздохнула девушка.— Попав в плен, я оказалась в гареме вождя одного из степных племен. Это был немощный беззубый старик, а я стала его тридцать первой по счету наложницей... Свободу я потеряла, но не скажу, чтобы меня кто-нибудь оскорблял или унижал...

Глаза юной красавицы увлажнились, высокая грудь взволнованно вздымалась под тонким шелком покрывала. Бек понял, что было за словами ее исповеди, почувствовал и то, что в этот момент девушка сдержанно и застенчиво выражала ему свою покорность и согласие. Однако много повидавший на своем веку, объехавший полмира вместе со своим войском бек был известен своей выдержанностью и разборчивостью в отношении женщин. Многие знатные люди Казани тщетно пытались породниться с одним из самых доблестных и высокопоставленных деятелей ханства...

Девушка, юная и свежая, точно румяный плод на ветке, ожидающий, что его вот-вот сорвут, не могла предположить, что Мурат-бека тоже захлестнули страшные воспоминания. Они уже много лет терзали его душу, отнимали покой и сон, комком подступая к горлу и заставляя метаться по комнате, в бессильной ярости сжимая кулаки...

С того скорбного дня, оставившего незаживающую рану в его сердце, прошло ровно десять лет... Он бы с радостью отдал десять лет жизни, если бы только можно было вернуть невосполнимую утрату...

Это были смутные годы в жизни ханства, когда не прекращалась вражда и выяснение отношений с окружающими племенами. Мурат-бек находился в военном походе, преследуя напавших на родную землю степных кочевников, когда всю его семью, как раз в тот день переехавшую в летний загородный дом, вырезали русские ушкуйники, спустившиеся с верховьев Идели. Увидев изрубленные останки любимой жены, Мурат-бек поклялся отомстить врагам, и слово свое сдержал. Немало волжских разбойников полегло от его руки. Но разве ценой жизни тысячи врагов можно было вернуть потерянных жену и малолетних детей!

Все-таки Аллах не лишил его окончательно своей милости, не дал сгинуть его роду, чудом оставив в живых его пятилетнего сынишку Гали, который в девятимесячном возрасте, поражая всех, начал разговаривать, а в год уже носился, как угорелый. Мальчика, опухшего от слез, нашли в тот страшный день в конюшне, под перевернутой водопойной колодой. То ли он сам туда спрятался, то ли укрыла его чья-то спасительная рука, так и осталось загадкой, потому что перенесший сильное нервное потрясение ребенок ничего не помнил...

Мурат-беку хотелось излить сердечную тоску сидящей рядом с ним Залине. Давно, с тех пор как умерла жена, он никому не открывал души.

Поняла ли, нет ли девушка причину отрешенного молчания бека, но, наклонившись к нему, она виновато прошептала:

— Если я сказала что-то неуместное, простите меня, неразумную! Наверное, проведя много времени с рабынями и невольницами, набралась я от них дурного... Только, видит Аллах, мне не хотелось вас расстраивать...

Мурат-бек обратил внимание, что на мочке уха девушки темнела необычная, в форме полумесяца крохотная родинка, величиной с конопляное зернышко.

«А ты, оказывается, меченая»,— подумал он и

улыбнулся. «Говорят, что такие меченые рано или поздно находят свое счастье. Значит, твое счастье впереди». А вслух сказал совсем другое:

— Не огорчайся, ты здесь ни при чем. Государственные дела из головы не выходят, покоя не дают...

...По пустынным улицам предрассветного города, еще не успевшего сбросить с себя сонные оковы, промчался одинокий всадник, нарушая тишину. Приблизившись к дому Мурат-бека, он забарабанил кулаком по воротам. Послышался сердитый голос охранника, не смыкавшего глаз всю ночь:

— Кого там черт принес ни свет ни заря? Бек приказал его не беспокоить.

* * *

«Опять этому Ахмету Сихатовичу неймется,— беззлобно посетовал про себя Марат.— Ведь знает же, что работа идет — и все равно не дает покоя. И зачем только я его раньше времени проинформировал! Работал бы сейчас спокойно. А сейчас опять будет горячку пороть — у него вечно так...»

С языка же сорвались совсем другие слова:

— Впустите! Для ханских гонцов у Мурат-бека всегда открыта дверь!

Однако на его приказ не откликнулись ни гонец, ни охранник-шагаул. Вместо этого он услышал приятный молодой женский голос. Видимо, не подозревая, что ее слышат, женщина разговаривала сама с собой:

— Кажется, сон видит... или бредит... вроде, начинает в себя приходить... И вправду, видный мужчина этот Марат Галиевич. Недаром он у институтских женщин с языка не сходит — все как одна переживают... Ну, ничего, все будет хорошо... Вот сейчас мы ему на лоб холодный компресс поставим...

Марат почувствовал у себя на лбу легкое прикосновение теплых рук.

Голос казался ему и знакомым, и незнакомым. «Постой-постой, каким же образом этот голос попал в лабораторию? Почему она гладит меня по лбу? И что она здесь делает? И как она посмела до меня дотронуться?!»

Но ответить на свои вопросы он не смог.

А в дверь действительно кто-то стучался. Марат, не зная, наяву он или во сне, открыл глаза и, увидев девушку в белом халате, снова испытал непонятное удивление. Язык же, как будто существовал независимо от него, властно скомандовал:

— Слышите, стучат? Откройте!

Глаза у девушки испуганно округлились, и, автоматически повинуясь, она сделала несколько шагов к двери.

В дверном проеме появилась сияющая физиономия Лутфи.

— Ну, парень, напугал ты нас! — приговаривая так, он подскочил к кровати и принялся жать Марату руку.— Судя по тому, как ты выглядишь, все должно быть в порядке. Я уже не знаю что передумал...

Медсестра, опомнившись, подбежала к Луфти и потянула его за рукав:

— Товарищ, не знаю, кто вы такой, но сюда никому нельзя. Если узнает главврач, то ни вам, ни мне не поздоровится,— умоляюще произнесла она.

Лутфи только отмахнулся.

— Этого еще не хватало. Устроили тут тюремный режим,— проворчал он, бросив на девушку сердитый взгляд.— Я уже целых три дня его не видел... Никуда я не уйду. А если уведете, то только применив физическую силу...

«Почему три дня... Мы же сегодня днем с ним разговаривали. Кто из нас запутался — Лутфи или я?» Марат озадаченно посмотрел на друга. Язык, продолдавший говорить независимо от него, произнес:

— Какой сегодня день?

Лутфи уставился на него во все глаза:

— Ты что, брат, совсем память потерял?

Стоявшая рядом с Лутфи медсестра побледнела и, бросая на него укоризненные взгляды, приложила палец к губам, пытаясь заставить его замолчать.

Марат, видя ее взволнованное лицо, понял, что с ним произошло что-то из ряда вон выходящее. Он уже успел забыть, что еще недавно был Мурат-беком, на плечах которого лежал тяжелый груз ответственности за дела Казанского ханства. Только почему-то раскалывалась от боли голова, а в висках как будто молотком стучали. Пытаясь понять, что же с ним происходит, он напряг всю силу воли. На высоком лбу, на носу, на всем лице выступили крупные капли пота, а дрожащие от волнения пальцы принялись теребить волосы.

Лутфи понял, что ляпнул что-то не то и этим вызвал нежелательную реакцию. Словно прося помощи, он взглянул на медсестру. Той было не до него — она поспешно нажимала кнопки каких-то приборов, а затем, схватив шприц, принялась набирать в него лекарство. Сухо и официально она произнесла:

— Сейчас же выйдите! Вы мешаете больному...

Лутфи ничего не оставалось, как с виноватым видом удалиться. Не отрывая глаз от Марата, он начал медленно пятиться к двери.

В этот момент прозвучал усталый, но властный и требовательный голос Марата:

— Пусть останется! Он мне нужен!

Медсестра, направлявшаяся к двери, чтобы запереть ее за Лутфи, на полдороге остановилась и резко ответила:

— За порядок в палате отвечаю я. Посторонние здесь не нужны, они мне мешают. И, как я погляжу, не только мне...

— Пусть останется. Он мне совсем не мешает. Если вы не разрешите ему остаться, я откажусь от ваших медицинских услуг.— И добавил мягким, бархатным, только ему свойственным голосом:

— Сестричка, милая, послушай! У меня от Лутфи нет никаких секретов. Если он останется, это поможет мне скорее понять себя. Уж не считаешь ли ты, что я совсем сошел с ума?

Неизвестно, был ли у Марата какой-то особый секрет обращения с женщинами или все получалось само собой, только ни одна женщина не могла устоять, когда он что-то просил. Так получилось и на этот раз. На его слова медсестра отозвалась слегка обиженным тоном:

— Да что вы, боже упаси! Никто о вас такого не может подумать! — Потом примирительно добавила:— Ну ладно, пусть остается. Но если дойдет до главного врача, отвечать будете сами...

— Конечно, конечно!

Марат уже успел заметить, что девушка была необыкновенно привлекательна — ее красота не была кричащей, лезущей в глаза, но увидев ее раз, хотелось смотреть на нее снова и снова. Даже просторный белый халат не мог скрыть ее точеной фигурки и длинных стройных ног. И опять его преследовало странное ощущение, что где-то он уже видел эту девушку...

Но вспомнить он сейчас не мог. Нестерпимо болела голова, не давая собраться с мыслями, и он напряг всю силу воли, чтобы превозмочь эту боль. В этот момент глаза его встретились с сочувственным — от сознания того, что ничем не может помочь,— взглядом Лутфи. «И эти глаза я тоже где-то раньше видел,— ошеломленно подумал он.— Ну, понятное дело, видел — ведь Лутфи мой самый близкий друг!.. Да нет же, я их видел еще раньше... Но где? Если бы я мог это знать, не лежал бы сейчас в этой палате...»

И тут его осенило: «Это же глаза хана Габдель-Латыфа, который когда-то занимал Казанский трон. Да, ошибки быть не может — это его глаза. В 1497 году молодой хан взошел на трон, и они считались близкими друзьями с Мурат-беком. Однако правление его были недолгим».

Сразу же головную боль как рукой сняло. Марат стал снова прежним Маратом, или Маратом Галиевичем. В то же время он помнил во всех подробностях приключившиеся с ним, словно во сне, невероятные события, помнил всех участников этих событий, но сам... сам он был от всего этого в стороне.

Внезапно на него напало веселое настроение и ему захотелось раззадорить Лутфи. Нараспев, словно молитву, он стал произносить непонятные слова: «Вэ умара, вэ хюккям, вэ садати гозам, вэ казати ислам, вэ мавали завил-ихтирам, вэ арбабы вэкалатан, вэ мэкалан, вэ илджиан, вэ багджиан, вэ кишти банан, вэ гюзэр-банан, вэ тоткаулан, вэ тамгаджыян, вэ джамхур сэкэне вэ гомум вилаяте Казан».

— Что, какой банан? Может, банан тебе принести? — сразу подхватил шутку Лутфи.

— Сам ты банан! Это называется, он историю и древние языки изучает, а самых элементарных вещей понять не может...

И все они — Лутфи, медсестра и Марат — весело рассмеялись, потому что напряженно-болезненное выражение сошло с лица больного, уступив место улыбке.

— Я вот что сказал: «Эмирам и правителям, великим сеидам и исламским кадиям (судьям), уважаемым господам, всем уполномоченным властью людям, наместникам и правителям областей, уличным и квартальным старостам, стражникам и таможенникам, всем жителям Казани и Казанского ханства...» Вот тебе, старик, официальный язык нашего древнего государства. Изучай и пиши диссертацию. Это тебе не в тараканьих закорючках на каких-то черепках разбираться! Вот так!

— Это откуда тебе известно? — прошептал Лутфи, который от изумления, что называется, «выпал в осадок».

— Можешь мне поверить, уж если говорю, значит, знаю!

— А ты не шутишь?

Вместо ответа Марат затянул какую-то старинную песню:

К чему, скажи, к чему
поднимать знамя
над сиротливым домом?
К чему, скажи, к чему
одинокой душе
терпеть лишения и нужду,
скитаясь по походам?

От захватывающего предчувствия глаза Лутфи широко раскрылись, он наклонился к Марату и зашептал ему на ухо, как заговорщик:

— Как тебе удалось выучить древний язык? Или ты просто скрывал от меня, что знаешь?.. Чудеса, да и только...

И, не дожидаясь ответа на свой вопрос, засыпал Марата новыми:

— Ну, ладно, это потом... А теперь рассказывай, как все было? Что ты чувствовал? Разгадал ли ты загадочные знаки? Подтвердились ли твои предположения?..

Марат с улыбкой поглядел на взволнованного приятеля и показал на стул:

— Ты лучше сядь и успокойся. Постараюсь рассказать в меру своих возможностей... Хотя некоторые вещи я сам до конца не понимаю, только строю догадки...

Они совсем забыли о существовании медсестры, которая слегка обиженным голосом напомнила о себе:

— Ну вот, как стали поправляться, я сразу стала не нужна!

— Что ты, сестричка, как можно о тебе забыть? Ты уж не ругайся, нам тут надо немного поговорить, ладно? А ты будешь нашим ангелом-хранителем.

Девушка примирительно улыбнулась и, подойдя к Марату, сделала ему какой-то укол в вену, включила аппаратуру, затем направилась к двери.

— Ну, ладно, вы тут секретничайте, а я постою на страже,— подмигнула она.— А то вот-вот должен нагрянуть профессор...

...Лутфи не мог поверить своим ушам. То, что рассказывал Марат, напоминало приключенческий, а вернее фантастический роман.

— Трудно такое переварить без бутылки,— попытался он шуткой сгладить свои сомнения в правдоподобности услышанного.

Времени было в обрез, с минуты на минуту могла пожаловать авторитетная комиссия из медицинских светил во главе с профессором, после которой Лутфи могли вообще близко не подпустить к клинике. Поэтому Лутфи, хотя и знал, что Марату нельзя утомляться, пытался выведать у друга как можно больше:

— О Сахипгирее известно, что это был один из крупнейших государственных умов своего времени, могущественный правитель. Что он предлагает?

— Хочет ехать в Стамбул, просить помощи.

— Постой, какой же это год?

— Девятьсот тридцатый от хиджры.

Лутфи недовольно сморщился:

— И так времени нет, а тебе бы все шутки шутить. Неужели по-человечески нельзя сказать?

— Сейчас, сейчас, дай подумать... Где-то около 1524 года,— ответил Марат.

Только тогда Лутфи осознал, какие усилия пришлось делать над собой другу, преодолевая четырехвековый путь, чтобы вернуться из прошлого в настоящее. С сочувствием глядя на Марата, он в душе ругал себя за неосторожность и непонимание. И хотя его распирало любопытство, он убавил прежний натиск на друга и заговорил намного сдержаннее:

— Ага, 1524 год. Если не ошибаюсь, именно в этом году Казань подверглась нападению русских войск. Однако, как известно из истории, султан Сулейман бине Салим не торопится оказывать помощь. Наоборот, пользуясь случаем, он сажает Сахипгирея на трон Крымского ханства. А на Казанском троне оказывается его тринадцатилетний брат Сафагирей... Тринадцатилетний мальчик против кровожадного бес-

пощадного врага!...

В эту минуту в голове у Лутфи забрезжил грандиозный план. Но, не торопясь делиться с другом, он сперва потрогал его лоб рукой:

— Ты как себя чувствуешь? Не устал?

Марат не откликнулся, только отрицательно мотнул головой. Похоже, он опять уплывал в прошлое. «Нужно торопиться, нужно успеть ему сказать...»

— Марат, ты наблюдаешь за ходом событий со стороны или сам в них участвуешь?

— Участвую непосредственно. Твой друг не из последних людей в окружении великого хана.

— А хан прислушивается к твоим советам?

— Да, досточтимый...

— Тогда скажи ему, Марат, чтобы Сахипгирей не ездил в Стамбул. Ты же знаешь, что помощи все равно не будет. А пока он в Казани, можно опереться и на силу Крымского ханства. До 1552 года еще целых двадцать восемь лет,— взволнованно тараторил Лутфи.— Еще можно успеть что-то сделать. Придумай что хочешь, только не давай Сахипгирею уехать. Пусть укрепляет государство. Еще можно предотвратить кровавую трагедию, есть еще для этого шанс, и этот шанс, по воле Аллаха, находится в твоих руках. Может...

Лутфи остановился, подбирая слова.

— Может... Если открыть людям глаза на то, что их ждет в будущем, может быть, они не допустят страшной катастрофы...

Марат, с трудом шевеля губами, ответил:

— Постараюсь, о величайший из великих... Сделаю все, что смогу, досточтимый...

Марат уже не разбирал, с кем он говорит — с Лутфи или Казанским ханом Габдель-Латыфом. То ли лекарство подействовало, то ли аппарат искусственного сна — но глаза его закрылись, и он больше не реагировал на слова Лутфи.

Через некоторое время его веки стали подергиваться, пальцы нервно зашевелились. Лутфи понял: Марат снова в прошлом, и на его долю выпала огромная ответственность за судьбу целого государства.

Лутфи на цыпочках вышел в коридор и прочувствованно, с умоляющей интонацией обратился к медсестре:

— Сестричка, ради всего святого, берегите Марата! Если бы вы только знали, как много от него зависит! Только бы он поправился...— он сунул девушке визитку.— Когда проснется, умоляю, позвоните мне. Я должен увидеть его раньше других.

* * *

Железные ворота сотрясались, издавая оглушительный грохот. Кто осмелился постучать ни свет ни заря, не испугавшись гнева сурового бека?

Бек утром собирался ехать на охоту, поэтому по его приказу в сарае своего часа дожидались гончие. Заслышав шум, собаки огласили всю округу звонким лаем.

Мурат-бек, всю ночь не смыкавший глаз, рассерженно сдвинул брови. Однако быстро взял себя в руки — одинокий всадник мог оказаться и ханским гонцом. Действительно, кто бы еще осмелился в столь ранний час поднять шум у ворот бека. Мурат-бек дважды хлопнул в ладони.

В дверях показался заспанный слуга.

— Иди и узнай, кто там стучит!

— Слушаюсь, о мой господин!

Через некоторое время он вернулся. На лице слуги сонливое выражение сменилось крайним удивлением:

— О мой бек, у ворот какой-то незнакомый джигит. Говорит, что у него важный разговор к моему господину. Судя по одежде, на простого крестьянина или ремесленника не похож. Скорее всего, из воинов... Как прикажете, мой господин, впустить?

Мурат-бек, хотя и не спал всю ночь, чувствовал себя на удивление хорошо. Как будто, вдоволь наскакавшись по полям, он напарился в бане веником из дубовых и березовых листьев, искупался после этого в холодном бассейне и сейчас отдыхал на мягком ложе.

Первой его реакцией на вопрос слуги было сказать «Впустите». Но вдруг передумал: «Почему это я должен принимать какого-то явившегося ни свет ни заря незнакомца?» И Мурат-бек, никогда не знавший, что такое колебания и сомнения, застыл в нерешительности. В этот самый миг его голову точно стиснуло обручем. Боль была настолько нестерпимой, что он невольно застонал и, обхватив голову руками, покачнулся на ногах. Слуга, которому никогда не приходилось видеть бека в таком состоянии, испуганно попятился, а Залина, быстро подбежав к нему, обхватила за плечи и повела к постели:

— Вам нужно немного полежать. Сейчас все пройдет — это, наверное, от усталости. Обопритесь на меня, я помогу,— успокаивающе приговаривала она.

Мурат-бек в эту минуту не видел ни слуги, ни огромных тревожных глаз Залины, не чувствовал тепла ее рук. Перед его глазами возник образ молодого человека, одетого странно и непривычно, с полоской черных усов над верхней губой и усталым выражением лица. Он казался ему и знакомым, и незнакомым. У Мурат-бека было странное чувство какой-то родственной близости к этому парню. В голове роились тысячи вопросов. Откуда возник этот образ? Кто он, этот молодой человек, пригожий словно шахзадэ[5], и где он мог его видеть? Почему у него такой утомленный и измученный вид? Чем ему можно помочь?

Внезапно он почувствовал, как головная боль, безжалостным обручем стискивавшая голову, куда-то исчезла — будто рукой сняло. И в этот самый миг мозг обожгла мысль: будто он не Мурат-бек, а какой-то Марат Галиевич, и явившийся ему образ — не кто иной как сам Мурат-бек!

У него никак не могло все это уложиться в голове и, собрав всю силу воли, он пытался сосредоточиться и понять, что с ним происходит.

И вдруг на него как будто нашло озарение — перед глазами, один за другим стали проноситься образы: институтская лаборатория, вопросительный взгляд друга Лутфи, таинственные знаки, супертранспьютер, больничная палата, а в ней... невольница Залина, дворец хана Сахипгирея, заседание дивана и коварная улыбка Сихат-бея. Он вспомнил про обещание, данное хану, и похолодел от мысли о том, что над государством нависла страшная угроза и нужно сделать все, чтобы ее предотвратить. Да, на него — Марата и Мурат-бека одновременно выпала ответственная и сложная миссия. И на всем земном шаре нет человека, кроме него, кто бы мог с ней справиться...

Чувствовать себя Муратом-беком Марату было естественно и приятно. Он только успел об этом подумать, как снова по телу пробежали мурашки от мысли, что времени осталось совсем немного. Пока действует энергия транспьютера и ему еще не пора воз-

вращаться, нужно так много успеть сделать! Принять решительные меры для укрепления государства и армии! Главное — не упустить время!..

И слуга, и Залина почувствовали перемену, произошедшую в нем, но не подали виду. То, что бек, проявив минутную слабость, снова стал самим собой — жестким и решительным,— они восприняли как должное. Иначе и быть не могло. Мурат-бек, стиснув зубы, словно стесняясь за недавнее недомогание, нарочито резко приказал:

— Впустите его!..

...В покои бека ворвался, будто за ним гнались, запыхавшийся молодой джигит в одежде воина. Войдя, он тотчас повалился беку в ноги:

— О величайший из великих, Мурат-бек! Умоляю, выслушай меня и не гони! Я приехал к тебе с огромной просьбой. Верю, что ты меня поймешь...

— Сейчас же поднимись! Если приехал к беку с просьбой, то не пристало тебе валяться на полу. Я привык разговаривать с равными себе людьми.

Джигита словно подменили: с молниеносной быстротой он вскочил на ноги, глаза его загорелись недобрым огнем, ноздри затрепетали от негодования.

— Я из самого древнего и знатного степного рода, внук Буранбая,— отчеканил он, глядя беку прямо в глаза.— Я тоже могу с тобой по-другому разговаривать.

Несмотря на дорогую и нарядную одежду джигита — а одет он был в роскошную меховую шапку, хотя стояла летняя пора, в отороченный мехом камзол поверх дорогой, тонкой работы кольчуги и кожаные штаны,— было понятно, что он незнаком с придворным этикетом. Мурат-бек, стараясь не выказывать раздражения, спокойно произнес:

— Слушаю тебя, углан. Так в чем же состоит твоя просьба?

В это мгновение глаза парня налились кровью, он, не помня себя, рванулся вперед. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы один из телохранителей бека не взмахнул палицей. Парень повалился, как подкошенный, однако это не умерило его пыл. Его пальцы остервенело царапали ковер на полу, а дрожащие губы бормотали:

— Залина! Залина... Это из-за тебя я сюда приехал... Я не могу жить без тебя...

Только тут Мурат-бек вспомнил о присутствии девушки и отыскал ее глазами. Залина вся сжалась в комочек, завернувшись с ног до головы в шелковое покрывало, глаза ее были широко открыты, и в них стоял ужас, как будто она увидела кровожадного хищника.

Мурат-бек поспешил ее успокоить:

— Не бойся! В моем доме никто не посмеет тебя обидеть.

На это Залина, ничего не ответив, еще плотнее закуталась, как будто желая совсем исчезнуть, и опустила глаза. Джигиту, который никак не мог встать, слуги бека помогли подняться и усадили на стул у дверей. Куда девался весь гонор парня — он обратился к Мурат-беку с умоляюще-заискивающей интонацией:

— Залина — невольница моего отца, она его собственность... Я как наследник отца тоже имею право на нее. Она должна быть моей... Я знаю: то, что захватили во время похода или набега, не подлежит возврату, но воины, которые ее взяли в плен, сказали, что Мурат-бек забрал ее не как рабыню, а как гостью. Вот я и приехал за ней... Мне без Залины нет жизни!..

Он упал на колени и пополз к Мурат-беку, не переставая упрашивать:

— Мой отец — вождь огромного племени — несметно богат: у него бесчисленные табуны лошадей, стада верблюдов, коров и овец. Проси, что душе угодно,— все будет у ворот Казани. Мы, степные жители, если надо, за ценой не постоим — верни только Залину!

Марат, принимая решение, посмотрел на Залину, и ему все стало ясно. «Мне тут долго задерживаться нельзя. Слов нет, девушка хороша, но какая бы красавица она ни была, она из шестнадцатого века, и ее место здесь. Пусть решают между собой. Вишь, как парень заливается... А вдруг у них и вправду любовь... Если я встану между ними, может статься, что из-за меня не появится на свет несколько поколений... У меня нет права вмешиваться!» Глядя в глаза джигиту, он с улыбкой сказал:

— Прежде всего, Залина у меня в гостях, и нельзя ее увезти отсюда ни силой, ни с моего разрешения. А во-вторых, с этого дня она не рабыня, не невольница, а свободный, вольный человек. Как она пожелает, так и будет. Спроси у нее: хочет ли она ехать с тобой? Я не могу противиться ее воле.

Джигит вовсе не ожидал, что дело примет такой оборот. Он, привыкший одним махом решать судьбы людей, не спрашивая на то их позволения, не мог поверить своим ушам и долго стоял, переводя взгляд то на Марата, то на Залину. Потом на лице его появилась презрительная усмешка, он выпрямился, взгляд его стал надменным. Голосом, не терпящим возражений, он бросил в сторону Залины:

— Собирайся! Едем!

В ответ ему прозвучало вызывающе и непримиримо:

— Никуда я с тобой не поеду! Ты слышал: бек меня освободил. Я больше не рабыня. Я такой же свободный человек, как и ты. Езжай куда хочешь, и забудь меня... Я тебя знать не знаю, я больше не твоя!

Потом, повернувшись к Мурат-беку, она отчаянно взмолилась:

— О, милосердный бек, ради Аллаха, ради всего святого, не отдавай меня! Разреши остаться здесь!

Неожиданно получив столь резкий отпор, джигит покраснел, будто его отхлестали по щекам, и гневно сжал кулаки:

— Как ты могла забыть про нашу любовь, про мои обещания?

— Какая любовь? Какая любовь может быть между невольницей и байским сыном, украдкой проложившим дорогу в отцовский гарем? Какие обещания дают рабыням? Да, я была твоей живой собственностью, с которой ты мог делать все, что хотел. Но сейчас я свободный человек — ты слышишь, свободный!

— В последний раз спрашиваю: поедешь со мной или нет?.. Отец одной ногой давно уже в могиле. Все это богатство, весь скот, пасущийся на бескрайних просторах,— все станет моим, а значит, и твоим. Ты не будешь больше моей рабыней, а станешь законной женой... Подумай!..

Ответ девушки был коротким:

— Я уже все сказала!

Лицо джигита перекосилось, ответ девушки, внезапно ставшей недосягаемой для него, вызвал ожесточенную бурю чувств в его душе: любовь безуспешно боролась с оскорбленным самолюбием и жаждой мести.

Джигит теперь подыскивал слова, которые бы ранили Залину в самое сердце и одновременно унизили ее

перед беком. Изменившимся от ненависти голосом он прохрипел:

— Ты... Тебе, видно, не хватило мужчин из рода Буранбая? Захотелось испробовать, каковы казанские жеребцы?..

До сих пор Марат слушал, не желая вмешиваться. Но теперь явно пришла пора остановить зарвавшегося парня. Он кивнул охранникам:

— Уведите его!

Вырываясь из рук охранников, схвативших его с двух сторон, джигит скрипел зубами и сыпал проклятьями. Наконец, когда его подтащили к самым дверям, он злобно прокричал:

— Ты у меня еще припомнишь, бек! Степные джигиты слов на ветер не бросают. Залина все равно будет моей! От вашей столицы останется груда пепла. Век не забудете... Войны и набеги обрушатся на вас со всех сторон, только дай срок. Вы еще пожалеете... Пожалеете...

Марату надоел этот спектакль, у него было такое чувство, будто он испачкался в чем-то омерзительно гадком, захотелось пойти и вымыть руки.

Но, как бы то ни было, он был доволен своим поведением, то есть как Мурат-бек он все сделал правильно. Он никому не навязывал свою волю и дал свободно развиваться событиям. В самом деле, не прояви он подобной осмотрительности, кто знает — вернувшись в двадцатый век, обнаружишь, что произошли какие-нибудь непоправимые изменения!

«...Нужно спешить! Пока транспьютер еще действует, нужно провернуть гору дел. Может быть, для этого не хватит целой человеческой жизни. Нужно выбрать самые неотложные и важные проблемы. Как можно меньше вмешиваясь в ход событий, тем не менее, нужно совершить поворот истории в желаемом направлении. Легко сказать, но как это сделать? Как? Не у кого спросить, не с кем посоветоваться. Попробуй заикнуться обо всем Сахипгирею или членам дивана — отшатнутся, как от помешанного. Аллам сакласын![6]

Так размышляли Марат с Мурат-беком. В одном человеке шло совещание, а порой и борьба двух умов, но инициативой все же владел человек из двадцатого века — Марат.

— Да, Сахипгирей! — приказал он себе. — Первым делом нужно ехать к нему.

Марат жестом попросил Залину оставить его. Оставшись один, он велел принести поесть. Перекусил наскоро и приказал седлать коня.

Слуги, привыкшие к коротким и отрывистым командам, а то и просто молчаливым жестам хозяина, обратили внимание на перемену, в нем произошедшую. Бек стал не похож сам на себя. Суровый и немногословный, он сегодня был на редкость мягкосердечен и красноречив.

У ворот ханского дворца стражники, звеня секирами, приветствовали высокого гостя и застыли, вытянувшись в струнку, в ожидании приказа. Мурат-бек велел вызвать есаула:

— Узнай, примет ли меня его ханское величество, я приехал по важному делу.

Есаул изумленно посмотрел на бека:

— Великий хан утром отправился в поля, на охоту. Спрашивал: «Почему не видно Мурат-бека, моего верного спутника?» Разве вы не договаривались ехать вместе?..

Марат по привычке чуть не стукнул себя кулаком по лбу. Действительно, у казанской знати любимым занятием было, собравшись дружеской компанией, ездить на охоту. Ведь он сам не далее как вчера приказал доставить из загородного дома в столицу охотничьих собак. Как он мог об этом забыть?.. У него пересохло в горле. Хриплым голосом он спросил:

— И когда он вернется?

— Не раньше вечера, досточтимый бек... Вечером он должен принимать послов...

Ругая себя за непростительную забывчивость, Марат повернул коня к книжной палате. Расположенная в самом центре городской крепости, в здании с толстыми каменными стенами, палата поистине была сокровищницей, хранившей в себе мудрость веков и опыт прежних поколений.

Марат, любивший часами копаться в институтском отделе древних рукописей, знал цену тому, что открылось его взору. «Эх, забрать бы все это в двадцатый век». Книжная палата и впрямь поражала воображение. На протянувшихся вдоль стен дубовых полках можно было увидеть и каменные плиты, испещренные непонятными знаками, и потемневшие от времени берестяные свитки с вырезанными на них текстами. Были тут и рукописи, сделанные на китайской рисовой бумаге, и ханские ярлыки, и толстые книги, стянутые узорчатыми серебряными застежками... Марат бросался от одной полки к другой, пытаясь как можно больше увидеть и запомнить...

Когда перед ним неслышно возник служитель палаты — благообразный белобородый старец, который, можно сказать, здесь и жил, Марат стал его расспрашивать:

— Что здесь, по-твоему, представляет самую большую ценность, какие вещи самые древние?

Служитель, польщенный вниманием одного из самых авторитетных в городе людей, охотно рассказывал:

— Здесь есть медные доски, на которых отчеканены летописи и указы вождей наших древних предков — суннов, которые жили полторы тысячи лет назад. Есть и образцы письма и летописи других племен. Собирать знания и мудрость, хранить память о наших корнях — наш долг.

«Сунны — это, по-нашему, гунны», — подумал про себя Марат. Зная уникальное свойство своей памяти словно фотографировать увиденное, он попросил показать ему письмена суннов.

Старец куда-то ушел и вернулся с изящным серебряным сосудом. Марат, увидев этот сосуд, потерял дар речи. Знаки на нем были те же самые, что показывал ему Лутфи.

— Что это? — нетерпеливо спросил он. — Раньше мне не доводилось такое видеть...

— Не удивительно, — ответил старик. — Потому что этот сосуд сделан за тысячу лет до того, как стали пользоваться руническим письмом. Знаки, что на этом сосуде, как раз и легли в основу рунических букв... Нужно лишь понять язык... А вот это, видишь, — легендарный вождь суннов.

На рисунке, украшавшем сосуд, и вправду был изображен человек с четырьмя руками. В правой руке он держал солнце, в левой — луну. Третья, нижняя, рука была свободна, а в четвертой он держал символ власти — золотой жезл.

Старик бережно взял в руки сосуд своими высохшими пальцами и речитативом, на какой-то старинный

мотив, стал читать уже однажды услышанные Маратом слова:

— Кюрк менизи торхумакем,
Чюкту улурупанем,
Кюргун, сорылун, чюкэрлун,
Монлан, сачилан, соралун...

— В чем смысл этих слов?

— Мы и сами до конца не понимаем,— вздохнул старец.— Это слова молитвы...

Стоя на коленях
перед лицом вечности,
взгляни на меня
и проси, склонив голову...
Задумывайся, делай выбор,
спрашивай,
поклоняйся мне и радуйся,
не уставая повторять
слова искренней веры...

Марату этого было вполне достаточно, чтобы запомнить, как читается тот или иной знак. «Какая жалость, что отсюда ничего нельзя взять с собой!» Он печально вздохнул при мысли о том, что такое бесценное богатство бесследно канет в Лету. Потом горячо принялся убеждать служителя:

— Это сокровище нужно хранить для будущего как зеницу ока! Нельзя потерять ни частички из того, что здесь находится. Если вдруг случится война и в город ворвутся вражеские войска, все может исчезнуть с лица земли, а ведь это наша мудрость, наши корни, наша историческая память... Нужно тайком выкопать обширные подземелья, укрепить стены так, чтобы в них не проникала влага, и поместить туда самое ценное, что есть... Чтобы сберечь от огня и воды, и от коварного врага...

Старик-служитель согласно кивал головой. С одной стороны, ему было приятно и лестно, что бек, основной обязанностью которого было отвечать за обучение и оснащенность государственной армии, нашел время поинтересоваться духовными делами. С другой же стороны, он был немного задет, что его поучают:

— Мы так и делаем, досточтимый бек,— ответил он.— Можете спросить у хана Сахипгирея, он знает про эти секретные подземелья...

Все, дальше расспрашивать нельзя. Об этом предупредил Марата Мурат-бек, неотрывно следивший за его действиями откуда-то из дальнего уголка подсознания. Интересоваться тем, что известно только одному хану, пытаться проникнуть в его секреты — дело неодобрительное и опасное: неизвестно, чем это может кончиться...

Целый день не знал покоя Марат: сначала поехал к оружейникам посмотреть, как они куют сабли, отливают пушки и ядра. Проверил на прочность готовые пищали, луки и стрелы. Заодно прошелся по ювелирному ряду, любуясь старинными украшениями. Потом отправился к каменщикам, которые занимались кладкой крепостных стен. Они работали неторопливо и основательно, явно зная толк в своем ремесле. Марат, который занимался в основном математикой и компьютерами и немного языкознанием (да и то на уровне хобби), не мог дать каменщикам никакого дельного совета. Да и вряд ли это было нужно. Древние каменщики были мастера своего дела, выполнявшие работу достойно, на совесть, и учиться к ним приезжали даже из соседних государств. Все-таки, не выдержав, Марат подозвал к себе старшего мастера над каменщиками и начал расспрашивать:

— Выдержат ли эти стены, если под них заложить порох?

Мастер-уста удивленно покачал головой и ответил вопросом на вопрос:

— А как под них можно заложить порох, если стены уходят на пять локтей в землю?..

— Ну, скажем, сделать подкоп под землей...

Уста, с минуту поразмыслив, решительно возразил:

— Военная наука такого не знает.

— Все-таки, предположим, вдруг такое случится...

— Досточтимый бек,— с чувством собственного достоинства ответил мастер,— вам, конечно, нет равных в военном искусстве, об этом всем известно... Но в своем деле наши мастера тоже кое-что соображают. Таких стен пока нет ни в Москве, ни в Пскове, ни в Новгороде!

— Это так,— сказал Марат,— но в военном деле предвидеть худшее — значит наполовину победить. Кажется, так говорили наши предки.

— Верно, досточтимый бек, не стану спорить. Сегодня же прикажу, чтобы стены клали еще толще,— сказал мастер, как бы соглашаясь с его доводами. Однако Марат видел: мастер пообещал это для отвода глаз, не желая продолжать спор. За возведением крепостных стен следил сам хан Сахипгирей, и вносить какие-либо изменения в этот ответственный процесс имел право только он сам...

Когда бек скрылся из виду, старший мастер подозвал своих каменщиков и поделился своими опасениями:

— Чует мое сердце, не зря здесь Мурат-бек крутится, что-то выискивает, вынюхивает... Как бы чего не случилось с Сахипгирей-ханом... То ли в государстве назревают какие-то перемены, то ли Мурат-бек что-то замышляет... Странно все это, очень странно...

В тот же день по Казани пронесся слух: с Мурат-беком дело неладно. Слух с молниеносной быстротой кочевал от улицы к улице, от базара к базару. Люди, опасливо озираясь, передавали друг другу на ухо: «Сахипгирей-хан уехал на охоту, а Мурат-бек в его отсутствие что-то замышляет. Неужели опять трон не могут поделить?..»

Марат, в течение дня объездив Казань вдоль и поперек, понял одну вещь: люди слушают его советы, склонив голову, а потом, кланяясь до земли, благодарят и восхваляют его мудрость и дальновидность. Однако при этом продолжают делать все по-своему. Да, привычки, укоренившиеся за века, обычаи и обряды, въевшиеся в плоть и кровь, унаследованные от предков приемы и способы ремесла никакие советы бека изменить не в силах. Для этого нужна власть и авторитет хана, нужен его указ, который бы охватил всех подданых, начиная от черни и кончая мурзами и беками. Да, для этого нужен сам великий хан Сахипгирей...

На город тем временем спустились сумерки. Над десятками минаретов, вонзавшихся в синее небо, раздался призыв к молитве — азан. Горожане, отрешившись от дневных забот, разошлись по мечетям...

Для Марата, который предчувствовал скорое возвращение в двадцатый век, каждая минута казалась вечностью. Он уже хотел было выехать навстречу

великому хану, но сдержался: о таких вещах не пристало говорить верхом, на ходу. Все равно он должен поговорить с Сахипгиреем, ведь речь идет о судьбе государства, судьбе грядущих поколений...

А хан все не показывался. Марат, забравшись на самую высокую дозорную башню, оглядывал местность в подзорную трубу. От напряжения у него заболели глаза, но все было тщетно — хана и его свиты не было...

...И вдруг... на Арской дороге заклубилось небольшое пыльное облачко, которое, приближаясь, превратилось в группу всадников, а вскоре уже можно было различить и свору гончих собак, бежавших впереди. У Марата как будто с плеч гора свалилась — еще немного, и над столицей запоют трубы, извещая подданных о возвращении хана.

Марат, позабыв об усталости и о том, что с утра у него не было во рту маковой росинки, бегом бросился с башни. Вскочив на своего гнедого жеребца, он безжалостно пришпорил его, и застоявшийся скакун вихрем помчался к городским воротам. «Скорее... Скорее увидеть хана... Рассказать ему обо всем...» За Маратом, в пяти-шести шагах от него, скакали телохранители, никогда его не покидавшие.

Марат уже принял твердое решение: нужно рассказать Сахипгирей-хану о грядущих событиях. Если он узнает, что ждет Казань через двадцать восемь лет, он передумает ехать в Стамбул. Сейчас еще можно все исправить, еще есть силы у государства и у других тюркских племен, народ еще не забыл свою доблесть и славу, еще не испытал позор и унижение рабства... Все ему расскажу — и про судьбу Казанского ханства, и про Крым... Пусть знает и о том, чего нужно ждать от русских... Это будут уже не те русские, тихие, разобщенные и готовые к компромиссу... Они не только обескровят нас, но лишат памяти... Скажу ему, чтобы начинал действовать прямо сегодня, не дожидаясь завтрашнего утра... Если меня не будет рядом, то остается Мурат-бек... Он все знает и станет хану надежным помощником!..

Вдруг что-то сильно ударило его в грудь, заставив покачнуться назад, а сердце разорвала нестерпимая, дикая боль. Стрела, посланная безжалостной рукой, когда Марат мчался, ничего не видя вокруг себя и занятый только своими мыслями, — стрела попала точно в цель. Застонав, он вытащил ее из груди и упал на шею коню. Потом собрал последние силы, поднялся в седле и, зажимая кровавую рану, краем глаза успел заметить, как на другой стороне улицы взметнулись клинки телохранителей над его убийцей — это был прятавшийся в подворотне джигит, который приезжал к нему утром...

...Старый бек усилием воли закрыл глаза. Не прожитые годы, а глубокие думы избороздили морщинами чело этого достойного и благородного человека. Вместе с кровью, хлещущей из раны, жизнь тихо покидала его тело. Он успел еще подумать: «Ах, как не вовремя! Такие важные дела остались несделанными...» и почувствовал, как проваливается в какой-то бесконечный темный колодец — все стремительнее и упоительнее был этот полет, пока, наконец, впереди не забрезжил ослепительный, манящий к себе божественный свет...

* * *

Марат на мгновение открыл глаза и, ослепленный ярким светом, снова зажмурился. Кто-то громко ахнул, раздался какой-то скрип, кто-то тихонько начал переговариваться...

Марат испытывал неописуемое блаженство. На его лбу лежала чья-то мягкая теплая рука, и он, желая продлить эти мгновения, не спешил открывать глаза. Лениво промелькнула в мозгу мысль: «Наверное, меня, раненного, привезли домой, и горянка Залина сидит рядом, проливая слезы...»

— Очередной кризис у больного миновал, — произнес кто-то над его головой.

— Да, нелегко ему пришлось, — сказал другой голос.

— Если бы он из него не выкарабкался, надежда была бы потеряна...

Марат снова впал в забытье...

На Марата напал такой крепкий и сладкий сон, какой бывает только в детстве. Проснувшись, он почувствовал себя свежим и полным сил. В жилах, что называется, играла кровь, каждый мускул, каждая клеточка его тела просила работы. Казалось, он мог горы своротить.

Открыв глаза, он был поражен количеством людей, столпившихся вокруг его кровати: тут были и врачи, и медсестра, и сотрудники его института. Где-то в толпе можно было разглядеть и сверкающую лысину его друга Лутфи, который еще смолоду начал терять шевелюру.

Первым делом он спросил:

— Что, специально к моему пробуждению созвали целый консилиум?

Лутфи, обрадованный тем, что друг, не успев проснуться, уже шутит, подскочил к нему и начал трясти руку. С языка его один за другим сыпались вопросы:

— Ну как, получилось? Смог ли ты их предупредить? Помогли ли твои советы? Нашел ли ответы на свои вопросы?

Марат лишь незаметно для всех остальных пожал плечами. Это должно было означать: «Что-то удалось, а что-то нет».

В это время толпа зашепталась и расступилась, уступая кому-то дорогу.

— Пришел ваш проректор Ахмет Султанович, — прошептал ему на ухо Лутфи.

Перед Маратом появился человек в джинсах, которые ладно сидели на его спортивной фигуре, в белом пуловере. Густыми черными волосами, прямым носом и большими темными глазами он чем-то напоминал так называемых «лиц кавказской национальности» и ничего общего не имел с Ахметом Сихатовичем — обладателем кругощекой физиономии, носа картошкой и расплывшейся от постоянного сидения фигуры, который никогда и нигде не мог появиться, не затянув на шее галстук. Но Марат тут же обо всем забыл, услышав приветливый голос проректора, обращенный к нему:

— Твой опыт, Марат, оказался исключительно удачным! Мы и не ожидали такого успеха. Поздравляю! Мы теперь знаем довольно много: супертранспьютер практически все записывал. Но все эти записи

ждут твоего анализа. Скорее вставай на ноги и принимайся за дело. Ты еще скажешь свое слово в науке и в истории нашего народа. Поздравляю, от души поздравляю! — Ахмет Султанович по-мужски крепко пожал ему руку и улыбнулся одними глазами, как будто напоминая что-то, известное лишь им двоим. — А теперь давайте оставим его одного. Ему нужен покой. Пусть отдохнет и соберется с мыслями.

— Вы не приходили в сознание целую неделю... Знаете, как я за вас беспокоилась...

Марат вздрогнул, услышав голос неожиданно вошедшей в палату знакомой ему медсестры. Подумал: какая красивая девушка за ним ухаживала. Захотелось самыми теплыми словами выразить ей свою благодарность. Но слова застряли на языке — на мочке уха девушки, склонившейся со шприцем в руках над его кроватью, он увидел крохотную, величиной с конопляное зернышко, родинку в форме полумесяца. Марат сморщил лоб, пытаясь напрячь память.

— Где-то я уже видел эту необычную родинку!

Перевела Фарида Ситдикова

[1] Член дивана с решающим голосом.
[2] Алай — полк.
[3] Удмурты.
[4] Марийцы.
[5] Наследник престола, принц.
[6] Боже упаси.

500 РУССКИХ ФАМИЛИЙ БУЛГАРО-ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Альфред ХАЛИКОВ

НАРЫКОВЫ. Известная княжеская фамилия в Казани около середины XVI века. В 1546 году Чура Нарыков и его брат встречали Шах Али в Васильсурске. В 1546—1552 гг. Нарыковы играли видную роль в Казани.

НАРЫШКИНЫ. В ОГДР сообщается, о выходе Нарышкиных в 1463 году к Вел. кн. Василию Васильевичу. К рубежу XV—XVI вв. Нарышкины приняли христианство, но сохранили свою фамилию. В 1552 году Иван Иванович Нарышкин убит под Казанью. Но даже во второй половине XVI века Нарышкины еще сохраняли связь с тюркским миром, о чем свидетельствуют имена: Яныш Нарышкин под 1564 годом и Мурза Янышев сын Нарышкин под 1573 годом. В истории России Нарышкины известны дипломатами, декабристами и женитьбой царя Алексея Михайловича на Нарышкиной Наталье Кирилловне.

ОГАРЕВЫ. От мурзы Кутлумамета Огара из Золотой Орды, вышедшего к Александру Невскому и принявшего при крещении имя Пантелеймон. В XVI веке известны Огаревы: Андрей Владимирович — дьяк в 1506—1522 гг., Яков Афанасьевич Елман-Огарев — в середине XVI века, Федор Огарев — посол Ивана IV в 1537—1538 гг. в Казань. По Н. А. Баскакову, фамилия от тюркского огар «высокий». В потомках Н. П. Огарев — друг А. И. Герцена.

ПЕШКОВЫ. От Семена Пешек-Сабурова, имевшего в родословии выход в тюркскую среду. Муса Семенов сын Пешек-Сабурова на рубеже XV—XVI вв. имел большие вотчины в Костроме, был воеводой и вологодским князем.

ПОЖАРСКИЙ Дм. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1548—1642 гг.) был сыном урожденной Беклемишевой, т. е. имел частично тюркскую кровь.

РАДИЩЕВЫ. В 1604 и 1627 гг. в Малом Ярославце упоминается крещеный татарин Кунай Радищев, возведенный в дворянский чин. Имя от тюркского слова кун «день, солнце, радость».

РАХМАНИНОВЫ. От Рахмана из Орды. Фамилия от арабо-мусульм. рахман «милостливый». О тюркоязычном выходе, возможно, из казанской среды, свидетельствует и то, что в последующих поколениях нередко встречаются Рахманиновы с тюркскими именами, например, Муралей (от искаженного и очень распространенного в Казани имени Нур-Али) Рахманинов, помещик в Рязани, под 1597 годом. Из этого рода выдающийся российский композитор Сергей Васильевич Рахманинов.

РОМАНОВЫ. В родстве с такими тюркскими родами как Шереметевы, Колычевы, ведущими свое происхождение от Андрея Кобылы по прозвищу Шереметь.

САБУРОВЫ. Сабуровы происходят от «выехавшего в 1330 году к вел. кн. Иоанну Данилевичу из Орды князя Четы, а по крещении названного Захарием. У него был правнук Федор Иванов сын Сабур, коего потомки Сабуровы служили Российскому престолу...» Фамилия происходит от арабо-тюркского «сабул», терпеливый. Этот взгляд оспаривает С. Б. Веселовский, полагающий, что род происходит от Федора Ивановича Сабура, жившего в первой половине XV века, хотя в другой работе он Федора Ивановича Сабурова, родоначальника Сабуровых, относит ко второй половине XIV века и считает его потомком костромского боярина Александра Захарьевича Берно, убитого в Костроме в 1304 году. Вероятно, следует думать о более раннем выходе Захария-Четы из Золотой Орды. Сабуровы в родстве с Вельяминовыми, Годуновыми, Пильемовыми. Впоследствии Сабуровы — знатные и активные воеводы Ивана IV, сенаторы, государственные и общественные деятели.

Продолжение. Начало в №№ 1-2, 3-4, 9-10.

Борис БУЛАВИН

«Транзит из августа в декабрь...»

* * *

Транзит
из августа в декабрь.
Ирония
сквозь чувство боли.
Мы с этим миром
поневоле,—
кочующий по жизни табор.

А в промежутке
этих дат
мне смотрит прямо в душу
осень
и молча милостыню просит,
которую мне негде взять.

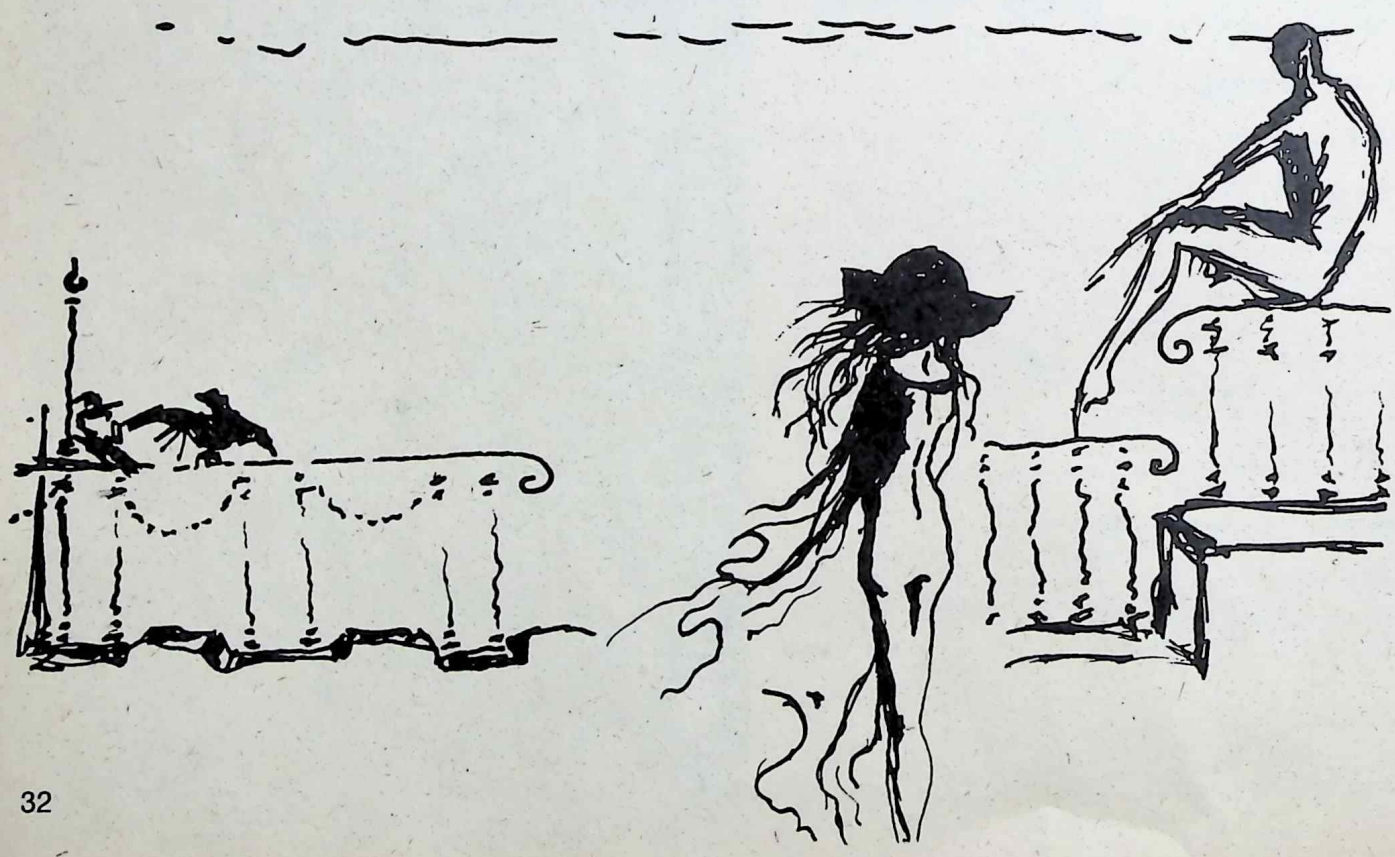
* * *

Осень танцует блюз.
Бас-саксофон впал в стон.
Я в эту светлую грусть
Как гимназист влюблен.

Первого инея хруст.
Первого холода звон.
Желтым осыпан куст,
Словно тавром клеймен.

Осень строга. И пусть
Месяц сентябрь — пижон!—
Больше не обманусь.
(Сторож дождя — смешон!)

... Вдруг зазвонил телефон.
Голос любви: «Вернусь?!»
Этот сюжет не тронь,
Осень, а то проснусь!



31 августа

Вечер пропитан солнечным медом.
Тихо,
ни ветра,
ни шума,
но скоро
розовым шаром дневное светило
скатится в осень за дальним забором.
Дачный поселок: как соты из ульев,
домики жмутся друг к другу.
А дальше —
поле пшеницы и несколько сосен,
эквивалент левитановской фальши.
Вся наша жизнь состоит из надежды,
счастья,
обмана,
иронии,
злости.
В этом шедевре, как в крепком коктейле,
мачтой-соломинкой — вера!
Как просто
выцедить можно года и пространства,
прошлые беды,
грядущую радость,
не поперхнувшись ни разу.
Но вся эта
характеристика не беспристрастна!
... В инсинуациях хмурого лета
все девяносто два дня пролетели.
Вечер сквозь шторы своей колыбели
темно-янтарным наполнился светом.

* * *

Эта звезда близорука:
щурится
и мигает.
Нас ей не видно.—
Жалко!
Хочется стать родней!
Мне ведь твоей любви
чуточку не хватает.
Нет.— Дажу вру!
Мне вовсе
холодно стало в ней.
Наша судьба безрука.—
Жить нам не помогает:
Скомканные надежды
брошены
на постель.—
Это любовь в бреду
мечется, как больная,
И нам обоим страшно
на ночь остаться с ней.

Будем знакомы

01—20 Мне 26 лет. Родился под созвездием Рыб в год Петуха. Работаю учителем в школе. Не был женат. Рост 165 см, не курю и не злоупотребляю алкоголем. Красавцем себя не считаю. Хотел бы получить письмо от татарской девушки, живущей в районе или деревне поблизости от Казани.

01—21 Я живу в одном из городов Башкортостана. Хотел бы познакомиться с одинокой женщиной, знающей родной язык и обычаи своего народа. Сам я здоровый мужчина, 36 лет, плохих привычек и пристрастий не имею. К женщинам отношусь с уважением.

01—22 Хотела бы познакомиться с мужчиной-мусульманином не старше пятидесяти лет, здоровым, приверженным нашим обычаям, спокойным и доброжелательным, ценящим верность и любовь, не имеющим вредных привычек, с высшим образованием. Прошу прислать фотографию в письме — с обязательством вернуть обратно. О себе: татарка-мусульманка 38 лет, образование высшее. Живу в городе Зеленодольске в Татарстане.

Письма-ответы на опубликованные объявления направляйте по адресу: 420012, Казань, ул. Комлева, 14, «Идель».

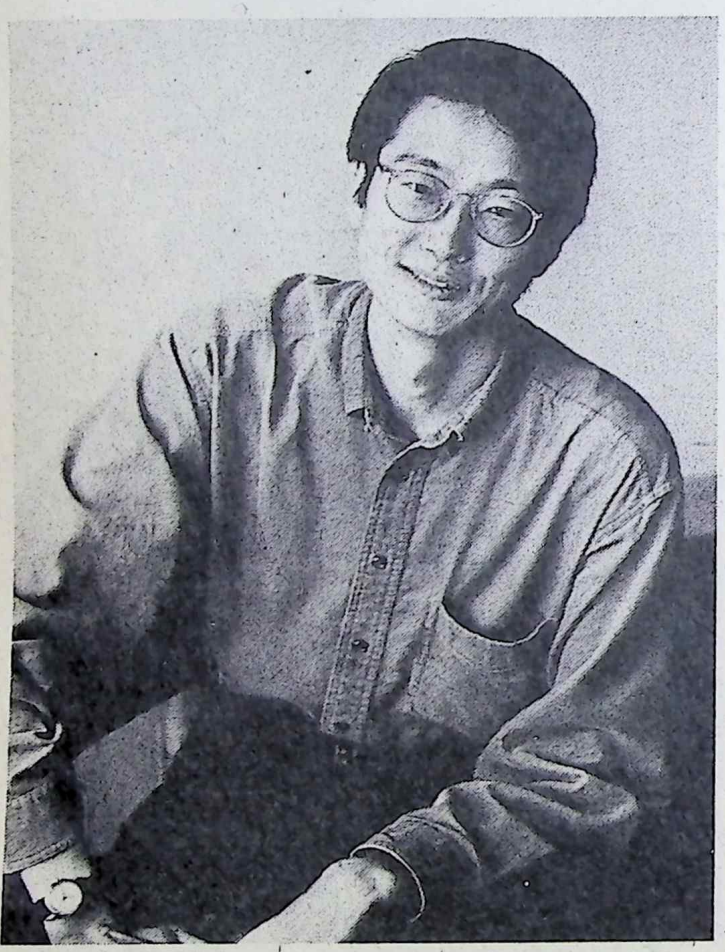
К письму приложите квитанцию об уплате денежного перевода в сумме 1000 рублей. На конверте напишите «Для абонента...»

Если вы решили поместить объявление в журнале, то на счет редакции необходимо перевести 5000 рублей.

Наш расчетный счет 700438 в ТСБ г. Казани, МФО 265016. Журнал «Идель».

Ждем откликов. Не упускайте свой шанс стать счастливым!

О ЗНАЧЕНИИ ЭТНОНИМА «ТАТАРЫ» В КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ И ПОСЛЕМОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХАХ



В НАЧАЛЕ ПУТИ

Статья, на которую мы обращаем внимание читателей, написана аспирантом Чхао Чху-ченг, приехавшим к нам из далекого Тайваня. После окончания университета в Тайбэе, где он получил специализацию по истории народов Центральной Азии, Чхао некоторое время обучался в Германии, где одновременно начал изучать русский язык. Привело его в Казанский университет, на кафедру истории татарского народа, серьезное желание заниматься историей Монгольской империи и государств, образовавшихся после распада державы Чингисхана. В настоящее время он пишет диссертацию на тему «Распад Монгольской империи. Сравнительный анализ источников и литературы на русском и китайском языках».

Как видно из названия темы, перед соискателем поставлена конкретная задача: поднять малодоступные для нас пласты источников и литературы по теме. Особый интерес представляют материалы на китайском языке о кочевниках в целом, о монголах, в частности. Не секрет, что до сих пор, особенно в бывшем Советском Союзе, изучение истории тюрко-монгольских народов шло довольно однобоко, обходя часто источники дальневосточного происхождения.

В публикуемой статье предоставлены в сжатом виде результаты исследования по одной проблеме — выяснения содержания этнонима «татары» по данным китайских источников.

Этноним татары имеет сложную историю. Возникнув когда-то в качестве названия одного племени, он в дальнейшем то расширял, то сужал свое содержание. Иногда этим термином назывались почти все кочевники Центральной Азии, даже всего евразийского континента (например, во времена С. Герберштейна территория Руси была включена в состав «Великой Татарии»). Так было в представлении Запада. Как показал анализ Чхао, осуществленный на базе основных китайских источников, примерно аналогичная картина существовала и на Дальнем Востоке: татарами называли и монголоязычные, и тюркоязычные племена.

Естественно, разрешение таких сложных, запутанных вопросов требует сотрудничества ученых различных стран, как западных, так и восточных. Нам необходимо наладить контакты с учеными дальневосточных стран, которые располагают ценными источниками. Надеюсь, что в это дело внесут вклад и ученые из Тайваня. В связи с этим хочется сообщить об одной новости: недавно в институте истории при университете Чэнчи (город Тайбэй) организованы группы, изучающие истории народов Центральной Азии (тюрков, монголов, тибетцев и т. д.). В составе этого коллектива будет работать в дальнейшем и наш аспирант Чхао Чху-ченг, который находится пока в начале интересного пути.

М. УСМАНОВ,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории татарского народа
Казанского университета

До сих пор о происхождении и содержании этнонима «татары» нам не все ясно в полной мере. Как известно, словом «татары» в разное время и в различных местах назывались различные по происхождению народы. Это говорит о том, что в него вкладывали как на Западе, так и на Востоке, как в прошлом, так и в настоящем различное содержание. В данной статье коротко рассмотрим изменения содержания этого термина в древнем Китае, что, надеемся, поможет нам лучше понять сложную историю этнонима.

Слово «татары» впервые зафиксировано не в Китае, не в Византии, а на территории Монголии — в орхонских, то есть тюркоязычных, надписях. Например, оно представлено в эпитафии Кюль-тегина 731 — 732 гг. Три стороны этой стелы написаны древнетюркским руническим письмом, а четвертая сторона содержит текст на китайском языке. В тексте этой эпитафии приводятся два тюркских этнонима «утуз татар» (тридцать татар) и «тукуз татар) (девять татар)[1].

Видимо, эти названия относятся к двум объединениям, которые представляли собой союз родственных, может быть и различных тюркских племен, на что указывает наличие количественных определений при самом этнониме.

Как полагал в свое время академик В. В. Бартольд, в те времена, то есть в VIII веке, этим именем уже назывались, возможно, и монголы или какая-либо их часть, а не только тюркские племена[2]. На это указывает дальнейшая судьба самого этнонима.

Только в 862 году было зафиксировано имя «татары», в виде «та-та» или «да-да», в собственно китайском письменном источнике. Так, оно было употреблено в личном письме тогдашнего китайского министра (визира) по имени Ли Дэ-ю, адресованном одному уйгурскому чиновнику. Это письмо было написано в связи с уничтожением уйгурского каганата и смертью последнего уйгурского хана в результате похода кыргызов и покорения ими татар[3].

После этого лишь в 880 году этноним «татары» снова упоминается в китайских официальных источниках. Например, в «Дже тан-шу» («Старая история династии Тан, 618 — 907 гг.») и «Дже у-дай ши» («Старая история 5 династий. 907 — 960 гг.») имеются сведения о войсках татар, которые помогли китайской династии усмирить народное восстание[4].

По мнению китайского ученого Фан Чжан-ю, до похода монголов на Китай в начале XIII в. именем «татары», встречающимся в китайских источниках, тюркские народы называли своих монголоязычных соседей. Во всяком случае в те времена точного содержания этого этнонима китайцы еще не знали[5].

В течение следующего 400-летнего периода, татары, одно из монгольских племен[6], часто воевали с тем монгольским племенем, к которому принадлежал род Чингисхана. Самыми известными событиями в те времена являлись убийства Амбагай-хана, далекого предка Чингисхана, его отца Есугай-бахадура[7]. Нам также известно, что после боя с татарами Чингисхан приказал якобы немедленно истребить всех татарских мужчин, превышающих ростом оси тележного колеса[8].

Данное известие, правда, несколько противоречиво, ибо, как мы знаем по другим и не единичным сведениям, в армии самого Чингисхана, во времена его последующих походов, было немало татарских воинов (например, в Средней Азии монголов воспринимали исключительно как татар). В XIII в., когда образовалось единое государство всех монгольских племен, монголы часто называли себя татарами. Об этом сообщает нам в своей книге китайский путешественник по имени Чжао хун[9].

В китайском источнике того времени «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголотатар») татары были разделены китайцами на две группы: «сырые» (дикие) и «спелые» (культурные) татары. Там о них говорится следующее: «У татар все люди отважны и воинственны. Те, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами. Они умеют сеять просо, варят его в глиняных котлах с плоским дном и едят. Те, которые дальше от китайских земель, называются дикими татарами. Они не имеют утвари и доспехов, а для стрел употребляют только костяные наконечники»[10].

Видимо, татары были разделены китайцами по образу жизни и ведению хозяйства. К сожалению, до нашего времени не решена проблема о том, кто именно принадлежал к культурным, кто к диким татарам. Проблема еще не решена, видимо, из-за отсутствия подробных описаний об этом этнониме и его конкретных носителей.

Надо отметить, что китайцы XIII века, не могли отличить этнические особенности монгольского и тюркского народов. Потому что в китайских источниках так называемые «дикие» татары еще делятся на «белых» и «черных» татар. Возможно, черные татары являются монголами[11]. А кем были тогда «белые» татары?

В упомянутой книге «Мэн-да бэй-лу» читаем также: «Так называемые белые татары несколько более тонкой наружности, вежливы и почитают родителей. Когда у них умирает отец или мать, то они ножом изрезывают себе лицо и плачут»[12]. По внешнему виду и обычаю траура белые татары отличались от монголов. Поэтому можно полагать, что они представляли собой тюркский народ и жили в то время у китайской стены и назывались онгутами. О них мы подробную информацию получаем из книги Рашид Эд-Дина. Он пишет, что журчженьский император Алтын-хан «в целях охраны своего государства от монголов, кераитов, найманов и кочевников тех окрестных местностей, построили стену» и первоначально охрану этой стены «перепоручили этому племени онгутов и дали ему совет и обязательство охранять ее»[13].

Во времена монгольского господства китайцы называли «татарами» как всех монголов, так и немонголов. Правда, источники этого времени дают нам и другие варианты этнонима.

Так, в «Юань ши» («История династии Юань») часто встречается и такое название народа: «Шуэй-да-да» (водяные татары). В отличие от черных и белых татар, которые явились кочевыми народами, «водяные» татары занимались рыболовством. Во времена монгольского господства они жили по берегам реки Уссури и нижнего Амура[14]. Об этом народе мы находим сведения в книге европейского путешественника Плано Карпини: «Су-Монгол, то есть водяные монголы, сами же себя они именовали татарами, от некоей реки, которая течет через их страну и называется Татар»[15].

Как видно из этой цитаты, многозначным был не только этноним «татары», но и термин «монголы», ибо тюркизированный вариант этнонима (су-монгол) соответствует китайскому варианту: Шуэй-да-да.

Таким образом, как видно из этих сведений в эпоху Монгольской империи китайцы называли татарами все народы, которые занимались охотой, сельским хозяйством, а также рыболовством, то есть они еще не смогли отличить монгольский этнос от тюркского, а также от тунгусского.

В Китае этноним «татары» стал этническим термином для всех монголов, прежде всего после возвращения последнего императора Монгольской империи на свою родину в 1368 году, то есть после упадка династии Юань. В Монголии же сами монголы разделились на две группы — «да-да» (татары), применительно к монголам, жившим в восточной части страны, и «ва-ла» (ойроты), которые жили на западе. В официальном источнике «Минь ши» («История династии Минь») имеется раздел под названием «Биография татар». Она посвящена истории татар до XVIII века, когда монголы были покорены маньчжурами, в результате чего имя «татары» навсегда исчезло из терминологии официальной китайской истории.

В послемонгольскую эпоху «татарами» назывались монголы, жившие в восточной Монголии и воевавшие с китайцами почти 300 лет, то есть во времена династии Минь (1368 — 1644 гг.).

Таким образом, имя «татары» в китайской исторической литературе имело различное значение. В домонгольской эпохе для китайцев не было ясно содержание этого этнонима. Впервые китайцы о татарах услышали лишь от тюркских народов. Тогда китайцы слово «татары» воспринимали как название одного из монгольских племен. Затем в монгольской эпохе, то есть в XIII — XIV вв., значение этнонима «татары» сильно расширилось, и китайцы татарами стали называть и монголов, и немонголов. По укладу, этническому образу, татары были разделены на «культурных» и «диких», «белых» и «черных». К ним в дальнейшем присоединились и «водяные татары». Потом до первой половины XVIII века, именем «татары» стали называть монголов, которые жили в восточной Монголии. После покорения монголов маньчжурами в первой половине XVII века, имя «татары» полностью исчезло из китайской исторической традиции, навсегда уступив место этнониму «монголы», который дожил до наших дней.

Все это свидетельствует о сложной и противоречивой исторической судьбе этнонима «татары», ставшего позднее самоназванием ряда тюркских народов. Но это уже другая тема, требующая специального анализа с привлечением дополнительных источников.

Мы же здесь ограничились кратким анализом и информацией лишь китайских источников, которые не всегда доступны читателям в России и Татарстане.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. с. 30.

[2] *Бартольд В. В.* Татары // Сочинения. Т. V. М., 1968. с. 559.

[3] *Фан Чжань-ю,* Да-да чи-юань као (К вопросу происхождения татар. // Журнал китайской литературы Пекинского университета. Пекин, 1939, с. 192 — 193.

[4] *Фан Чжань-ю.* Там же, с. 193 — 194.

[5] *Фан Чжань-ю.* Там же, с. 195.

[6] *Рашид Эд-Дин.* Сборник летописей. Т.1. Кн. 1, М.—Л., 1952. с. 114 — 117.

[7] *Юань-чао би-ши* М., 1962. с. 1 — 186 — 1 — 19а, 1 — 26б — 1 — 27а; Козин С. А. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941. с. 84 — 87.

[8] *Юань-чао би-ши,* с. 6 — 2а; Козин С. А. Там же, с. 123 — 124.

[9] *Мэн-да бэй-лу*, пер. Н. П. Мункуева. М., 1975. с. 53; Четыре монгольских источника. Состав. Ван го-веем. Тайбэй, 1975. с. 436.

[10] *Мэн-да бэй-лу.* с. 45; Четыре монгольских..., с. 431.

[11] *Мэн-да бэй-лу.* с. 45; Четыре монгольских..., с. 431.

[12] *Мэн-да бэй-лу.* с. 46; Четыре монгольских..., с. 431 — 432.

[13] *Рашид Ад-Дин.* Сборник летописей. Т.1. Кн 1. с. 140 — 143.

Надо отметить, что В. В. Бартольд не отличает онгута от кунгирата — одного из монгольских племен, которое лишь после уничтожения династии Цинь, т. е. в 1234 году, переселилось к Китайской стене. См.: В. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана // Сочинения. Т. Ж. М., 1968. с. 256.

[14] *Джа Джин-янь.* О водяных татарах. // Китайская энциклопедия (История Китая — история династии Юань). Пекин-Шанхай, 1985, с. 99 — 100.

[15] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. с. 37.

ЧХАО ЧХУ-ЧЕНГ,
аспирант Казанского университета.

Строители отечества

ФАУЗИЯ БАЙРАМОВА

Председатель Милли меджлиса татарского народа, председатель партии национальной независимости «Иттифак», депутат Верховного Совета Татарстана.

Писатель, журналист. Живет в Набережных Челнах.

Байрамова Фаузия Аухадиевна родилась в деревне Сабай Сабинского района. Сразу же после окончания восьмилетней школы начинает работать литературным сотрудником в районной газете. Позднее учится на режиссерском отделении Казанского театрального училища. Заочно окончила отделение татарского языка и литературы КГУ.

Превращение Фаузии за короткий срок в национального лидера, причем очень боевитого, отважного, многим казалось неожиданным. Однако именно в этом случае нет ничего случайного: накопление сил для такого взрывного роста происходило в годы работы в редакциях газет и журналов. Байрамова не влезала в рамки, в которые до этого умещались почти все татарские журналисты. «Знай в критике меру», «Не замахивайся на шишек», «Партийные органы выше критики» — она не считалась с подобными писаными и неписаными правилами. Самоотверженная защита простых людей принесла ей, с одной стороны, опасную славу, с другой — вырастила и закалила в ней борца. Именно поэтому Фаузия так естественно влилась в общедемократическое движение, стала одним из зачинателей татарского национального движения.

Свою первую победу, в 1990 году, она одержала на своей родной Сабинской земле. Умело и смело проведя предвыборную кампанию по выборам в Верховный Совет Татарстана, она одолела человека, считавшегося хозяином тех мест,— первого секретаря райкома КПСС.

Еще через год Фаузия совершила подвиг, который войдет в историю татарского народа. Когда Верховный Совет Татарстана, решив провести в республике выборы российского президента, поставил на карту независимость Татарстана, она объявила голодовку. К ней присоединились и другие патриоты. Эта акция, проведенная в Казани на площади Свободы, увенчалась успехом: Верховный Совет изменил свое решение.

И в дни ГКЧП Фаузия не дрогнула, как некоторые, она находилась среди демонстрантов, организовала издание и распространение листовок.

Сначала Байрамова действовала в рамках ТОЦ, была одним из его руководителей. В 1990 году она из радикального крыла этой организации создает партию «Иттифак», борющуюся за полную независимость Татарстана. Фаузия приложила много сил для создания парламента татарского народа — Милли меджлиса. В этом году она была избрана его председателем. Байрамова также является одним из самых активных и боевых депутатов Верховного Совета Татарстана.

«ЯРМО» ДЛЯ ЖУЛИКА

Роман

Журнальный вариант

Ильгиз ХАБИБЯНОВ

Илья мотался по городам, занимался практически всем, перепробовал работать в разных направлениях.

Часто терпел неудачи. Жизнь диктовала свои правила, пришлось испытать на своей шкуре, как тяжело определяться в жизни залетному. Шло время, и он совершенствовался, стал работать более чисто, но, как говорят в народе, сколько веревочке ни виться, конец найдется. И когда ему исполнилось двадцать три года, судьба с ним сыграла злую шутку.

Познакомившись с братом по разуму, он провернул ряд дел и только тогда вспомнил заповедь Графа: «Козлы узнаются в беде» — друг его подставил, договорившись с ментами. Илья еще не сознавал, насколько можно серьезно влезть в петлю, полагаясь на друзей. И вот, вроде по мелочи, разбив голову оперу, скрылся. Но на этот раз бегать ему пришлось недолго, и менты, попутав его, шили мокрое дело, о котором он и понятия не имел.

Дело было в знаменитом городе невест Иваново. Когда он попал на Болотную, 2, в местный изолятор, его определили в пресс-хату. Только теперь Илья понял по-настоящему, что такое тюрьма, сразу вспомнились слова Повара: «Кто не терял свободы, тот не знает ее цены». Начались систематические избиения. Мало того, били менты, избивали также двое здоровенных сокамерников, к которым он был посажен для выбивания показаний. Громилы работали от души. Повар раньше рассказывал, что есть такие, которые в открытую работают на ментов, и те за хорошую работу либо половинят им срок, либо освобождают досрочно с дальнейшим пребыванием на вольном поселении.

Следователь вызывал раз в неделю ровно на минутку, вопрос был один и тот же:

— Будем говорить?

Отвечал также сам:

— Мне торопиться некуда, посиди подумай.

Илью уводили, и все продолжалось заново. По истечении двух месяцев он согласился подписать что угодно, так как дальше это продолжаться не могло. Побои, голод и кичман* свели на нет его здоровье, и после хорошего пресса у ментов Илья подписал все, что им было угодно. И каково было его удивление, когда он прочитал показания свидетеля, которым оказался его недавний друг. Впервые в жизни ему было безразлично будущее, даже такое, что подводило его под высшую меру.

И вот его бросили в общую камеру, где сидели уже не двое громил, а семнадцать нормальных мужиков.

Илья, еле передвигая ноги, вошел в хату и, бросив матрац на пол, присел к столу. Обитатели молча наблюдали за ним, и после недолгой паузы один из них, седоватый мужик лет сорока, спросил:

— По какой статье?

— Сто вторая,— ответил Илья.

— С нулевой или с два девять? — спросил тот номер предыдущей камеры.

— С девять четыре.

— С пресс-хаты? — спросил черноволосый мужичок лет тридцати, слезая с вертолета.

— С нее.

— Эти два барбоса там и сидят?

— Тоже в этой хате был? — спросил опять седой.

— Не то слово: был. Выживал. Мраки, уголовная хата, под парашу фаныч приспособлен, два козла показания выбивают, я там две недели корчился, думал, не выживу, а ты сколько там находился?

— Два месяца,— ответил Илья.

— Да,— посочувствовал черноволосый,— досталось тебе,— и тут же, повернувшись, сказал парню двадцати лет с оттопыренными ушами:

— А ну, электроник, освободи шконку.

Мужики уже не смотрели подозрительно, а, освободив шконку, напоили жженкой, и последующие дни поддерживали не только морально, но и всем, что было на общаке. При разделе передач отдавали побольше сала, сахара и всего прочего, что приходилось получить с воли. Вскоре Илья себя чувствовал более или менее нормально. Накануне суда он получил обвинительное заключение и, погадав, как это делали

Продолжение. Начало в №№ 7—10 с. г.

* **Кичман** — карцер.

суеверные, на домино, он попрощался с сокамерниками. После чего был доставлен в суд.

Осудили его быстро, в этот же день, не так, как судят по тяжелым статьям, растягивая процесс на недели. Илья смотрел на свидетеля, друга закадычного, который взял его в тяжелую минуту за кадык, смотрел спокойно, так же смотрел на холеные физиономии судьи, заседателей и прокуроров, которые с улыбкой на устах зачитывали его дело. И вот занавес.

— Гражданин подсудимый, может, у вас есть вопросы или просьбы, вам предоставляется последнее слово,— произнес судья.

Илья поначалу хотел отказаться от последнего слова, так как оно роли не играло, тем более, что было решено все заранее, но в последний момент ему стало неизвестно почему смешно, и он сказал:

— Да! Просьба есть.

— Пожалуйста, говорите,— произнес судья с ухмылкой на лице.

— Граждане судьи! И заседатели! Если вы удовлетворяете по возможности просьбы, то спойте мне что-нибудь.

В зале воцарилась тишина. Прокурор, судья, заседатели, секретарь и единственный свидетель, он же зритель, были в недоумении. Судья раскраснелся как помидор. Подобной наглости за долгую практику видеть и слышать ему не доводилось. В итоге тринадцать лет усиленного режима.

По возвращении в СИЗО он был помещен в камеру для осужденных для ожидания этапа. Но шли дни, недели, в камере уже сменилось порядком людей, и не по одному кругу. Илью не дергали, и вот в одно утро его без вещей вызвали из камеры. В голове закрутились тревожные мысли:

«Что им надо еще? Дело пришили внаглую, срок припаяли, притом немалый». Так, размышляя, он не заметил, как его доставили в стакан для встречи со следователем.

Ему устроили очную ставку, ничего не объяснив. На следующий день снова очная ставка и вновь с незнакомым ему человеком. Далее допрос по делу, за которое его уже осудили, и снова никаких объяснений. На четвертый день переводят в сто шестьдесят четвертую камеру на доследствие, и два месяца никто не беспокоит. Илья после долгих размышлений, которые ни к чему не привели, решил выбросить все из головы и ждать, когда все само прояснится.

В камере помимо него было четверо стариков в возрасте за шестьдесят лет и имеющих за плечами не менее четырех пятилеток сроку. Илье стало подозрительно, почему он не находится с теми, кто сидит по первой ходке, но так как старички ничего не спрашивали, ничем не интересовались, успокоился.

Вскоре Илью оповестили, что будет пересуд. Как выяснилось, за преступление, которое на него повесили, осуждали двенадцать человек из разных концов Союза. Эта группа совершила ряд мокрых дел, за которые пятеро были осуждены на различные сроки, а один уже четыре года назад был расстрелян. Илья был на седьмом небе в надежде, что его скоро освободят, но не тут-то было. Суд, извинившись за ошибку, тут же предъявил ему сто сорок четвертую статью и сформулировал все тремя годами условно с принудительными работами на стройках народного хозяйства, вернее, на химии. Илья, конечно, не стал писать кассационной жалобы, так как это сфабрикованное дело его устраивало больше, чем прошлое, и он благодарил бога за столь удивительный оборот дела. Но что его больше всего поразило, его свидетель и бывший друг оказался рядом с ним на скамье подсудимых. Обычно менты своих холуев и информаторов не подставляли, но этот, вероятно, чем-то не угодил. Илья пожелал ему всего хорошего без всяких грубых пояснений, так как знал, что за то, что тот был свидетелем, его уже ждет незаурядное будущее, которого можно избежать лишь занятув петлю на шее. Да! Еще раз убедился Илья: Россия — это дурдом. Также убедился в неограниченной власти ментов, которые повесили на него дело и, чтобы не отвечать за свои ошибки, заменили другим. Это был самый горький урок в его жизни за его бесшабашность.

У подельника Ильи уже были судимости, и ему предназначалось отбывать срок на четверке в Кинешме, а самого Илью направили в Савинский район. Самая паршивая спецкомендатура, она хоть и имела название вольной, но содержала осужденных за высокими заборами с путанкой и решетками. Менты здесь давили с ходу по прибытии, давая понять, что в случае нарушений устроят раскрутку и, добавив срок, закроют на кохму (зону общего режима). Одним словом, свобода в кредит. Илья, осмотревшись, сообразил быстро что к чему, и, как ему подсказывал опыт залетного, никуда не влазил, дружбы ни с кем не заводил, а, работая на местном заводишке технологической оснастки, записался в библиотеку и занялся самообразованием. Книг в библиотеке было более чем достаточно, да и в России мало кто читал подобную литературу, и, исходя из этого, она не была разворована, чего не скажешь о художественной.

Шло время, и на его душу пришлось много как хорошего, так и плохого. В подобных местах, даже если сам никого не трогаешь, найдется такой, который тебя затронет, на что Илья реагировал свирепо, и после второй драки с ворами, как они себя считали, его никто не трогал. В этой паскудной системе, чтобы на тебя смотрели нормальными глазами, надо было обязательно кому-нибудь шустрому развороторить физиономию и обзавестись ментовским надзором над собой. На самом деле здесь не было настоящих воров, все осужденные были по первому сроку. И большинство из них, как заметил Илья, имели грязную задницу. В основном это были самые борзые, любители разборок и предъявления счетов. Они пьянствовали, не работали, зачастую на два-три дня самовольно покидали комендатуру, и их не закрывали в зону. Но стоило лишь мужику, который работает в поте лица, пару раз нарушить режим, так он на третий раз со стопроцентной гарантией и с незасчитанными выходными-пароходными этапировался для дальнейшего отбывания в колонию.

Илья, хоть и не пил, и не прогуливал на производстве, однако еле-еле дотянул до конца срока. Пошатнувшееся здоровье заставило его держаться. Хотя во многих отношениях тюрьма была гораздо лучше, чем это сучье место и сучья публика.

Здесь же Илья познакомился с местным агрономом, молодой женщиной с живыми глазами, а главное для него, хорошо знающей политэкономию. Поднатаскавшись у нее в перерывах любовных сцен, он к концу срока осилил одну пятую знаменитого труда Маркса «Капитал» и по освобождении поехал в Москву на открывшиеся там платные курсы школы менеджеров. На курсах он встретил в основном крупных финансовых работников министерств, банков и прочих учреждений. Лекции читали американские профессора, и те, кто не усваивал программу, получил

справку о слушаньи лекций, свидетельство выдавалось лишь тем, кто управлялся отлично; хорошо и удовлетворительно американцы не признавали. Илье пришлось серьезно взяться за учебу, так как за курсы он платил из собственного кармана, чего не скажешь о многих других, оказавшихся здесь по направлению тех учреждений, в которых они трудились.

Раньше Илья считал москвичей грамотными, эрудированными людьми, так как преподавали им не такие бараны, у которых ему пришлось учиться в пятой школе города Чирчика. Однако теперь выяснилось, что он глубоко заблуждался. Часть интеллигенции просто любила блеснуть эрудицией, часто употребляя термины, значение которых им самим неизвестно, мало того, много сказанных ими слов из высшей философии были ни к селу ни к городу.

Просто раньше Илья не разбирался во многих вещах и, глядя на выступавших деятелей по телевидению, считал их умными людьми. Сейчас же, глядя на безмозглых пустозвонов, выражающих чужие мысли, стараясь их выдавать за свои, он мнение круто изменил.

По ходу занятий лектор задавал вопросы на пройденную тему, если вопросов не было, то он приходил к мнению, что присутствующий на курсах ничего не понял и ему, собственно, предназначалась справка о слушаньи лекций, а если кто и задавал, сам толком не осознав темы, также был обеспечен справкой. Илье же стали понятны суждения лекторов, и, хорошо или плохо, он самих их старался загнать в безвыходное положение, опираясь на экономику России, что ему зачастую удавалась, и в результате он оказался в числе пятерых, получивших свидетельство, из сорока присутствующих.

Вновь Илья возвращался в Ташкент. Денег у него практически не было, он не знал еще, каким делом займется, но твердо был уверен, что мошенничество — его призвание, и он не может без него. Также он знал, что именно в это время он стал профессионалом. Впереди было неизвестное будущее, привлекающее его своей таинственностью, и это придавало ему бодрости.

Повара и Юру Илья не нашел и, поехав в Чирчик, решил отложить это дело до лучших времен.

Дома он застал мать со знакомой женщиной лет тридцати пяти. После того как закончились обычные семейные сцены встречи, мать представила его Луизе, живущей в соседнем доме, майору ветеринарной службы, вернувшейся из Афганистана, где она в течение двух лет служила комендантом гостиницы для высших чинов. Луиза смотрела на Илью пожирающим взглядом, так что нетрудно было заметить, что она жаждет заполучить содержимое его штанов. Но вскоре пригласили, как всегда, к столу, и, переговорив более двух часов о житейских проблемах, Илья с Луизой вышли прогуляться.

Войдя в ее квартиру, Илья понял, что, познакомившись с такой женщиной, нужно быть всегда наготове делать ноги.

— Я живу простой, скромной жизнью,— сказала Луиза, пропуская его в комнату.

Импортная аппаратура, ковры и прочая утварь тянули не на одну тысячу. Если это называлось простой и скромной жизнью, то Илья сам бы согласился поскромничать таким образом.

Посмотрев на Илью, Луиза объяснила, что ей в наследство досталась значительная сумма. Но Илья был слишком крученым, чтобы верить этому, хотя и делал вид, что проглотил эту басню с потрохами. Луиза была не та женщина, которая довольствуется чем бог послал.

Вдруг она, резко обхватив его руками за шею, присосалась страстным поцелуем, на который Илья ответил, хотя с этим поцелуем у него возникло чувство, что он только что подписал себе смертный приговор. Также Илья ощутил, что это не интрига, а безумная любовь увядающей женщины. Он же был всегда обеими руками за настоящую любовь, но только до определенного момента. Его интерес к Луизе был чисто профессиональным.

Проведя безумную ночь, Илья лежал на диване за чтением газет, Луиза возилась на кухне в приподнятом настроении, напевая дешевые куплеты. Тут раздался звонок, и Илья через несколько секунд различил очень знакомый голос, но чей, не мог вспомнить.

— Здравствуй, Луиза.

— Здравствуйте, вы как раз вовремя, скоро плов будет готов.

— Спасибо, как живешь?

— Отлично, Василий Степаныч, проходите, с мужем познакомлю.

— Вот так новость, замуж, значит, вышла?

— Да, а что, мне век одной доживать?

— Ну, поздравляю!

Луиза представила мужчин друг другу (а они не подали виду, что знакомы) и ушла на кухню.

— А я к тебе, Сейфульмулюков.

— И что же прокурору надо от жертвы?

— Ну, во-первых, я давно не прокурор, а адвокат, а во-вторых, у меня к тебе дело.

— Даже так? Поверить вам, что у вас ко мне дело, это равносильно найти в Чирчике мента, который соблюдает законы, и вообще, почему вы думаете, что я с вами, ментовскими выродками, буду иметь дела?

— Брось, Илюша, не паясничай, и давай не будем обострять отношения там, где нет необходимости.

— Ну и номер, поначалу упек меня в Бухару, а теперь говорит о каких-то отношениях?!

— У тебя нет выбора.

— Даже так? Очень интересно, объясните.

— У твоей Луизы есть хахаль, инспектор уголовного розыска Чарыев, развращенный и ревнивый. И не мне тебе объяснять, что чем больше распущен человек в отношении секса, тем сильнее он, как правило, бывает возмущен, когда кто-то охотится в его владениях. Плюс ко всему он относится к такому типу ментов, которых так и подмывает заорать: «В отделение, допросить по всей форме»,— одним словом, всех бы он пересажал. И могу сказать с уверенностью, что он не преминет тебе устроить крупные разногласия со свободой, тем более ему известно, что ты кувыркаешься с его бабочкой. А съезжать тебе не резон, так как ты на мели.

— Все-то вы знаете, Василий Степаныч, только вот почему вы выбрали именно меня?

— Я вчера летал в один город, назовем его, допустим, С.

— Гражданин адвокат! Вы никогда не высказываете прямо свое мнение. Вы что, не способны на это?

— Не перебивай, пожалуйста. Так вот, я разговаривал с обманутыми тобой женщинами, которые буквально не могут дождаться, пока их снова обманут. У тебя не бывает потерпевших, работаешь аккуратно, поэтому лучшей кандидатуры, я думаю, не найти в

этом городе. Да и тебе не помешают лишние пятьдесят тысяч.

— Так что же это за дело?

— Сложное, очень сложное для меня, я мучаюсь вот уже четыре месяца с одним клиентом, и накануне выигрыша моему подзащитному преподносят небольшой акт мести в виде вагона с левым кофе, и моя позиция вот-вот разрушится.

— И кто же ваш клиент.

— Заведующий одной из местных баз.

— Какова моя роль?

— Перепутать стрелки одной даме, чтобы вагон не попал в Чирчик.

— Когда надо сделать это?

— Завтра, крайний случай послезавтра. Сегодня в десять вечера жди звонок, получишь корректировку.

— Я могу идти спать?

— Никакого уважения к гостю.

— О чем вы говорите, гражданин бывший прокурор?

— Хотя бы о том, что я замял дело, когда на тебя хотели в розыск подать за побег из Бухары.

— Знаю, Василий Степанович, но и отправили, насколько мне не изменяет память, туда мою персону вы.

Адвокат, махнув рукой, вышел из-за стола и, заглянув в комнату, поблагодарил хозяйку и ушел.

Звонок раздался в десять тридцать, Илья лениво поднял трубку:

— Алло, Смольный на проводе.

— Не время шутить,— раздался голос адвоката,— непредвиденные обстоятельства, вагон пять минут назад отправили из Ташкента. Сможешь сделать, чтобы он исчез?

— Когда он будет и где?

— Минут через сорок на станции Боз-Су.

— Спокойной ночи, Василий Степанович.

— Алло! Алло!— Но Илья положил трубку и отключил телефон.

Адвокат через двадцать минут был у Луизы, но Илью не застал. Не зная, что предпринять, он поехал на станцию Боз-Су. Состав подали ровно в двенадцать. Нужный вагон был пятым по счету. Адвокат, немного постояв в раздумье и не найдя выхода, поехал к клиенту, с которым они довольно долго сидели в раздумье, и, не найдя никакого выхода, поехали вдвоем снова на станцию в надежде, может, на месте что-нибудь удастся предпринять.

И каково было их удивление, когда, подойдя к станции, они обнаружили проход среди состава. Вагона не было.

— Где он?— спросил клиент.

Адвокат после долгой паузы выговорил:

— Фантастика, глазам своим не верю, час назад был здесь.

И указал на пространство между вагонами.

— Как же его могли откатить, Степаныч, ведь в это время маневры сделать невозможно из-за проходящих поездов?

— Черт его знает, ладно, пойдем, утром узнаю.

На следующее утро адвокат наблюдал, как председатель комиссии из Москвы давал распоряжения по поиску пропавшего вагона. Обшарили все тупики, обратно вывезти его не могли, так как проезд в сторону Ташкента был закрыт, вызвали водолазов для обыска близнаходящихся водоемов, снова никаких результатов. Работники ОВД и прокуратуры лишь разводили руками. Подобного в их практике не было.

Адвокат, убедившись, что вагон не найдут, поехал к Луизе. На этот раз он застал Илью дома за чтением газет.

— У меня складывается впечатление, что ты с газетами и диваном не расстаешься.

— А как же насчет этикета?— спросил Илья.

— Извини, забыл поздороваться, где вагон?

— Как вы и просили, исчез.

— Надо вернуть.

— Невозможно, кофе уже распродан на рынке.

— Я не кофе имею в виде, а вагон, он еще нужен базе.

— Что-то я вас не понимаю, Василий Степанович, то вы говорили, чтобы он исчез, то, чтобы вернуть.

— Я имел в виду содержимое.

— Извините, насколько мне не изменяет память, вы спросили, можно, чтобы вагон исчез, вот он и исчез, что вы от меня еще хотите?

— Черт с ним с вагоном, скажи, куда ты его дел?

— Какая разница?

— Ну хотя бы объясни, как тебе удалось его в течение часа в воздухе растворить. Разгрузить вы его не могли, отогнать тоже, разрезать по частям тем более невозможно. Вертолеты также не летали, да и им это сделать было не под силу.

— Послушайте, адвокат, я объясняться перед вами не обязан. Где деньги?

— Будут через неделю.

— Вот тогда и поговорим,— и с этими словами Илья, подняв газету, углубился в прерванное чтение, и адвокату ничего не оставалось как, махнув рукой, уйти.

— Илья, есть будешь?— спросила Луиза, войдя в комнату.

— Нет, набури ванну, хочу охладиться.

— В это время воду отключают, теперь только вечером.

— Да, ну и дела, живем, можно сказать, на воде, с одной стороны река Чирчик, с другой — канал Хиросима, а воды нет. Советская действительность, мать ее через коромысло.

— Может, поешь пока горячее?— спросила снова Луиза, присаживаясь на край дивана.

— Скажи, прелесть, что тебя связывает с Василием Степанычем?

— Это мой адвокат, он недавно защищал меня, так как чуть под сокращение не попала.

— И какая у тебя должность?

— Начальник МТО, но сейчас замещаю командира части.

— И что же у вас за часть?

— Одно название. Так, склады. Получаем, выдаем, состав-то десять офицеров да шесть отставников, которые, выйдя на гражданку, устроились грузчиками.

— И что же вы получаете и выдаете?

— Все, начиная с медикаментов и кончая техникой.

— Интересно, очень интересно.

— Что там интересного, тоска, да приходи завтра, сам посмотришь.

Утром Илья, доехав до городского парка, перешел мост через Хиросиму, свернул налево, где за гребной базой находились склады. После стука в железные ворота его спросили:

— Вам кого?

— Камалетдинову.

— Пожалуйста, пожалуйства,— сказал охранник, пропуская Илью.— Луиза Гениятовна на третьем складе, она меня предупредила. Вас проводить?

— Нет, спасибо, найду.

— Пришел, ну как, теперь видишь, какая тоска?

— Пока не ощущаю, лучше скажи, зачем здесь старые машины?

— На списание пригнали, они к нашей части приписаны.

— И что теперь, спишут, а дальше?

— Какая-нибудь гражданская организация заберет.

— Во сколько их оценят?

— «ЗИЛ» примерно в две тысячи, а «КамАЗ» — в пять.

— А нельзя ли их какому-нибудь кооперативу продать?

— Почему ж, можно, только нужно в штаб округа ехать, да кому надо — сами оформят и заберут.

— Короче, прелесть, давай толкнем в кооператив, там можно такую же цену взять сверху.

— А в какой?

— Не твоя забота, я найду.

— Неплохо было бы.

На этом и порешили. Илья в этот же день договорился с кооперативом «Аист», и на следующий день Луиза вместе с председателем того кооператива, поехав в Ташкент в штаб округа, оформив документы в автослужбе, продала машину.

— Ну как? — встретил ее Илья, открывая двери.

— Отлично, — ответила Луиза, входя в квартиру.

Он подождал, пока она утрясет хозяйственные дела, потом спросил:

— Прелесть моя, доляну ты думаешь мне отстегнуть?

— Зачем, Илюша, мы же живем с тобой, питаться надо, одеваться и прочее, и вообще, я полагаю, что ты меня возьмешь вскоре в жены.

«Ну, сука, — подумал Илья, — я тебе еще сделаю что-нибудь оригинальное», — а вслух произнес:

— Я думаю, это будет не очень удачное приобретение.

— Ты что, меня уже не любишь?

— Странные вы, женщины, если делать все по-вашему, то вы вцепляетесь в душу, а если нет, то вы делаете мужчин одинокими, тем самым создаете мужчинам не счастливую семейную жизнь, а сущий ад.

— Скажешь тоже, просто женщину нужно понять.

— Обманула меня, а теперь говоришь, что я что-то не понимаю, ты аферистка какая-то, Луиза.

— А как же ты думал, хочешь жить — умей вертеться, притом все дело оформила я, а за то, что ты договорился, я тебя буду кормить, поить, одевать.

— Нет, Луиза, спасибо, за питание я тебе отстегну семьдесят рублей в месяц, думаю, этого хватит, а одевать будет каждый сам себя, — с этими словами Илья выложил последние свои семьдесят рублей, думая, что Луиза их не возьмет. Но, к его удивлению, она взяла, скупости ее не было предела. Но, к своему несчастью, кошка не знала, чье мясо съела, и Илья решил отомстить.

Утром он снова пришел в часть, пока еще не зная, за что возьмется и с чего начнет. Войдя на территорию, он увидел «КамАЗ» с гражданскими номерами, в него грузили коробки величиной с телевизор. Узбек в тюбетейке лет сорока лихо командовал грузчикам:

— Э-э! Пистра давай! Чо ти, мало-мало живой что ли, ти тоже! Зачем курим? Потом курим, а сейчас работай пистра!

Илья, подойдя к Луизе, спросил:

— Что они грузят?

— Синестрол в ампулах для колхоза «Майский».

— И что они забашляли тебе?

— Да кто за это платить будет, дефицит, что ли, а вообще торт принесли.

— Короче, Луиза, как я понял, ты сейчас занимаешь кабинет командира части, так?

— Ну так, а что?

— Я сейчас туда вызову этого чурбана, а ты будешь делать то, что я скажу, вернее, зайдешь в кабинет, я тебя грубо выпровожу, отчитаю, ты ответишь типа «есть», «так точно», в общем, как у вас принято, и выйдешь. На этом твоя роль и кончится.

— А ты что будешь делать?

— Увидишь, — ответил Илья и подошел к представителю колхоза.

— Медикаменты на «Майский»? — спросил его Илья.

— Ха, — ответил он, кивая головой и моргая глазами, стараясь сообразить, кто перед ним стоит.

— Зайди ко мне в кабинет, — сказал Илья и пошел в штаб. Колхозный парторг последовал за ним. Илья, войдя в кабинет, небрежно подвинул папки и присел на край стола, одной ногой упираясь в пол. Колхозный деятель стоял, так как присесть ему не предложили.

— Давай накладные, акт, требование, в общем, все, что у тебя есть.

Колхозник полез в нагрудный карман, извлекая бумаги, а Илья тем временем продолжал:

— В штабе округа подписал?

— Нет.

— А в ветслужбе?

— Киминдыр, какой разница?! — возмутился колхозный деятель. — Моя начальник с вашим договорился.

— Разгружай! — как можно строже распорядился Илья. В этот момент вошла Луиза, и Илья спросил:

— Майор! Кто отпустил синестрол?

— Я.

— На каком основании? Ни одной подписи, вы что, меня под трибунал хотите подвести? — и, не дав ей опомниться, срываясь на крик, скомандовал:

— Прикажите разгрузить! Живо! Я с вами разберусь!

— Есть, — отдала честь обиженным голосом Луиза и, повернувшись вокруг своей оси, вышла.

Колхозник, видя столь неожиданный поворот дела, сбросил пыл и услужливым тоном затараторил:

— Киминдыр, лядна ти, зачем так делиш, моя дома шесть дети, присидател вигонит работа, как лепешка буду покупать?

— Короче! — прервал его Илья. — Навариваешь за наш счет, а делиться не хочешь, умный что ли? Пять штук положи на стол и можешь забирать, нет, тогда будьте любезны, — и Илья указал в сторону ворот.

Колхозник, видя, что спор толку не даст, пошел на мировую со словами:

— Лядно, лядно, киминдыр, зачем кичиш, так бы и сказал: давай таньга, — и отсчитал пять тысяч рублей.

— Через десять минут чтоб духу здесь твоего не было, — закончил аудиенцию Илья, распихивая деньги по карманам, и только теперь заметил Луизу, прильнувшую к стеклу, приплюснув нос, наблюдающую жадными глазами за тем, как Илья рассовывает деньги.

Не успел колхозник отойти от штаба, как в кабинет влетела Луиза:

— Сколько?! Давай мне половину.

Илья, смерив ее удивленным взглядом, вытащил пятидесятирублевую купюру и протянул ей.

— Это что? — спросила она, взяв деньги.

— Плата за аренду помещения.

— Ну что ты, в самом деле, совесть имей.

— А как же ты думала, хочешь жить — умей вертеться, — ответил он ей так же, как и она ему в недавнем прошлом.

— Илья...

— Все, — прервал ее он, — провернул я, ты лишь кабинет уступила на две минуты, деньги за питание я тебе отстегнул, притом последние, которые ты взяла без всяких угрызений совести. Что тебе еще надо?

Луиза молчала, надеясь, что дома все равно возьмет деньги. А Илья, встав, пошел к выходу и, остановившись на мгновенье, сказал:

— Не переживай, у тебя еще «КамАЗ» есть, толкнешь, в аккурат наверстаешь упущенное, — и вышел.

Вечером напрасно Луиза ждала своего возлюбленного, он не пришел также и в последующие два дня.

Выйдя за пределы части, Илья направился к приятелю по прозвищу Ганс и вместе с ним заблудился в местных ресторанах, прожигая свой заработок. На третий день, оставив другу на сохранение оставшиеся две тысячи, он вернулся к Луизе. Она встретила его хмуро, и он, не теряя времени, затащил ее в постель, после чего она отошла. Нежность, страсть и внимание свели на нет ее сомнения (хотя на время), и, как приласканная кошка, она раскрыла свою душу и рассказала, что «КамАЗ» продать ей не удалось, так как его уже без нее определили. Илья же посоветовал толкнуть еще что-нибудь бесхозное.

— У нас ничего бесхозного нет.

— Будет, Луиза, если хорошо подумать. Неужели у вас на территории вне склада ничего нет?

— Трубы есть.

— Видишь, а ты говоришь ничего бесхозного.

— А как взять? Увидят — греха не оберешься.

— Во время обеда. Пошлешь куда-нибудь охранника, а тем временем возьмешь «КамАЗ», загрузишь и отвезешь.

— А ты мне поможешь грузить?

— Мне нельзя тяжелое поднимать, но я могу найти грузчиков, дашь им по стольнику, и все дела.

— По сто рублей очень много, перебьются и двадцаткой.

— За меньшее никто не подпишется.

— Чем выкидывать на ветер двести рублей, я лучше сама загружу.

— Ну, как знаешь. Завтра утром я договорюсь, а в обед ты можешь вывозить.

— Нет, договариваться пойдем вместе.

— У тебя же утром совещание?

— Я его отменю, а ты в девять тридцать будешь на остановке в горпарке, кстати, где кооператив этот?

— Рядом, второй сельмаш.

На следующий день, не успела Луиза уехать на службу, как Илья, быстро одевшись, поехал к Гансу. И, к счастью, застал его дома.

— Здорово.

— Здорово, здорово, коль не шутишь, — ответил Ганс, — что-то ты рановато, стряслось что?

— Ганс! У тебя по-соседству строительный кооператив есть, ты председателя знаешь?

— Гришку-армянина? Как же, конечно, знаю, а что, толкнуть есть что?

— Есть. Как он мужик?

— Нормальный, я через него одно дельце провернул, взял он немного, клиентов честных подогнал. Одним словом, могу сказать только хорошее.

— Катим. Луизу надо срочно дурануть.

— И где ты таких воздушных телок находишь? Покажи место, может, и я чего-нибудь себе откопаю.

Гриша оказался человеком и дела и слова. Илья договорился с ним на три тысячи. Пятьсот рублей Луизе, остальные ему.

— А отдаст за пятьсот? — спрашивал Гриша.

— Отдаст, скажешь, товар темный, без документов, хлопот, мол, с ним будет много, так как частые ревизии из исполкома посылают делать, и вообще, она не шарит в этих делах.

— Добро, веди овцу, — согласился председатель.

Час спустя Луиза выходила из кооператива.

— Ну, что? — спросил Илья.

— Да ну их, эти армяне жадные, слов моих нет, начал: товар темный, документы, ревизия, как будто я дура и не понимаю, что цену сбрасывает.

— Так что! Продавать не будешь?

— Придется, ведь я уже распоряжение всем дала собраться в одиннадцать возле танкового училища, да и пятьсот рублей тоже деньги, тем более в военторг телевизоры цветные пришли. Возьмем телевизор, а, Ильюша, добавишь двести рублей?

— Да ты что! — возмутился Илья. — На хрена мне твой телевизор, ты мне долю должна дать, а не я на телевизор добавлять, тем более все, что в квартире, твое, и я не собираюсь иметь общих вещей. Если на то пошло, то я покупаю магнитофон, можешь слушать, но вещь эта будет чисто моя, хочу продам, хочу сломаю.

— Тогда вообще ничего не получишь! — взбесилась Луиза. — Такого клиента я и без тебя могла найти, — и, гордо подняв голову, потопала в часть.

В одиннадцать часов Илья прошел на задворки складов, и ему представилась дивная картина: Луиза, спиной к нему, пыхтя, волоком тащила две восьмиметровые трубы.

— Руки вверх! — крикнул Илья.

И Луиза, бросив трубы, чуть не выпрыгнула из трусиков. Тело ее свело судорогой, и она медленно, всем корпусом, растопырив руки, повернулась к нему и стояла, широко раскрыв глаза, словно ждала, что вокруг ее возлюбленного появится ореол, и боялась пропустить столь торжественный момент. И лишь спустя полминуты выругалась:

— Ты что?! Рехнулся, что ли?

— Брось, Луиза, ты классная баба, и я просто забочусь о целости твоей шкуры, тем более в такой момент, когда ты воруешь. Должен ведь хоть кто-нибудь на стреме тебя подстраховать.

— Лучше бы помог, чем болтать.

— Ты большая девочка и вполне можешь самостоятельно сделать эту работу, кроме того, у меня есть маленькое дельце и мне некогда, — с этими словами Илья, повернувшись, пошел к воротам своей спокойной, вразвалочку походкой.

В половине двенадцатого Луиза, лихо подкатив на «КамАЗе» к кооперативу, нажав резко на тормоза, вышла из машины.

— Герр-майор прибыла, — сказал Ганс Илье (они в то время наблюдали за Луизой из-за живой изгороди через дорогу).

Не успела Луиза войти в кооператив, как оттуда вышел зам Гриши Акоп и, заглянув в кузов, подошел к Илье, отдавая деньги.

— Две с половиной, как договорились.

— Спасибо, Акоп,— ответил Илья, взяв деньги.

— Ну что! Валим в кабак! — предложил Ганс.

— Подожди, я хочу Луизу достать до самого больного нерва.

Рабы кооператива разгрузили машину за две минуты, и Луиза открыла дверь кабины, чтобы уехать, но увидела в десяти метрах от себя Илью, вяло пересчитывающего деньги. «Обманул!» — осенило ее. Ничто не могло так вывести Луизу из себя, как потеря денег. Она в настоящий момент пребывала в такой ярости, что готова была начать войну с Америкой. И, подойдя к Илье, она сладким голосом, как азотная кислота, высказала:

— Подлая тварь! Ты еще пожалеешь об этом.

Вечером, когда Ганс с Ильей культурно отдыхали за ящиком вина, перед ними, как из-под земли, возник здоровенный мент. Властный тон, вышколенная осанка, под милицейской фуражкой, которую он не снял, находясь в помещении из-за отсутствия воспитания, виднелось разгоряченное лицо. Его глаза выражали самоуверенность, которая приходит к людям, облеченным властью.

— Сейфульмулюков? — спросил он Илью.

— Да.

— Вы проживаете по адресу: Керегетас, 10—43, у гражданки Камалетдиновой?

— Проживал, это моя сожительница, а в чем, собственно, дело?

— От нее поступило заявление о пропаже десяти тысяч рублей и золотых сережек с бриллиантами.

— С чем?! — удивленно спросил Илья.

— Подробно вам объяснит инспектор Чарыев, он сейчас ждет в отделении.

— А если я не поеду?

— Поедете, у меня ордер на ваш арест,— сказал лейтенант и показал санкцию.

— Хорошо, поехали,— ответил Илья, одевая туфли, и шепнул Гансу, чтобы тот предупредил авдоката.

Инспектор Чарыев встретил Илью с улыбкой на устах, вежливо предлагая стул, при этом стараясь подчеркнуть изысканность своих манер. Но Илья заметил, что не очень глубоко под блестящей оболочкой светскости угадывался жестокий дикарь.

— Что ж это вы, Сейфульмулюков? Женщина полюбила вас, а вы обошлись с ней так непристойно, не по-джентльменски это.

— Гражданин начальник, о чем вы говорите? Любовь придумали женщины, чтобы скрыть свои биологические потребности, и как я, кстати, с ней обошелся?

— Лейтенант вроде вас посвятил в суть дела?

— Но это еще ничего не значит.

— Как это не значит? Вас с полным основанием можно обвинить в краже.

— Начальник! Есть столько вещей, которые можно сделать с полным основанием! Не считая того, что это основание далеко не всегда полное.

— Я уверен, что ты, войдя к ней в доверие, обокрал ее, и я это докажу.

— Доказывайте, но пока ваша уверенность в моей виновности базируется лишь на заявлении Камалетдиновой, которая утверждает, что это я ее обокрал. И пока отсутствуют свидетели, вы не вправе определять степень моей вины в этом деле. Притом не исключено, что виновной может оказаться сама Камалетдинова.

(Продолжение следует.)

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

МИЛЛИОНЫ — ОТ АВТОРА!

**Нет, это не блеф.
Надо только внимательно
читать роман
Ильгиза Хабибянова
«Ярмо» для жулика»,
который публикует
журнал «Идель»
на русском языке,
начиная с седьмого номера
и в течение будущего года,
а на татарском —
с января 1995 г.,
и активно шевелить
мозгами над вопросом
«Куда пропал вагон?»
Дело в том,
что в этом произведении,
основанном, кстати,
на реальных фактах,
описываются
уникальные способности
воров и жуликов
нашего времени,
уникальные до такой степени,
что даже
профессиональные сыщики
оказываются в тупике:
вагон с кофе
в один прекрасный момент
«испаряется» бесследно.
Трое, приславшие
правильные ответы
в числе первых,
получат по два миллиона,
следующие трое —
по одному миллиону.
А вот тот, кто найдет еще
и дополнительный вариант
ответа, станет обладателем
четырех миллионов.
В конкурсе
могут принять участие
только подписчики «Идели»
(с любого месяца).
Ответы надо присылать
по адресу: Казань-12,
ул. Комлева, 14,
журнал «Идель».
И это не розыгрыш:
расписка от автора —
именно он обязуется
выплатить денежные призы —
лежит в сейфе редакции.
Так что дерзайте!**

КАЗАНЬ — СЕРДЦЕ ХАНСТВА

(Историческая топография столицы)

Султан ШАМСИ

На том месте, где расположена столица Республики Татарстан, с древнейших времен жили люди. Однако мы не будем углубляться в седую древность, а попробуем себе представить Казань лишь первой половины XVI века, когда этот город был столицей Казанского ханства. Славная столица татарского ханства жила независимой жизнью, удивляя своим великолепием всех, кто приезжал туда. Но этому блеску вскоре суждено было погаснуть, в 1552 году она была завоевана пятикратно превосходящими силами русского войска. После штурма и взятия город был разрушен до основания. В дальнейшем на этом мы еще остановимся более подробно. Пока же вспомним легенду об основании Казани.

Наверно не каждому известно, что до той Казани, которую мы знаем как столицу Казанского ханства, существовала еще другая Казань, и она стояла совсем в другом месте. Она находилась в 45 верстах от нынешней, если идти вверх по течению Казанки. Теперь на этом месте расположена железнодорожная станция-остановка Камаево по пути в Арск.

В древних татарских легендах и преданиях говорится, что однажды на землю булгар из Средней Азии пришел с большим войском жестокий завоеватель, эмир Аксак Тимур и разрушил город Болгар, убив последнего булгарского хана Габдуллу. (В этой легенде отразились события 1395 года, когда поход Аксак Тимура опустошил цветущие города Золотой Орды). К счастью, знатные люди города Болгара, боясь пресечения ханского рода, сберегли жену и детей хана — десятилетнего Галимбика и семилетнего Алтынбика от гнева Аксак Тимура. После войны спасенные сыновья хана основали город Казань на реке Казанке, и стали там жить. Так говорится в легенде.

На самом деле Казань конечно возникла гораздо раньше. Это тот случай, когда позднейшие события (поход Аксак Тимура в Поволжье) наложились на предыдущие и были переосмыслены народным сознанием.

Когда прошло некоторое время, решено было перенести город ближе к устью Казанки, на то место , где она впадает в Волгу. Люди решили, что расположение города близ большой реки, служащей хорошим водным путем, будет очень удобным и выгодным для торговцев, приезжающих сюда издалека. Как известно, общение и торговля являются необходимыми условиями всякого процветания. Так на новом месте, в семи верстах от русла Идели, вырос новый город. Так как двух городов с одинаковыми названиями быть не может, старй город превратился в Старую Казань (Иске Казан).

Место для нового города было выбрано удивительно удачное. Его центральная часть расположилась на высокой возвышенности и оттуда открывалась прекрасная панорама окружающей местности. Это было удобно в военном отношении, так как появление врага становилось известным еще до его подхода. С северной стороны возвышенность, на которой стоял город, так называемый Кремлевский бугор, оканчивался резко обрывающимся мысом, под которым текла спокойная река Казанка. Река в этом месте, натолкнувшись на естественное препятствие, делала крутой изгиб и, выпрямившись, через зеленые луга несла свои воды расположенной в семи верстах Волге. На противоположной стороне Казанки, на дальном конце лугов высокой стеной поднимался сосновый бор.

С западной стороны городского холма текла речка Булак, впадающая в Казанку. Булак соединялся с рядом длинных

и узких озер. Эти озера имели названия Ближний, Средний и Дальний Кабан. За Булаком на десятки верст тянулась зеленая долина с лугами и озерцами. Это место назывался «Ханским лугом» (Хан болыны), на котором во времена Казанского ханства проводились большие народные гулянья и традиционный праздник татар Сабантуй. Стояла на лугу и «Отучева мечеть» (Үтәс мәчете), где, возможно, перед началом больших праздников проводились религиозные службы.

Во время штурма Казани шатры Ивана IV стояли именно на этом месте. В устье Булака, на месте его впадения в Казанку, была большая общественная баня, известная как «Тагирова баня» (Таһир мунчасы).

Кремлевский бугор, тянувшийся с севера на юг по центральной части города, являлся как бы хребтом татарской столицы. Все главные общественные здания и строения, мечети, дворцы знати находились на нем. Блеск этих дворцов и зданий, взметнувшихся ввысь минаретов мечетей, неприступные крепостные стены, возведенные сплошь из дуба, своим величием поражали всех, кто наблюдал город со стороны долины. Даже пришедшие завоевать Казань Иван IV и его воевода князь Андрей Курбский не скрывали своего восхищения неописуемой красотой столицы татар. С восточной стороны вдоль Кремлевского бугра, как бы деля город на две половины, тянулась длинная и глубокая впадина, постепенно спускавшаяся к Казанке. В ней помещалась целая система озер и болот, которые назывались Белое озеро (Ак күл), Черное озеро (Черек күл), Банное озеро (Мунча күле), и входящее одним концом к Казанке Поганое озеро (Пычрак күл). За этой впадиной с озерами город постепенно взбирался к Арскому полю.

В эпоху Казанского ханства город, как уже говорили, был окружен высокой и крепкой дубовой стеной с башнями и воротами. Стены делались очень толстыми, изнутри наполнялись камнями, песком, галькой. Например, стена вдоль Булака была шириной в три сажени — около 6 метров, а со стороны Арского поля даже в семь саженей, что составляло 15 метров. Перед стенами зиял широкий и глубокий ров с водой. Перед каждыми воротами был сооружен подъемный мост. До нас дошли названия тринадцати ворот, некоторые из которых сохранились, правда, только по-русски. Ворота Казани назывались: Большие (Олы капка), Тюменские (Төмән капкасы), Нур-Алиевы (Нургали капкасы), Елбугины (Алабуга яки Илбуга капкасы), Сбойливые (татарское название неизвестно), Аталыково (Аталык капкасы), Кураишевы (Кыраиш капкасы), Крымские (Кырым капкасы), Ногайских ворот было двое: Нижне-Ногайские (Аскы нугай капкасы), Верхне-Ногайские (Өске нугай капкасы), Ханские (Хан капкасы), Арские (Арча капкасы), Кабацкие или Кебековы (Кабак яки, Көбәк капкасы). Приводятся оба названия одних и тех же ворот, хотя трудно сказать какое из них верное. Правда, в период Казанского ханства имя Көбек-Күбәк было у татар обычным. От них образовались фамилии Кубяков-Кобяков.

Самые красивые и высокие здания находились на северной оконечности Кремлевского бугра, на том самом месте, где сейчас располагаются резиденция Президента, башня Сююмбеки и Благовещенский собор, построенный сразу же после завоевания Казани. Среди них самым замечательным был Ханский дворец. Он состоял из нескольких каменных и деревянных построек, связанных между собой и обнесенных деревянной оградой. Рядом с дворцом хана возвышалась белокаменная, украшенная изразцами мечеть, минарет которой устремлялся в казанское небо. Неподалеку от них находился дворец знатного рода Ширин — влиятельнейшего в государстве. В татарских преданиях говорится, что башня Сююмбеки была построена на могиле хана Сафа-Гирея. Вероятно, именно здесь царица Сююмбике прощалась с могилой любимого мужа Сафа-Гирея, когда ее в 1551 году с трехлетним сыном Утямыш-Гиреем насильно увозили в Москву.

Глядя на столицу издали, на территории Кремля в то время можно было видеть пять больших и высоких мечетей. Одна из них располагалась на южном конце Кремлевского бугра. Это был главный храм столицы, названный по имени имама Кул-Шарифа, духовного главы и руководителя высшего исламского учебного заведения — по современным понятиям — университета. 2 октября 1552 года слушатели-шакирды этого центра образования во главе с имамом, абызами, муллами, собравшись перед входом в храм, одними из последних оказали отчаянное сопротивление ворвавшимся в Кремль русским войскам и были истреблены поголовно.

Границей между двумя частями города служил «Таджикский овраг». Как мы уже говорили, на северной оконечности Кремлевского бугра располагались Ханский дворец, мечети, дома знати, различные государственные учреждения — словом, деловая часть города. Перейдя Таджикский овраг, человек попадал в совершенно другую обстановку. На этой части города жил народ попроще. Здесь был большой базар, где вели торговлю прибывшие из разных концов купцы. Много приезжало купцов из Средней Азии, почему и назывался этот овраг Таджикским. Здесь всегда было многолюдно и шумно. Жизнь била ключом, кто продавал, кто покупал, а кто просто ходил и разглядывал товар. В то время базар заменял нынешние газеты, радио, телевидение — все новости люди узнавали на базаре.

В этой части города много было также мечетей с высокими минаретами, правда, для людей попроще. С наступлением часа намаза звонкоголосые муэдзины призывали правоверных мусульман к молитве, напоминая им о бренности жизни.

Казань в то время отличалась «неправильностью» своих улиц. Прямых улиц почти не было, кроме тех, что вели через весь город к основным воротам. По подножию городской возвышенности, с западной ее стороны, параллельно Булаку шла, например, Ногайская дорога и выводила к Ногайским воротам. Она сейчас находилась бы где-то в районе Дома татарской кулинарии на улице Баумана.

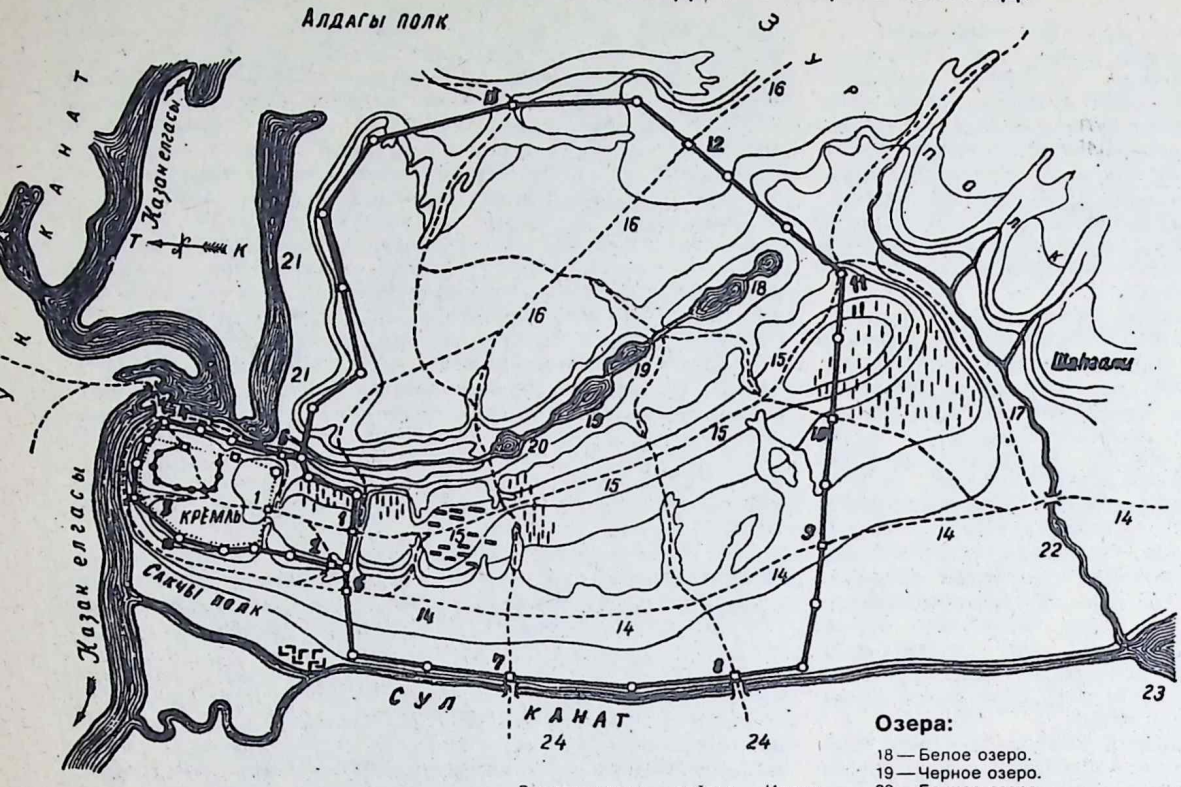
Другая большая улица проходила по Кремлевскому бугру и, как кривая татарская сабля, выводила путника к Ханским воротам, находившимся, примерно, в начале нынешнего Ленинского сада.

Кроме них еще одна улица насквозь пронизывала город. Она начиналась от Ханского дворца, проходила через Большие ворота на выходе из деловой части города и перед самым Таджикским оврагом круто сворачивала влево. Потом она шла через впадину позади Кремлевского бугра и, свернув опять направо, вела к Арским воротам, находившимся где-то в районе нынешней Площади свободы. Кроме того существовало много поперечных улочек, переулков, закоулков, глухих тупичков. Вообще Казань того времени отличалась стихийностью построек, дома часто стояли не по прямой линии, а один к другому боком. Улицы были довольно узки, неровная поверхность городской площади вынуждала людей приспосабливаться к рельефу местности, ставить дома не там, где хочется, а где возможно. Поэтому улицы получались кривые, шли волнистыми линиями, образуя иногда резкие повороты.

В городе было много водоемов: Казанка, Булак, цепь озер во внутренней впадине, ключи в самых неожиданных местах под склонами, покрытыми зеленой растительностью. Все это придавало татарской столице несравненную красоту и неповторимость. Из-за неровного рельефа дома часто стояли отдельными группами на холмах, и между ними открывались живописнейшие картины городских уголков.

Все, о чем шла речь — дворцы, мечети, дома знати, учреждения, базары, мастерские ремесленников, множество больших и малых улиц, улочек, переулков находилось внутри крепких городских стен — в так называемом внутреннем городе. И хорошо защищалось. Стены же города проходили таким образом: деловая часть города была огорожена отдельной стеной и составляла как бы крепость в крепости. Перед Таджикским оврагом стена шла резко вниз к берегу Булака и, сделав прямой угол, долго тянулась вдоль речки в сторону озера Кабан, но не доходила до него. Затем она делала еще один резкий поворот почти под прямым углом и шла наверх к началу нынешнего Ленинского садика, где

ПЛАН КАЗАНИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК ИВАНА ГРОЗНОГО ПРИ ОСАДЕ СТОЛИЦЫ В 1552 ГОДУ



Условные обозначения:

1 — Стены Кремля в XV веке.
2 — Кремль, стены и башни столицы.
3 — Стены Ханского дворца.
4 — Главные улицы и дороги.
5 — Ворота с башнями.
6 — Мусульманское кладбище.
7 — Верхний базар.
8 — Нижний базар.
9 — Тагирова (Даирова) баня.

Ворота:

1 — Большие ворота.
2 — Тюменские ворота.
3 — Нур-Алиевы ворота.
4 — Елбугины ворота.
5 — Сбойливые ворота.
6 — Аталыковы ворота.
7 — Кураишевы ворота.
8 — Крымские ворота.
9 — Нижне-Ногайские ворота.
10 — Верхне-Ногайские ворота.
11 — Ханские ворота.
12 — Арские ворота.
13 — Кабацкие (Кебековы) ворота.

Улицы-дороги:

14 — Ногайская улица-дорога (проходила по нынешней улице Баумана).
15 — Улица, шедшая от Больших до Ханских ворот (проходила по нынешней улице Ленина).
16 — Арская улица-дорога (проходила по нынешней улице Карла Маркса).
17 — Приовражная улица-дорога (проходила по нынешней улице Куйбышева).

Озера:

18 — Белое озеро.
19 — Черное озеро.
20 — Банное озеро.
21 — Поганое озеро.
22 — Гузеево озеро.
23 — Ближний Кабан.
24 — Дураишева слобода.

0 100 саженьнар
0 100 200 метрлар

1 2 3 4 5 6 7 8 9

Расположение войска Ивана Грозного при осаде Казани: Левое крыло, Старожевой полк, Правое крыло, Передний полк, Большой полк, Шах-Али.

примерно были расположены в то время Ханские ворота — главные ворота столицы. После этого городская стена постепенно поворачивала к Казанке и, сделав огромный круг, ломаной линией многоугольника возвращалась опять к Кремлевскому бугру уже с другой — восточной стороны.

Мы уже говорили о 13 воротах Казани, выходящих в разные стороны. Кроме них на крепостных стенах стояло много башен. Видимо, их ставили друг от друга с таким расчетом, чтобы они были досягаемы стрелку из лука. Расстояние полета стрелы у тюркских народов является обычной мерой длины и наши предки при возведении башен наверняка это учитывали. К тому же это было удобно для защиты ворот от неприятеля. На Кремлевском бугре башни стояли еще ближе друг к другу.

В Казани до взятия ее русскими жило огромное население и оно не могло вместиться во внутреннем городе. Остальная часть жила в посаде. Одна часть посада была расположена внизу за Булаком. Там находились слободы Кураишево (Кораеш бистәсе). На восточном берегу Кабана находилась Армянская слобода. Предприимчивые армяне на территории Казанского ханства жили еще с булгарских времен. В основном это были купцы. Торговля с Персией и Кавказом находилась в их руках. Известный историк М. Худяков в своей книге по истории Казанского ханства приводит один любопытный факт. При штурме Казани в 1552 году русское войско долгое время (три недели) терпело неудачи, так как татары каждый раз отбивали их атаки. Видя такое дело, к Ивану IV явились несколько армян и предложили царю, за приличную сумму, разумеется, указать слабые места обороны крепостных стен города. Царь секрет купил. Через некоторое время, когда город был взят и отпразднована победа, Иван вспомнил об армянах и, подумав, что люди, продавшие своих старых друзей, могут продать и новых, приказал истребить их всех до единого. Узнав об этом, большинство армян убежало из Казани. Но успели убежать не все.

В устье Казанки, на левом ее берегу, находилось пригородное село Бишбалта, в переводе означающее Пять топоров. Между ним и городом по Ханскому углу протекал рукав Казанки, называемый Эчке Казан (Внутренняя Казанка). Название указывает, что это место действительно являлось пригородом татарской столицы. Оно знаменательно еще и тем, что как раз против этого места на Волге в то время существовал Гостиный остров (Кунаклар атавы), где была ежегодная международная ярмарка. Нетрудно себе представить как преображался остров, когда туда в начале лета собирались торговцы из разных стран. Этих гостей можно был видеть на улицах и рынках Казани, что придавало столице большое своеобразие и экзотичность. Со временем этот остров был затоплен волжской водой.

На южной стороне города находились еще два селения: Кул-Маметово на берегу озера Кабан и деревня Ахмета — нынешнее Ометьево за Арским полем.

Казань до начала русского владычества была одним из самых больших и красивейших городов во всем Поволжье. Благодаря своему выгодному географическому положению на берегу великой реки, она быстро росла, крепла и богатела. Но со временем она стала испытывать на себе завистливые взгляды соперницы — Москвы. Татарская столица мешала Московскому государству продвигаться на восток. И русские цари и церковники поставили своей целью во что бы ни стало свалить это «прегордое царство» на Волге. И после многих попыток Казань действительно пала.

Теперь, после многовековой зависимости татарской столицы, наступает эпоха ее возрождения и расцвета. Мы должны вернуть ее былую гордость и красоту, а основавшему ее народу — подлинную свободу.

Казанский государственный институт искусств и культуры был основан в 1969 году как филиал Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургская государственная академия культуры).

В 1974 году КГИИК получил статус самостоятельного института, а в 1991 году был преобразован в институт искусств и культуры.

Сегодня в вузе имеется 4 факультета: библиотечно-информационный, художественно-педагогический, культурологии и новый — театральный, которые выпускают специалистов по 8 специальностям и 16 специализациям.

С учетом современных запросов в развитии культуры и языка татарского народа в вузе осуществляется специальный прием по некоторым специализациям, на которых обучение ведется преимущественно на национальном языке. Это способствует процессу возрождения и развития культуры татарской нации не только в Татарстане, но и за его пределами, укреплению культурно-национальных связей с татарской диаспорой в других республиках и областях России.

В настоящее время на 19 кафедрах института работают свыше 170 преподавателей, в том числе 12 профессоров и докторов наук, 53 доцента и кандидата наук, около 40 заслуженных деятелей науки и искусств, заслуженных работников культуры России и Татарстана. За последние 5 лет преподавателями вуза было защищено 5 докторских и 11 кандидатских диссертации, в докторантуре и аспирантуре обучаются 10 человек.

Ректором Казанского института искусств и культуры является профессор Р. К. Беляев.

За годы существования институт выпустил более 7 тысяч специалистов, которые распределены в республики Татарстан, Чувашию, Мари Эл, Башкортостан, Мордовию и многие области Российской Федерации.

КГИИК успешно выполняет свою основную задачу — готовит специалистов социально-культурной сферы. Основная масса выпускников занимается библиотечной и досуговой деятельностью, народным, художественным, актерским мастерством, музыкальным исполнительством, научно-исследовательской и методической работой.

Гордостью института являются его выпускники, которые работают в сфере культуры и самодеятельного творчества, народного образования, профессионального искусства, экономики и социальных органов. Наиболее одаренные из них стали народными, заслуженными артистами Татарстана.

Десятки выпускников института получили звания «Заслуженный работник культуры» Татарстана, Чувашии, Мари Эл, Мордовии.

КГИИК сегодня является научным центром. Преподаватели института разрабатывают проблемы национальных культур народов Поволжья и библиотечно-библиографического дела, истории, философии и культурологии, краеведения, этнографии и фольклора.

Далеко за пределами вуза известны творческие и исполнительские коллективы — оркестры и ансамбли народных инструментов, смешанный и татарские хоры, хореографический коллектив, ансамбль песни и танца, сценические коллективы и другие. В институте ежемесячно проводятся творческие дни кафедр, студенческие фестивали, праздники песни, танца, музыки. Ежегодно с отчетными концертами ведущие коллективы института выступают перед общественностью г. Казани в ТГАТ имени Г. Камала. Эти концерты — подлинный праздник искусств. Студенческие творческие коллективы — нередкие гости на сценических площадках городов региона, у сельских тружеников, в производственных цехах и учебных заведениях столицы республики. Исполнительские коллективы КГИИК знают и любят люди разных поколений и многих национальностей, так как они несут подлинное искусство в массы.

За 25 лет своего существования КГИИК стал общепризнанным методическим центром Среднего Поволжья, школой повышения квалификации библиотекарей и работников культуры. Помимо подготовки специалистов по заочной форме обучения, преподавателями вуза ведется многоплановая методическая работа в помощь дворцам культуры, библиотекам, творческим коллективам и художественной самодеятельности, а также училищам культуры региона, с которыми вуз поддерживает связь, оказывая регулярную помощь в организации учебного процесса и методической работе. Заключены договоры о творческом содружестве с учреждениями культуры некоторых сельских районов Татарстана, с гимназиями, лицеями и школами Казани. Так складывается система довузовской подготовки школьников.

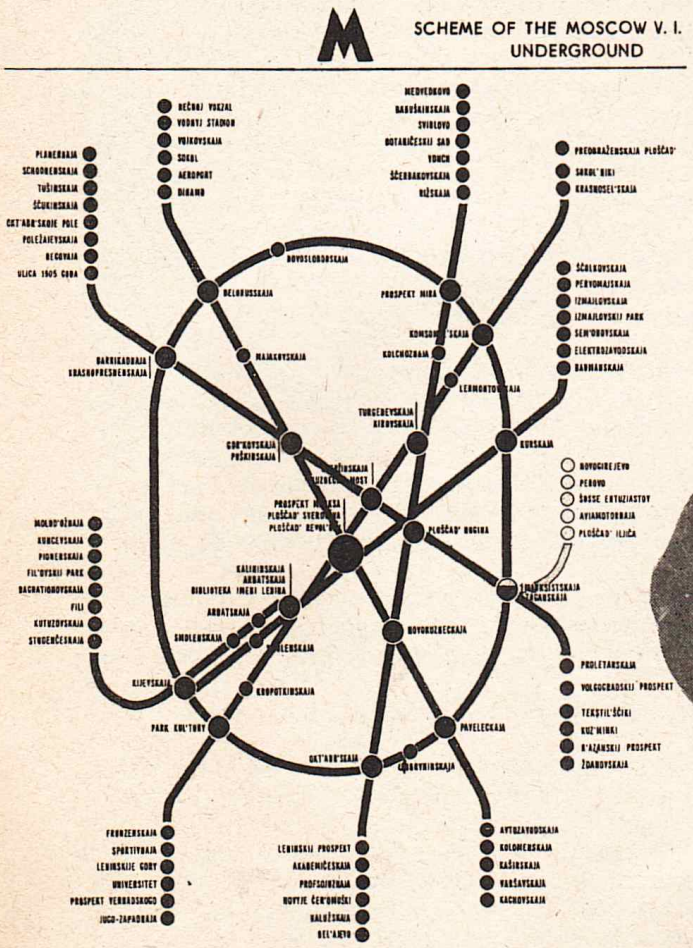
Богата и многообразна студенческая жизнь в вузе. В распоряжении студентов сегодня 2 учебных корпуса, специализированные аудитории и кабинеты, лекционные и концертный залы, классы для индивидуальных занятий со всеми необходимыми музыкальными инструментами и учебными пособиями, библиотека и спортзал, студенческое общежитие на 450 мест — все это обеспечивает жизнедеятельность вузовского коллектива. Интересно организован досуг студентов.

Проходят годы, уходят из родных стен института его выпускники, талантливые мастера искусств, чтобы возглавить оркестры, хоры, ансамбли, создать новые художественные коллективы, развивать социально-культурную сферу и библиотечно-информационное дело, оставаясь верными избранной профессии на всю жизнь.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК

Миргазиян ЮНУС

Не знаю, сможет ли и в дальнейшем этот парк в Москве служить местом сбора татар? Сможет ли объединить их, соединить воедино их надежды? Или же Измайловский парк — Мекка для татар, живущих вдали от родных мест,— будет забыт, оставлен теми, кто придет нам на смену?



Для народа будет большой потерей, если Измайловский парк перестанет быть татарской Меккой. Каждую субботу, каждое воскресенье собираться в укромном уголке этого парка и излить скопившуюся в душе за неделю боль о национальном, обновить национальные чувства — все это представлялось для моего поколения как насущная необходимость. Нутром чую: у тех, кто придет нам на смену, такое желание намного будет слабее... Мы стеснялись выпячивать свои национальные чувства, можно сказать, даже боялись их явно высказывать. В нас были сильны черты подхалимства, приспособленчества. Мы слишком уж преклонялись перед «старшим братом», иногда даже перед самыми недостойными его представителями. И в то же время вопреки этому вынужденному унижению в глубине души было сильно непримиримое бунтарство.

В новом поколении нет ни трусости, ни подхалимства. Но, несмотря на это, на мой взгляд, у тех, кто пришел нам на смену, национальная суть и протест против утраты своих исконных обычаев, и желание эти обычаи и порядки сохранить намного слабее. Может, это мне просто кажется, может быть, я ошибаюсь? Ох, как мне хочется ошибиться!

В Измайловском парке, на поляне под названием «Поле народных игр» смогут ли наши внуки от души плясать, петь и говорить на родном языке? Может быть, им надобности не будет ходить за этим в Измайловский парк: в повседневной жизни они будут говорить на родном языке, будут жить по национальным обычаям?

Собираться в Измайловском парке татары, обычно, начинали на второй день первомайских праздников. Май, июнь, июль, начало августа... В этот период в «Татарской Мекке» царило особое оживление. А к середине августа количество «паломников» резко сокращалось... до начала сентября. В первые дни сентября парк опять оживлялся — студенты возвращались на учебу, знакомую поляну заполняла молодежь.

Много лет подряд ходил и я в этот парк, чтобы увидеть, как на той поляне парни и девушки, кружась вокруг костра из опавших листьев и поддавшись очарованию огня, словно поклонники Заратустры, танцевали наши национальные танцы, пели наши мелодичные песни...

Первого сентября 1993 года около четырех часов вечера снова направился я в Измайловский парк. Еще задолго до того, как я приблизился к поляне, где обычно собирались мои земляки, в душу закралась необъяснимая тревога. Вокруг была тишина. «А может, запретили встречи?» — подумал я со страхом. Осенний ветер гонит по земле опавшие листья. Тяжелые облака, грозясь вот-вот заплакать, очень низко, почти касаясь верхушек деревьев, куда-то плывут.

Да, дошел я, наконец, до знакомого места. Сердце объял ужас. Поляна была пуста. Где же молодежь? Возможно, всех собравшихся увезли в отделение милиции? Вполне может быть. В последнее время лицемерие в национальном вопросе прочно вошло в моду. А что касается решения национальных нужд...

Перед открытой эстрадой на скамейке сидели двое мужчин. Направился к ним. Поздоровался. Нехотя ответили.

— Давно здесь сидите?

— Примерно с полчасика,— ответил тот, кто был помоложе (на вид — лет тридцати).

Около второго мужчины, а было ему, по-видимому, около сорока лет, лежала кипа газет. «День» — издание Александра Проханова и его сторонников. Видимо, очень пристально я на него взглянул.

— Что, меня узнаете? — спросил продавец газет. Я ему ответил на родном языке. Он не понял.

— Абый, не могли бы вы познакомить меня с какой-нибудь татаркой?

С такой просьбой обратился ко мне молодой мужчина.

— Нет, браток. Нет среди моих знакомых девушек, рвущихся замуж,— ответил я и сам спросил: — Не знаете ли, почему нет сегодня здесь студентов? Ведь каждый год первого сентября они здесь собирались. Что случилось?

— Я тоже пришел сюда с надеждой их встретить, да как видите...— сказал молодой собеседник.

В это время второй мужчина протянул мне газету.

— Читайте,— сказал он мне на языке «старшего брата»,— здесь на все национальные проблемы есть правильные и исчерпывающие ответы.— И не дожидаясь моей устной реакции, стал расхваливать Александра Проханова.

По его словам выходило, что все проблемы татар, да и всех мусульман, могут решить только сторонники Проханова и объединение русских патриотов под названием «Память». Да, они, лишь они, оказывается, смогут нас защитить.

— Они хотят, чтобы христиане и мусульмане действовали объединившись, чтобы вместе боролись против врагов...

— А вы знаете с какой темой пришел Проханов в литературу? — спросил я.

— Как же не знать, он борется против тех, кто хочет закабалить нас.

Я понял, что дальнейший спор привел бы лишь к открытой враждебности. Поэтому я не стал объяснять, что в свое время Проханов воспевал тех, кто проливал кровь мусульман в Афганистане, и что он борется до сих пор «за единую и неделимую Русь».

А мой собеседник снова на русском вопрошал:

— Вы, наверное, Проханова не любите?

А я ведь пришел в этот парк с надеждой, что, как бывало раньше, наговорюсь на своем, родном языке. Живя постоянно в Москве, я уж привык говорить и мыслить на языке «старшего брата». Только в день скорбной Памяти моего народа — 15 октября и в дни посещения Измайловского парка стараюсь, нет, не только стараюсь, а говорю на родном татарском... А тут... особенно не приходится гадать, какой же национальности принадлежит мой собеседник. Да и высказанные мною слова на родном наречии понимает. Только вот ответы... камнем в печень. Волна возмущения поднимается во мне. Сдерживая себя, говорю ему:

— Да ведь он мужчина... как я его могу любить? Или вы принимаете меня за «голубого»?

Молодой, мечтавший здесь встретиться с какой-либо татарочкой, подмигнул мне и поспешно протянул бумажку с записью, надеясь, видимо, до настоящей ссоры скорее отойти:

— Если встретится вам девушка, желающая познакомиться... пусть позвонит мне по этому телефону,— сказал он и стал прощаться. Затем добавил: — Пусть она будет не очень высокой, таким я не нравлюсь.

Остались мы один на один со сторонником А. Проханова.

С людьми, близкими по духу организаторам общества «Память» или отстаивающими позиции газеты «День», я уже устал спорить. Да и возмущаться перестал. От таких споров никакой пользы не вижу. Люди раньше, обманывая друг друга и себя, старались убедить всех, что со временем все нации и народности сольются в одну «большую» нацию и образуют единый «советский народ». Мы обязаны были в это поверить, иначе легко было угодить в дурдом. А чтобы такого не случилось, мы изворачивались, подхалимничали. Если тогдашнее наше состояние еще можно оправдывать этой вот боязнью, что же происходит сегодня? Зачем мы продолжаем подхалимничать перед кем-то, подстраиваемся под них? Видимо, «внутри» нас самих еще особых изменений не произошло. Угодничая перед кем-то, унижаясь и подхалимничая, еще попрежнему можно заиметь «теплое местечко», продолжать жить не особенно утруждая себя, то есть иметь лакомый кусочек. Лишь бы не стать на пути «сильных»... И это значит, что «внутри» нас еще жив рабский дух...

А поляна пуста... В прошлом году на Измайловский парк набросились «организаторы мероприятий». Может быть, из-за них татары охладели к этому святому месту? А может, они покинули эту вот поляну из-за таких же «патриотов», который сейчас сидит передо мной?..

Да, сегодняшние мои ожидания не оправдались. Надеялся вдоволь наговориться на родном языке, но ничего не вышло. Наткнулся здесь на зловещую тишину и на эту «коричневую» личность. Не попрощавшись, мы с ним тотчас же разошлись, напоследок взглянув друг на друга исподлобья.

1

По европейским меркам Измайловский парк считается большим. Он расположен в восточной части Москвы, между построенной в тридцатых годах окружной железной дорогой и такой же асфальтовой дорогой, сооруженной в период правления страной Хрущевым. С юга парк окаймляет Шоссе Энтузиастов, с севера расположены шестнадцать улочек, все как одна называемые «Парковая». Только недавно еще в этом парке имелись и действовали астрономическая обсерватория, различные спортивные комплексы, открытая и закрытая эстрады, шахматный клуб, кегельбан, различные аттракционы, сооруженные японцами, и другие места коллективного отдыха и развлечений. В последние год-два многие из них превратились в пепел. По какой-то случайности возникли пожары в музыкальном салоне, библиотеке, потом сгорели открытая (летняя) эстрада, обсерватория и даже сооружения дискотеки. За эту зиму, может быть, еще что-либо сгорело... Почему они горят? Кто их поджигает? С какой целью? Ответа нет.

Здесь можно услышать и старинные, берущие за душу татарские мелодии, и песни, только что созданные и исполняемые лишь в Казани... И любоваться зрелищем, никак не вяжущимся с официальным, ложным «интернационализмом».

Чего только нет в этом прекрасном парке. Одних озер в нем около десятка. Одно из них облюбовали «моржи» — зимой в большой проруби купаются. Есть уголок, называемый «Пасекой», где собираются и поют хором пенсионерки. В полкилометре от станции метро «Измайловская» имеется поляночка, где устраивают танцы вдовые женщины. А около спортивного комплекса в субботние и воскресные дни устраиваются художественные вернисажи — это самый большой в России базар, где продают картины и другие предметы изобразительного искусства.

В семидесятые годы я каждое утро прогуливался по этому парку. Имеются здесь и дома, расположенные в укромных уголках — среди деревьев. На заре к ним подъезжали «Чайки» за холеного вида хозяевами и бесшумно «уплывали» в утренний туман. Затем из этих домов выходили определенного поведения дамочки и отправлялись по домам на «Волгах».

На расположенной около этого парка «Соколиной горе» царь-палач содержал своих охотничьих птиц. Позднее другой царь — Петр I заключил в здешний монастырь свою родную сестру. Кстати, до недавнего времени в этом же парке были и спортивные сооружения, куда допускались только сотрудники Лубянки. А теперь вот ведутся строительные работы по переоборудованию общественного кинотеатра в ночной клуб.

Как уже было сказано, место, где собираются татары, называется «Полем народных игр». Оно расположено на укромной и безлюдной поляне в южной стороне парка. Сюда можно попасть двумя путями. По 8-й Соколиной улице подойти к Пролетарским воротам, войдя, сразу же повернуть направо и идти минут пятнадцать, затем еще свернуть вправо и войти в гущу деревьев. И сразу же попадаешь на поляну, где слышен говор людей, чуждый стольному граду русских. А если ехать по Арбат-Покровской линии метро до станции «Измайловский парк» — пешего хода будет минут на тридцать. Нужно от станции метро направиться прямо на юг по «Майской аллее». Не доходя до «родной» поляны, услышишь родные для себя мелодии «Тафтилэу», «Каз канаты», «Сарман» и др., наигрываемые несколькими гармонистами одновременно на разных ее концах. Подойдя поближе, увидишь и толпящихся отдельными группками людей: где-то в одной кружится, пляшет молодежь, в другом месте хором поют какую-нибудь мелодию. И среди них, кроме молодых, встречаются и лица в платках, по-старинному повязанных через подбородок. Здесь можно услышать и старинные, берущие за душу татарские мелодии, и песни, только что созданные и исполняемые лишь в Казани... И любоваться зрелищем, никак не вяжущимся с официальным, ложным «интернационализмом»: то хор «чуждых» песен, то

говор, «чуждый» первопрестольной столице русских — и ведущие внуков за ручки бабушки в белых платках, и все остальные здесь говорят и поют на своем, родном для них языке. И это в столице, в центре бюрократизма и официозности! Настолько это необычно, что на ум невольно приходит мысль: «А не заберут ли?» Но в то же время чувствуешь, как в глубине души поднимается какой-то неудержимый теплый поток, комок подкатывает к горлу. И от этого душевного ощущения тебе становится легко, как бы взмывают крылья, освободившиеся от какой-то тяжести. И забываются все твои тревоги, все печали, и мрачных мыслей как не бывало!

Да, Измайловский парк был Меккой для татар, живущих в Москве. Святое, освящающее душу место. Как живительный родник для жаждущих душ.

До войны в Москве был свой татарский театр, издавались книги, журналы и газеты на этом языке, работало несколько клубов, существовало несколько татарских школ. И тогда соплеменники Тукая летом собирались так же в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького. Да, и там было определенное, неслучайное место сбора татар. Минуя Воробьевы горы, Москва-река поворачивает к древним стенам Кремля, и, не дойдя до стены, разворачивается как бы обратно, образуя дугу. На «вершине» этой дуги, куда обычно подвешивают колокольчик, имеется мост, называемый Москворецкий. У этого моста начинается улица, прозванная Большой Ордынской. Этот мост и эта улица когда-то были конечными пунктами большой дороги, связывающей Золотую Орду с Москвой. Подобием знаменитой Аппиевой дороги бывшей Римской империи должна была служить эта магистраль. Вдоль этого тракта издавна селились наши предки. И сегодня чуть восточнее от этой улицы-дороги расположены «Татарская улица», «Татарский переулок», вокруг довольно многое связано с именами наших дедов, сохранились их дома, постройки. Да и реконструированные в начале тридцатых годов под парк культуры и отдыха места частично входили в эту зону. По рассказам старожилов-татар, на берегу Москвы-реки их отцы и деды собирались с давних пор. Возможно, эта традиция шла из времен Золотой Орды. Такие «сборища» («Җыен») на природе были традиционны во многих местах проживания татар.

Я еще помню, как на берегу реки Ик, на той стороне от нашей деревни Исергэп, перед сенокосом собирались мои земляки из ближайших деревень на свой такой «джиен», названный «Тэкэ җыены». Это было как бы и всеобщим праздником, и исполнением некоего священного ритуала, способствовавшего укреплению и сохранению национальной духовности, уз родства и обычаев предков. Может быть, и московские татары собирались ежегодно на свои такие же «джиены» на излучине Москвы-реки? Почему бы нет? Невдалеке от места их сбора располагалось также татарское кладбище, а почти рядом — озеро, носящее чисто татарское имя — Чура.

Надеюсь, что в будущем все стороны жизни и деятельности татар, живущих в Москве, их обычаи и родословные будут еще изучены. В том числе и то, с какой целью в стольном городе имперского государства содержалась эта колония подвергшегося гонениям, различным запретам, словом, геноциду народа? Ища ответа на эти вопросы, мы могли бы вскрыть немало тайн. И слава богу, что с каждым днем открывается все больше тайн относительно исторического прошлого нашего народа. Но нужно бы ускорить, наряду с изучением всеобщей истории татар, выявление фактов проживания отдельных групп — широко разбросанных диаспор. Например, московские татары еще задолго до революции создали свою обособленную общину, несмотря на различные притеснения со стороны самодержавия, сумели построить мечети, создать школы, воздвигнуть дома-дворцы, подобные дому купца Асадуллаева. И еще раз напомню, что для этого «темного», «необразованного» народа после революции в Москве работали татарские школы, клубы, существовало издательство, выходили газеты и журналы, действовал театр. Но со временем, по мере достижения этим народом определенной «культуры» и «знаний», духовный потенциал его скудел, были закрыты и школы, и театр, исчезли газеты и журналы, исчезло само издательство. В начале войны был отобран — и не возвращен этой диаспоре до сих пор — центр ее культурного общения — Дом Асадуллаева.

Любим мы похвастаться подвигами наших отцов и дедов в прошлой кровавой войне: вот, мол, не жалели жизни за Родину. Да, татары отважно сражались и погибали на поле брани, защищая Советскую империю. И что же получили в благодарность за это? Может быть, нам вернули изъятые ранее очаги национальной культуры, закрытые школы, разрушенные мечети? Или почему их не добиваемся хотя бы теперь? Наверно, мы наивные, сверхнаивные люди, а может быть, даже хуже этого. Иначе бы... Иначе бы не были так доверчивы и слепы.

Да, мы своей кровью, а чаще и жизнью своей, защищали на поле брани Советскую империю. В самое пекло битв в первую очередь посылались наши земляки и представители тех народов, которые впоследствии были изгнаны из родных земель. Потом тех же татар, только крымских, обвинили в предательстве. Приведу лишь один пример использования этих татар в бою. При освобождении Крыма от фашистских полчищ собрали всех командиров партизанских отрядов тех мест и послали в атаку на Сапун гору, на верную смерть. Никто из них не вернулся из той атаки... О таких фактах много документальных свидетельств у татарского писателя Эмиля Эмитова.

Повторюсь, как же отблагодарила империя своих бескорыстных защитников? Какими делами? Закрытием национальных школ по всей территории России и за ее пределами. Татарская диаспора Донбасса, Средней Азии, Сибири и других ближних и дальних мест лишалась самого главного — очагов национальной культуры и школ, отрывалась от родных корней и родного языка. Чтобы люди отрекались от своего святого, придумывались бессовестные пропагандистские мифы, как, например, о «продажности врагам» части крымских татар.

До сих пор многие из нас считают, что только крымские наши сородичи были изгнаны из родных земель. Но не так ли поступили, только другими, более изощренными методами и с нами, так называемыми казанскими татарами? Куда и на какие только стройки не вербовали наших людей!

Шахты, рудники, сибирские лесоповалы, вновь и вновь открываемые стройки наполнялись нашей рабочей силой, нашими парнями и девчатами. Им выпадало на долю исполнять самую тяжелую, черновую работу. В то же время на нефтяные промыслы Татарстана, позднее — на новостройки КамАЗа, Нижнекамска, привлекались со стороны тысячи пришельцев.

Помню, с начала пятидесятых годов оживилось жилищное строительство в Москве. Тогда еще не было ни бульдозеров, ни подъемных кранов, ни бетономешалок. Гектары земли копались вручную, горы кирпича на этажи поднимались на руках. И эти работы в основном выполняли согнанные вербовкой из родных мест наши земляки: молоденькие девчушки и мальчишки. Больше было девушек, ибо парни еще подолгу служили в армии (и из них только малый процент возвращался в свои родные места).

В те годы мы боялись думать, анализировать и сопоставлять такие факты. Сейчас уже нам ясно, что это тоже являлось продолжением геноцида народа, начатого еще Иваном Грозным и продолженного миссионерами, такими как Лука Конашевич (Аксак Каратун) и Ильминский. Успешное осуществление такого геноцида Советского периода готовилось на самом верху: на заседаниях Политбюро или на Совете министров, а претворялось в жизнь продолжателями дела Шахгали — табеевцами.

Точно не знаю, сколько девушек-татарок из Татарстана и других мест выполняло тогда тяжелый труд строителя в Москве. Помню, из моего села Исергэп (Бавлинского района) было их, кого я знаю, едва вышедших из детского возраста, пять-шесть душ. Таская кирпичи и другие непосильные для них тяжести, часть из них навсегда остались полуинвалидами или лишенными счастья материнства. Вот ведь какими завуалированными путями осуществлялся геноцид! Многие из нас еще до сих пор этого не хотят понять. Да и понять это нелегко. Ведь на тех же стройках наряду с девушками-татарками были и русские. И на бытовом или производственном уровне между ними не было никаких разногласий или конфликтов. В быту эти люди чаще дружили, или даже создавались родственные связи меж ними. И это на виду у нас у всех. И потому мы глубоко не вникали и не вникаем в межнациональные отношения тех времен, времен политических деяний Сусловых, Табеевых. Да и сегодня, видимо, мало вникаем по сути в черносотенный характер политических действий иных нынешних политиков.

Но не только «верха», но и «низы» изобилуют теми, кто готов напакостить своему народу за рюмку водки, за денежный куш или за мишуру-железяку. Это всякого рода люмпены, подхалимы, сотрудничающие с известными «службами», последователи Жириновских. А без них бы не двигалось дело и у Сусловых и Табеевых.

Из тех молодых девушек, кто прибыл на стройки Москвы тогда, многие сейчас на пенсии. Но некоторые и сейчас зарабатывают тяжелым трудом хлеб насущный. А их дети почти на сто процентов вроде и не из их рода-племени. Они даже не представляют, какими были их матери до приезда в Москву. Не объяснить им этого. В известном феномене Измайловского парка эти сегодняшние матери и бабушки сыграли большую роль. И это должно рассматриваться в разряде своеобразного чуда.

2

В первой половине дня на этой поляне довольно безлюдно. Прогуливаются лишь одинокие женщины да старухи с детьми. Ближе

к вечеру начинает собираться молодежь. Приходят сюда также и люди средних лет, и более преклонного возраста. Сюда приходят те, кто хранит в душе то огромное, необъяснимое, дорогое, что называется национальным чувством. Тот, в чьих жилах течет хоть одна капля татарской крови, услышав один раз татарские мелодии, увидев состязание гармонистов, поучаствовав в национальных играх, будет стремиться сюда.

Расцвет Измайловского парка приходится на середину шестидесятых годов. Я сам специально подсчитывал, в тот период на нашей поляне играло до тридцати гармоней, и у каждого гармониста был свой определенный круг слушателей. Один музыкант собирает около себя очень много людей, у другого слушателей не больше десятка. Но что интересно, эти гармони ничуть не мешают друг другу. Напротив, их звучание, издаваемая ими магическая музыка, слившись воедино, создает поистине какое-то новое, полифоническое произведение.

Понаблюдав, я догадался, каков принцип образования групп возле этих гармонистов. Каждая группа в основной массе образована из определенных землячеств. Пензенские мишари собираются в одном месте, сергачские, или как они сами себя именовали тогда — «нижгарские», — отдельно. Притом эти «нижгарские» здесь самые активные, самые сплоченные и многочисленные. Они очень организованны, инициативны: перетаскав откуда-то опилки, устроили арену для борьбы, объединились в кружки самодеятельности. С целью материальной поддержки гармонистов, стали их приглашать на свадьбы. Да, в сплоченности, в единстве и взаимоподдержке мы, казанские и башкортостанские татары, сильно уступаем татарам из Нижегородской области. Сумеем ли мы когда-нибудь достичь их уровня в смысле организованности, жизненной активности и взаимопомощи, не знаю. Вряд ли.

Какое это чудо — татарская народная песня! Это не только песня, это — история. Много чего было уничтожено при взятии Казани: летописи, государственный архив, архитектура, предметы изобразительного искусства, книги. И, наконец, были до единого порабощены ученые мужи, образованные люди. И все эти уничтоженные духовные ценности вобрала в себя татарская народная песня. В этих песнях — и история, и психология народа, в них сокрыт намек, подтекст, иносказание... Целый духовный мир народа отражен в них: все тягостное прошлое, настоящее и отчасти будущее. Да, у нашего народа богатый фольклор, большой его запас собран, записан специалистами. А мы должны внимательно изучать, изучать и понять, открывать тайны, сокрытые в нем.

По народным же песням, по их восприятию можно установить кто есть кто. В том числе и то, как становятся манкуртами, людьми, непомнящими родства. Я видел, как у людей, почти утративших все национальные особенности, живущих вдалеке от родных мест, вернее, оторванных от родных корней, текли слезы по щекам, когда они слушали полузабытые родные напевы. И наоборот, нередки случаи равнодушия к национальным песням, национальной музыке у тех, кто живет в своей среде, владеет родным языком и является носителем почти всех национальных особенностей... Да, чем дольше человек живет вдали от родных мест, от Родины, тем сильнее желание окунуться в озеро, называемое народной песней, тем впечатлительнее, восприимчивее ко всему национальному его душа.

В своей известной лекции о наших напевах, говоря, что первые две строки в татарской песне не

несут особой смысловой нагрузки, на мой взгляд, великий Тукай ошибался. Если хотите понять, каким значительным содержанием наполнены первые две строки песни, возьмите песенник и прочитайте подряд лишь первые половины четверостиший. Прочитав таким образом целый сборник народных песен, я долгое время не мог очнуться от потрясения. В начальных строках татарской песни отражается и история, связующая нас с Великим Булгаром, Казанским ханством, с последующими событиями. И мастерски воспроизводится в них природа родной земли: там и голубые реки, тихие озера, высокие горы и розовый рассвет, и дыхание легкого ветерка, щебетанье птиц. В них легкий юмор, экспрессия, гармония звуков и слов. Да иногда эти две строки способны перевернуть всю душу. Они подготавливают слушателей к восприятию того смысла, который несет остальная часть песни. Поняв это, легко догадаться, с какой целью собираются татары в Измайловском парке.

Синең атың юргамы,
Башың чайкап юртамы?..

Речь идет здесь о резвом скакуне. А какой татарин не мечтает о скакуне? С давних пор судьба татар тесно связана с лошадьми. Со времен каганата, со времен Кубрата хана. И этот факт оставил определенный след в нашем менталитете. Недаром поется в другой песне: «Ир канаты ат була» («Конь — это крылья мужчины»). С конем были связаны надежды, радости и печали. Коллективизация сокрушила эти надежды и радости, безжалостно оборвав связующую нить между конем и его хозяином. Вышедшие из села горожане стали компенсировать отсутствие коня и других животных заведением у себя собак. А ведь через общение с лошадью, с животными человек становился милосерднее, великодушнее.

Сәгатьләр келт-келт итәдер,
Төн уртасы җитәдер...

Часы тикают... Мне отчетливо видится образ моей матери, поднявшейся ни свет ни заря, чтобы успеть испечь хлеб ли, блинов ли к завтраку. (Я не представляю татарский дом без часов, в деревнях более престижны часы с боем или с кукушкой.)

В Измайловский парк приходили в основном люди, которые постоянно испытывают ностальгию по родной земле, по родной деревне. В городе среди каменных домов, каменных мостовых они чувствуют себя вечно стесненными, зажатыми, задавленными. И хоть раз в неделю им хочется побыть на просторе и среди таких же, как они сами, соскучившихся по родному говору, песням. Слушая знакомые слова песен, воспринимая с детства знакомую мелодию, они освобождаются от того чувства стесненности и печали одиночества. Тем самым человек поднимает свой жизненный тонус, улучшает настроение. Это состояние древние греки назвали катарсисом. Так как мы являемся преемниками древнейшей цивилизации, катарсис знаком и нам. «Прощай, немытая Россия — страна рабов, страна господ». Так писал в свое время Лермонтов. Чрезвычайно трудно скинуть оковы рабства, мы об этом помним ежеминутно. Собираться в кучу в тревожное, тяжелое время — в психологии людей. По-видимому, еще и по этой причине собирались мои сородичи в Измайловском парке. Побыв среди своих, попев и поплясав, они возвращались оттуда духовно отдохнувшими, одухотворенными. На лицах — улыбки, в душе — желание жить. На той поляне каждый ощутил себя единицей того целого, которое носит название нация, определил свое место в жизни, уяснил свой дальнейший путь.

И мусульманскую молитву можно исполнять одному, дома. Однако люди, хотя бы раз в неделю, по пятницам, приходят в мечети. С такими же целями собирались татары в те годы со всей Москвы в Измайловском парке.

Вот какими чувствами наполнялись каждый раз души собирающихся в Измайловском парке. Каждое такое событие как бы выправляло компас жизни человека.

И мусульманскую молитву — намаз можно исполнять одному, дома. Однако люди, хотя бы раз в неделю, по пятницам, приходят в мечети. И молятся, устроившись в тесные ряды. Такое явление тоже объяснимо: так они себя чувствуют частицей целого, встречаются с единомышленниками, воскрешают свои надежды и укрепляют веру в жизнь. Точно с такими же надеждами и целями собирались татары в те годы со всей Москвы в Измайловском парке.

Примерно с девяти вечера народ с той памятной поляны начинал расходиться по домам. То там, то здесь замолкали коллективные запевки, прекращались звуки тальянок, баянов. Люди группами, парочками, иногда в одиночку направлялись к выходу из парка. Шли, ведя тихий разговор или продолжая распевать песни. Новые парочки договариваются о будущих встречах, старые знакомые ведут общие разговоры о жизни, о кино и театрах... Этот шумный поток, текущий по аллеям, незнакомый говор вызывают у русских, отдыхающих в парке, тревожное удивление.

3

Национальная проблема, особенно проблема татар, не давала покоя коммунистам-руководителям. Как по стране, так и здесь, в конкретной ее точке. И вот к месту сбора татар в указанном парке зачастили инструкторы из Первомайского райкома и Московского городского комитета партии. Первоначально они всем задавали одни и те же вопросы:

— Кто разрешил здесь собираться?

— Кто организатор этих сборищ?

Эмиссары партии были уверены, что без разрешения каких-то верхов ничего не происходит на этом свете. И без организаторов тоже. На какое-либо дело как трудно собирать народ, — эти люди знали точно. Не только такую грандиозную сходку, но и десяток рабочих собрать в цеху на собрание сложно: должен их кто-то организовать. А здесь все говорят, что организаторов нет, их никто не знает. Да и кто разрешение на это давал, тоже неизвестно. А по выходным дням народа здесь бывает много: тысяч до десяти.

В последние годы партийные кадры прославились своим скудоумием. Потому эмиссарам партии никак не удавалось выяснить, как это, только по своей инициативе, может собраться столько людей. И они здесь стали использовать

извечные методы своей работы: отговаривать народ, чтобы здесь не собирались («метод пропаганды»). Вон, мол, в городе сколько театров, и всемирно известный Большой театр, мол, ждет их. Но такой пропагандой особых успехов не добились. Приступили ко второму методу работы: у людей спрашивали фамилии, где работают, записывали. Но тоже особого успеха не добились.

Не каждый ведь выложил все, как оно есть. На вопрос «Как фамилия?» чаще стали говорить неправду. И указанные места работы не совпадали с реальными: не могут же все быть только дворниками. Тогда эту не перспективную «работу» партийцы, как обычно это делается, спихнули милиции: пусть разберутся, мол, стражи порядка.

Милиция, первом делом, изгнала моих сородичей с той памятной поляны: мол, мешаете деревьям расти, вытаптываете траву. Народ стал собираться на асфальтированных площадках и мешать тем самым другим отдыхающим москвичам. Татары опять не угодили начальству. И милиция получила дополнительную инструкцию: этих поющих, то бишь хулиганствующих и пьяных, татар призвать к порядку, сажать на пятнадцать суток. Тем более, что всем известно, недалеко от «Поля народных игр» есть маленькое кафе, прозванное русскими «трактиром для татар», куда эти «плясуны» частенько заглядывают. Действительно, между делом кое-кто туда заглядывал и маленечко «керосиновался». Но не настолько, чтобы стать пьяным. И о хулиганствах и драках ничего не слышно. Этим больше отличаются соплеменники охранников порядка: разольют на троих одну посудину и пошла карусель: «Ты меня уважаешь?» Милиционеры в недоумении: «Эти же чаплашки тоже пьют, а почему пьяных нет?» Плохо еще разбираются они в психологии человека. Ведь пьянеет человек от скопившейся в нем злобы да обиды на всех и вся. И от безнадежности. А у собравшихся на «Поле народных игр» в результате общения укрепляется вера в жизнь. Они становятся добрыми, отзывчивыми. На лицах пылают улыбки. К чему же придраться? Милиции тут нет дела, она становится бессильной.

4

Однако выход все-таки нашли.

Как только на «Поле народных игр» собирутся татары, тотчас на соседней площадке появляется военный духовой оркестр. Этот оркестр, как ни странно, состоял только из больших труб и барабана. Солдат — человек подневольный, что ему прикажут, то он и выполняет. Вот и солдаты-музыканты выполняли приказания своих командиров. И потом, почему бы не подуть в эти большие медные игрушки, все равно ведь лучше, чем целый день изнывать в тесной казарме. А тут все-таки на природе, на свежем воздухе. Да и вознаграждение бывает стоящее — почти как перед атакой в Великой Отечественной.

И вот новоявленные музыканты начинают дуть от всей души в свои горластые трубы. Никакой стройной мелодии, конечно же, нет. Да и не это требуется от них. У оркестра одна задача: «Перекричать религиозных фанатиков, которые что-то замышляют на соседней поляне». Все, наверное, помнят о тех знаменитых глушителях, шумящих круглые сутки и предназначенных затушевывать звучание в эфире разных там «Голосов Америки» и «Свобод». У этих солдат была точно такая же миссия по отношению к собиравшимся в парке «кучкам» татар. Собирутся, и только запоют,— «Бах! Бах!» — и началось. Отойдут чуть дальше от этого шума, заиграют на гармонике свою любимую, опять: «Бах! Бах!» Оказывается, и те перешли поближе. Так и кочевали друг за другом, пока...

Да, вскоре этому самодеятельному оркестру нашли замену. Появился настоящий оркестр с истинными музыкантами. Над поляной зазвучали танцевальные мелодии — вальс, фокстрот, танго. А молодежи только это и нужно. Шло время, менялись танцы на более модные и современные. Не обращая внимания на то, что оркестр выполняет роль «глушилки», и с той поляны потянулась молодежь к танцам.

За татарами, собирающимися в Измайловском парке, конечно же, велась постоянная слежка. Об этом, по-видимому, позаботились в высших сферах власти, в том числе идеологических. В моем архиве имеется статья, посвященная как раз этой проблеме. Называется она «Ислам и политика». Автором является Игорь Беляев, в то время политический обозреватель «Литературной газеты», где и опубликована эта статья (1987, 20 мая).

Игорь Беляев — зять Чебрикова, занимавшего в то время главное кресло на Лубянке, унаследованное от Берии, и близкий друг Примакова, предводителя нынешних российских шпионов. В статье он ведет речь о том, что ислам является самой грозной объединяющей силой всех врагов Советского Союза. По словам Беляева, эта религия угрожает устоям коммунистической идеологии, и именно ислам является главной опорой афганских «душманов», препятствующих выполнению «интернационального долга».

Полностью цитирую небольшой абзац: «В Москве тоже живут верующие мусульмане. И они довольно регулярно собираются в парке Измайлово. Тоже для обсуждения исламских проблем...» Таким образом, автор проводит мысль, что де в парке Измайлово татары собираются и обсуждают исламские проблемы в знак солидарности с афганскими «душманами». И это выходит из уст зятя тогдашнего руководителя КГБ, органа «всевидящего, всезнающего».

Из этого явствует, что была слежка. И что татары, собирающиеся вместе, чтобы попеть и поговорить по душам на родном языке, старающиеся таким образом сохранить свои исконные обычаи, в том числе и влияние религии, доставшейся им от отцов и дедов, настораживали кое-кого. В первую очередь, конечно, руководящую верхушку. Лишь одно обстоятельство успокаивало тоталитарную власть: посетителей таких сборищ становилось все меньше и меньше. Имперская национальная политика все больше людей втягивала в свои сети. Новые поколения татар теряли национальные чувства; все больше и больше превращаясь в манкуртов. Этот процесс продолжается и сегодня.

5

В семидесятые годы я увлекался социологией. В частности, и сам занимался такими исследованиями. Тогда в кругу научной интеллигенции была широко распространена теория о том, что, применяя социологические методы,

можно искоренить многие негативные явления, имеющие место в советском образе жизни. В тот период с целью изучения татар. собирающихся в Измайловском парке, я около трех лет проводил социологические опросы.

«Откуда вы узнали, что здесь собираются татары?», «С какой целью вы приходите сюда?», «Что дает вам общение с сородичами?» Эти три вопроса я задавал почти каждому, кто приходил в Измайловский парк. Только при одном посещении опросы проводил на своем, татарском, в другой раз на русском языке. Меня поразило то, что на заданный по-русски вопрос респонденты отвечали совсем иначе, чем на тот же вопрос, заданный по-татарски.

Если убедишь их, что опросом не причинишь зла, на заданные на родном языке вопросы люди отвечали примерно так: «Скучаю по деревне, хочу услышать родную речь, родные мелодии... В деревне тяжело, но там свои. К городу привыкать трудно: чувствуешь себя чужим. Нет, открыто никто не обижает. Но все равно чувствуешь, что к нам относятся как бы иначе, как ко второсортным». «А как те русские, с которыми вместе работаете, не обижают?» — спрашивал я. В большинстве случаев ответ был таким: «Нет, живем мы дружно. Они хорошо к нам относятся, потому что мы стараемся хорошо работать». Встречались, конечно, и те, кто говорил, что русские татар не любят. Иногда было отчетливо видно, что респондент сам не без греха.

Задавая же вопросы на русском языке, я получал совсем иные ответы. В подсознании каждого отвечающего жил необъяснимый, инстинктивный страх: «Я совершаю запрещенные, незаконные действия». Уж давно пора исследовать, куда уходят корни таких страхов. Школьное и армейское воспитание, действия органов власти, их отношение к татарской нации — словом, вся действительность привела нас к убеждению: все, что делается в пользу татар, идет во вред власти и русским. Эти взгляды и убеждения были вызваны к жизни не теми русскими, кто трудится, служит или учится с нами. Они были воспитаны в нас черносотенцами, восседающими на гребне власти, и шовинистами разных мастей, ведущими неустанно, по сути, антинародную пропаганду.

Русские друзья часто меня спрашивают: «Почему вы стремитесь отделиться от России? Что мы плохого вам сделали? Разве мы обижали вас? Мы же к тебе относимся намного лучше, чем к некоторым своим русским». Это действительно так. Я и сам их очень ценю, дорожу их дружбой. Но ведь дело не только в этом. Ведь есть еще стоящие у руля власти бюрократы, которым до нашей дружбы нет никакого дела. Им выгоднее сталкивать нас лбами, представлять татар исконными врагами русских и русской государственности. И перед этой имперской политикой мы, народ, бессильны. Сопротивление бюрократической политике воспринимается как «борьба с властью» и против этой мифической силы ведут настоящую борьбу русские бюрократы, смыкаясь с бюрократами местными. Более того, вести такую борьбу местным, национальным бюрократам доверяют чаще. Мы, масса, народы, истинный смысл такой политики до сих пор плохо понимаем. А жаждущие власти над нами бюрократы обеих мастей это знают. И в светлые души тех, кто приходит на встречи с себе подобными на поляну в парке, на встречу со своей колыбельной песней, исподволь нагнетается страх за сочувствие всему своему родному, национальному. Понять это психологическое состояние очень сложно.

Я жалею сейчас, что не сохранил результаты своих социологических исследований. А ведь за период, пока собирал этот научный материал, я успел расспросить по меньшей мере восемьсот-девятьсот человек. Тогда 15—20 процентов из них отказывались отвечать на вопросы (особенно, если вопрос задавался по-русски). Но отказ респондента отвечать на заданный вопрос — это ведь тоже важный научный факт.

Забросил же свое исследование я потому, что утратил веру и уважение к науке. Действительно, в те предперестроечные годы сан ученого чаще стали присваивать различного рода карьеристам и отставным партократам. Если кто-то не «тянул» на главной, партийной работе, его потихонечку перебрасывали в науку. Конечно же, шли они не в физики, химики или математики, где нужны точные знания. Их привлекали гуманитарные науки или та же социология.

Нынче вот, когда самым престижным и доходным занятием является бизнес, когда ученому платят за труды не больше, чем дворнику, в науке, надеюсь, останутся лишь истинные ученые, такие, как наш Равиль Фахретдинов, Нурихан Фаттах, Дамир Исхаков, Агдас Бурганов.

6

Какова будет дальнейшая судьба Измайловского парка? Будет ли он и впредь выполнять роль татарской Мекки? Ответить на эти вопросы довольно сложно.

Во-первых, число вновь прибывших из татарских сел в Москву резко снизилось. Во-вторых, на смену тем, кто считал Измайловский парк святым местом, пришли их дети, выросшие в Москве и во многих случаях ассимилировавшиеся. В-третьих, Измайловский парк перестал быть единственным местом сбора московских татар. В стольном городе Российского государства сейчас действуют три мечети, где можно хотя бы вдоволь наговориться на родном языке, обсудить насущные национальные проблемы.

Да, в Измайловском парке сейчас собирается совсем иной, чем прежде, народ. У них, в основном, и планы другие, и цели, и перспективы. А те, первенцы, открывшие свою Мекку на лужайке Измайловского парка, большею частью ходят теперь в мечеть, если уж не молиться, то хотя бы попрошайничать у ее паперти. Ведь за свой изнурительный труд чернорабочего немногие из них удостоились обеспеченной старости.

Начиная с конца пятидесятых годов, со времени возникновения феномена Измайловского парка, до конца восьмидесятых никто не претендовал на роль руководителя московской диаспоры татар. Может быть, секрет долговечности такого явления, как Измайловский парк, заключался именно в отсутствии организаторов и руководителей. Были, конечно, в те годы люди, например, профессор Искандер Нигматуллин, Анас Галикеев, которые председательствовали на различных торжественных собраниях, готовили и читали доклады. Но это были исключительные случаи. Ни один из них прямого руководства татарской диаспорой на себя не брал и не стремился к этому.

А вот с конца восьмидесятых, в период перестройки, в Измайловский парк ринулись прагматики, претендующие на роль руководителя национальным движением московских татар. Началась грызня за лидерство. Именно с тех пор неким организациям была предоставлена возможность активно вмешиваться в дела татарской диаспоры. За долгие годы был накоплен довольно большой опыт по борьбе с нежелательными для тоталитарной власти явлениями. И в случае с активистами Измайловского парка был проделан искусный трюк: очернив перед массами истинных лидеров, искренне желающих добра своему народу, на роль руководителей вскоре они предложили свои кандидатуры. А наш народ привык брать то, что предложат, он привык быть вечно обманутым, ему все равно, кому подчиняться. Лишь бы было кому.

Трехсоттысячное татарское население Москвы сегодня раздроблено на мелкие группы, которые враждуют между собой. Их лидеры заняты раздорами друг с другом, а головы простых людей заняты мыслями о том, как выжить в это тяжелое время.

Как обстоят дела других диаспор, живущих в столице империи? Возьмем, к примеру, армянскую диаспору. Армяне, конечно же, заняты делом. В настоящее время кто является главным советником Бориса Ельцина в области политики? Андраник Мигранян. Кто занимает пост министра труда в Российском государстве? Георгий Меликян. А пост министра по экологии? Данилов-Данилян. И первый заместитель министра по экономическим вопросам представитель этой диаспоры — Шаповальянц. Да, всех их не перечесть. На центральном телевидении, во всех центральных газетах, журналах, в науке, в высших учреждениях, занятых международной деятельностью и международной торговлей, — везде они на ответственных и решающих участках работы. А ведь, если подумать, Армения чужая вроде бы страна. Суверенна сегодня.

Татары в Российской Федерации, без учета даже Татарстана, в целом занимают по численности второе, после русских, место. Если вопрос квоты их представительства на всех важнейших участках деятельности государства и в парламенте решался бы справедливо, хотя бы как в Татарстане, например, нашлись бы и люди. Та же татарская среда Москвы, скажем, неспособна что ли к таким делам?

Ответ прост: мы пока в положении рабов. А к управлению государством рабы не допускаются. У нас, татар, действительно, еще сильна рабская психология. И основная обязанность таковых — выполнять то, что прикажут рабовладельцы. И многих из нас вполне устраивает такое положение. Мы не хотим, мы не умеем жить достойно, не подчиняясь. Нас пугает свобода. Мы верим тем, кто все время твердит: «Обретя независимость, вы умрете с голода!» Страшиться всего — это наш образ жизни.

Заканчиваю свою статью с обращением к Академии наук Татарстана: необходимо начать изучение проблем татар, живущих за пределами Татарстана. И привлечь к этому делу самых талантливых исследователей: психологов, экономистов и политологов. Новое время требует организации комплексного исследования быта, духовных и культурных потребностей, особенностей национального самосознания представителей отдельно взятых диаспор. В этом деле мы возлагаем большие надежды на таких ученых, как видный наш этнограф Дамир Исхаков.

По-моему, не вызывает сомнений, что московская диаспора в этом деле должна быть в числе первоочередников, потому как это чрезвычайно сложное, многогранное явление, корни которого идут в глубь веков, вплоть до времени Золотой Орды. А расследование, разгадка тайн в этой области поможет лучше понять проблемы и остальных татарских диаспор сегодня.

Надеюсь также, что в изучении московской диаспоры моих сородичей феномен Измайловского парка займет основное место.

Перевел Булат Хамидуллин

ЭМИГРАЦИЯ — ЭТО НАШЕ НЕСЧАСТЬЕ

Длявер ОСМАН

Крым... Это слово рождает в нашей памяти картины живописных гор и ласкового моря, садов и виноградников, ханский дворец в Бахчисарае, каменную крепость в неприступных горах (Чуфут-Кале). До сих пор в Крыму можно еще увидеть устремленные ввысь минареты полуразрушенных и уже редко где встречающихся мечетей.

Немало тайн хранит эта древняя земля, по которой в разное время проносились полчища поработителей и завоевателей, земля, на которую претендовали разные племена и народы. Для аборигенов Крыма, крымских татар, этот благодатный уголок был одной из главных причин их многих бед. В силу своей уникальной природы, мягкого климата, щедрой земли, наконец, стратегического положения, обеспечивающего выход к Черному морю, Крым был местом, где скрещивались алчные интересы различных государств. Скрытая и нескрытая борьба за владение Крымом велась и ведется до сих пор, до наших дней.

Еще Екатерина II видела в Крыму лучшую жемчужину русской короны. А если говорить о планах завоевания Крыма Московским государством, то строились они задолго до царствования Екатерины II. Об этом свидетельствуют различные исторические источники, в том числе малоизвестный труд под названием «Политика», некоторые главы которого посвящены Крыму и называются «План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем». Этот труд был издан в Петербурге в 1891 г. Автор, Юрий Крижанич, хорватский дворянин, родился в 1617 г. близ Загреба. «Славянский патриот, ревнитель достоинства и чести славянского народа, страстно, горячо ратовавший за освобождение его от всякого ига разных чужеродников при помощи царя Московского, на которого он возлагал все надежды славян» — такова его характеристика. Ю. Крижанич некоторое время жил в России, был близок ко двору царя, и потому его сочинения представляют немаловажный источник для изучения внутренней истории Московского государства во время царствования Алексея Михайловича, а также планов в отношении Крыма. Обратимся к некоторым строкам его сочинения. В главе 51-й «О расширении государства» говорится: «Итак, с нашей стороны (России.— Д. О.) благоразумно будет оставить всякую мысль о возвращении приморских земель и пристаней Варяжского моря, напротив того, настоящее время нам представляется очень удобным для того, чтобы, с божьей помощью, нам распространяться в сторону Черного моря, берега и пристани которого еще более удобны, чем балтийские берега. Да и крымские татары вот уже более 400 лет живут в великом счастье, беспрестанно обижая всех соседей» (с. 113—116).

Как видно, цель экспансии была ясно обозначена, советники строили, пока, правда, только на бумаге, свои планы расширения Российского государства за счет захвата чужих земель. Благодатные земли Крыма становились объектом целенаправленной и долговременной политики, которая в конце концов должна была обеспечить их захват или, как пишут некоторые историки, «присоединение». Ю. Крижанич сообщает: «Сама крымская страна украшена и обогащена многими дарами божьими: не говорю про хлеб, вино, масло, мед и разные фрукты, коих множество вывозится оттуда в Царьград; напомню лучше, что там плодятся кони очень пригодные к военному делу, каких на Руси большой недостаток, там же находятся мраморная руда, разные камни и деревья, пригодные для постройки государевых палат и городов... Да! Невозможно ни сказать, ни описать насколько Перекопская область счастливее русских стран».

Автор проекта захвата, как видим, пристально изучал политическую и экономическую самостоятельность существовавших в ту пору татарских государств. Он идет дальше этого, подробно рассматривает способы борьбы с ними. По его мнению, нельзя сидеть и ждать, когда придут татары, необходимо самим идти на них.

«Царь Иван Васильевич, когда сделал поиск над ними и наехал их в местах жительства их, то отнял у них Казань, Астрахань, Сибирь, также и турецкий султан отнял Кафу и иные татарские города при море». Ю. Крижанич советует государю: «...мы сами должны чинить поиск над ними в

собственной их земле, разорить их селения, захватить их жен и детей, чтобы они не могли больше плодиться».

Дальше — больше: «... покоривши же землю, если желаем сполна и прочно владеть ею, мы должны будем дать свободу жительства в приморских и наиболее важных городах только русским, полякам да славянам вообще».

Крымское ханство, управляемое в ту пору династией Гиреев, игравшее немаловажную роль в мировой политике и оставившее свой след в истории, постепенно попадало в сферу интересов Российского государства. Как видно, в недрах его созревали и вынашивались секретные планы с далеко идущими целями.

«...Всякими мерами, милостивый царь, настой, чтобы сохранить вечный мир с народами северными, западными и восточными, т. е. с ляхами, литовцами, шведами, бухарцами, китайцами, даурами, богдаями, калмыками и с прочими, не занимай своих воинских сил войною с этими народами, а обрати все эти силы на добывание Перекопской области. Но да будет сия дума тайною, и никому из советников, разве самому доверенному, неизвестною до надлежащего времени».

Таковы рекомендации Ю. Крижанича. Его труд, не лишенный отчасти и эмоциональных перехлестов, тем не менее, свидетельствует, что курс на захват Крыма приобретал все большее значение для России. Стремление овладеть Крымом, портами на Черноморском побережье, стремление расширить южные границы России неизбежно должно было вступить в противоречие с интересами Крымского ханства и Турции. Между двумя государствами завязывается и на протяжении долгих лет ведется дипломатическая переписка, обмен посланниками, что, впрочем, не мешало совершать им набеги друг на друга. В состав Крымского ханства, кроме Крымского полуострова, тогда входили Приднепровье, Приазовские земли и Прикубанье. Из истории нам больше известно о набегах Крымского ханства, но в это же время и Россия предпринимала не менее опустошительные набеги на своего противника и вторгалась в его пределы.

В 1556—59 гг. при Иване Грозном было предпринято несколько военных походов против Крымского ханства. Так, отряды Данилы Адашева численностью в 8 тыс. человек, высадившись у берегов Крыма, в течение некоторого времени совершали рейды по полуострову. При поддержке русского правительства Крым все чаще становился объектом вторжения запорожских казаков. Исторические источники засвидетельствовали такие набеги казаков, когда горели степь, посевы, угонялись стада крупного рогатого скота. В 1687 и в 1689 годах русская армия под командованием князя Голицына предпринимает наступление на Крым, но оба похода окончились неудачей. С приходом на царский престол Петра I с новой силой возобновились притязания русского государства на Крым. «России нужна вода»,— заявил Петр I. В 1695, 1696 гг. было совершено два похода на Азов и Перекопское направление. До самой смерти Петр I не оставлял мысли о приобретении Черноморского побережья и выхода к Черному морю. К этому времени уже пали Казанское, Астраханское, Сибирское ханства, лишь Крымское еще сохраняло свою относительную самостоятельность и боролось за свое существование. Россия же упорно стремилась расширить свои границы.

Покорение Крыма совершилось в несколько решительных приемов. В 1736 году войско графа Миниха прогнало 100-тысячную армию во главе с ханом Каплан Гиреем с Перекопа. Оно углубилось в Крым, разрушило основные города (в том числе Бахчисарай, который был превращен в руины), а степи опустели. В 1737 году фельдмаршал Ласси, переправившись через Сиваш, перебил войско Менгли Гирея, опустошил города и разорил степи. Им было уничтожено и сожжено около 1000 деревень, уцелевших от Миниха. В 1738 году тот же Ласси совершил новый поход, но Крым был разграблен и войско не могло найти себе пропитания, вследствие чего поход был невозможен. В 1771 г. князь В. Долгорукий завоевал и разорил населенные пункты Перекоп, Арабат, Кафу, Керчь, Еникале, Балаклаву, Евпаторию, Тамань.

Ханом был назначен Шагин Гирей, но татары выбирают своим ханом Селим Гирея, а Шагин Гирею пришлось бежать.

«Из Керчи идет русское войско убеждать потомков Чингиса в достоинствах цивилизованного хана (Шагин Гирея.— Д. О.). 7000 татар изрублены близ Бахчисарая. Бахчисарай и Кафа опять взяты, опять сожжены» (Е. Марков. Очерки Крыма. 1883 г., с. 301).

В XVIII в. между Россией и Турцией не прекращается упорная борьба за Крым. Усилившаяся Россия все больше теснила султанскую Турцию. В 1774 году был заключен Кучук-Кайнарджийский мир, по которому Крымское ханство было объявлено независимым от Турции государством.

В 1778 г. последовала акция по переселению большой части Крымского христианского населения в Приазовье, на земли между Бердянском и Доном. Инициатива эта исходила от русского правительства, а исполнителем был назначен один из покорителей Крыма, главнокомандующий русскими войсками генерал-поручик А. В. Суворов. Наиболее часто упоминаемой причиной переселения была: «защита» христиан от притеснения со стороны татар и турок. Но нельзя было не видеть, что эта мера носила еще и характер экономического подрыва ханства. Ведь греки, армяне и другое христианское население, в числе которых было много искусных ремесленников и торговцев, своими налогами приносили доход ханской казне.

Крым покинуло в общей сложности 31386 христиан (Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции, донесения. Т. 2, с. 711). В одном из писем князя Г. А. Потемкина советнику С. А. Лашкареву, находившемуся в Крыму, сообщается: «... Я вам в сокровенной тайне имею заявить, что область татарская вскоре присоединится к России» (Г. А. Кесельбренер. Хроника одной дипломатической карьеры, с. 105).

8 апреля 1783 г. Екатерина II издает манифест, по которому Крымский полуостров, Тамань и Кубань «присоединились» к России. А через год, 16 мая 1784 года, последний крымский хан Шагин Гирей по настоянию Екатерины II выехал из Тамани во внутренние области России, в Таганрог, а затем в Калугу. Ему была назначена пенсия в 200 тыс. рублей. Не пожелав остаться в Калуге, хан выехал в Турцию, где по приказу султана был сослан на остров Родос и в 1787 году удавлен. Таким образом было ликвидировано Крымское ханство. Государство крымских татар перестало существовать. С этого момента тысячи татар продают за бесценок свое имущество, хозяйство, земли, скот и эмигрируют в Турцию и Румынию. «Крымский судья Сумароков, бывший в Крыму в 1802 году, считает число переселившихся до 300000 и уверяет, что переселение было сделано по воле Потемкина» (Е. Марков. Очерки Крыма, с. 302).

Причины этой эмиграции до сих пор остаются малоизученными, но несомненно, что царское правительство не препятствовало исходу крымских татар, а способствовало ему, связывало с этим свои давние надежды на заселение края русскими и украинскими крестьянами. Оно стало спешно раздавать освободившиеся земли пришельцам из внутренних областей России, своим чиновникам, офицерам и высоким сановникам. По сведениям Ф. Ф. Лишкова, в Крыму было роздано лицам разного звания более 350 тысяч десятин земли. А всего в Таврической области (Крым, Тамань и земли к северу от Перекопа) до 1796 г. было роздано новым владельцам не менее 695 тысяч десятин земли. Но и те татары, которые оставались в Крыму, вдруг узнавали, что их земли, принадлежавшие им по наследству, становились собственностью новоявленных хозяев — вместе со всем, что находилось на них.

«Как бы то ни было, татарин... не может забыть, что он жил в этих местах и владел этими степями и долинами сотни лет, никем не стесняемый и не оспариваемый, не может забыть, что вдруг пришел к нему казак, прогнал его хана, забрал его земли и сады, понастроил в его городах и селах церкви. Вы ему докажете судом и законом, что владеете по суду и закону, а он чувствует своею шкурою и своею злобою, что вы его ограбили. Вы ли, ваш ли отец, ваш ли сосед — он не разбирает. Вы, т. е. казак, русский: вы для него все безразличны — т. е. все грабители» (Е. Марков. Очерки Крыма, с. 286). Обезземеливание татар приняло большой размах, соответственно этому увеличивался и поток эмиграции. Татарам приходилось доказывать свои права на собственность в русском суде, на русском языке, против русских чиновников, которые пользовались незнанием татарами русского языка.

Из истории известно, что целые татарские деревни, отказывая в новых владениях русским помещикам, вели в судах тяжбу с ними.

Эмиграция принимала угрожающий характер для некогда цветущего края. Пустели деревни, дичали сады и виноградники, приходило в упадок все хозяйство. В этих условиях русское правительство приглашает в Крым иностранных колонистов: немцев, эстонцев, болгар, чехов и др. Таким образом, этническая ситуация в Крыму менялась не в пользу татар.

В 1812 году выселяется из Крыма значительная часть татар, об этом выселении сохранились лишь изустные предания. Еще большие масштабы эмиграция принимает после Крымской войны 1853—56 гг. «По официальным данным, татарам и ногайцам Таврической губернии в течение 1860—62 гг. было выдано 29098 паспортов и удостоверений на 192360 душ обоего пола» (Статистический справочник Таврической губернии. Составитель Р. Н. Анориевский. Ч. 1. Симферополь, 1915 г., с. 20). Кроме этого, часть татар считала вовсе не обязательным обращаться к властям за разрешением для переселения, и эта часть, естественно, не попадала в статистические отчеты. После Крымской кампании татар обвинили в пособничестве неприятельским войскам и всячески издевались над мирным населением. «Казачьи патрули,— говорится в записке Лашкарева,— разъезжая по губернии, беспрестанно захватывали татар под предлогом их намерения перейти к неприятелю и заставляли откупаться или представляли как изменников. Едва зажиточный татарин выходил из деревни, хотя бы за водой, его караулил казак и брал на аркан, требуя от 10 до 50 р. с. и более, смотря по состоянию, под угрозою в противном случае представить как перебежчика. Кто не мог, или уверенный в своей невиновности, надеялся, что она будет уважена свыше,— предавался высшему начальству, которое, не имея возможности и времени разбирать дело, а склонное скорее предполагать в инсверце действительно изменника, отправляло без разбора за пределы Крыма. Таким образом, по настоящее время, множество татар находится в губерниях Орловской, Курской, Полтавской, Екатеринославской и Херсонской» («Колокол», 22 декабря 1861 г., лист 117. А. И. Герцен).

Завладев Крымом, Екатерина II выселила на Урал и в Сибирь около миллиона ногайцев, где эти кочевники степей были обречены на вымирание.

В итоге татарской эмиграции в Крыму частично или полностью, по данным Е. Маркова, опустело 784 деревни. Те татары, которые убедились в том, что Турция не была готова их принять, предпринимали шаги к возвращению в Крым, но они не допускались туда, а по повелению «его высочества» отправлялись вглубь российских губерний, где они либо погибали в непревычных условиях, либо были обречены на медленное исчезновение.

Колонизация Крыма, массовое расхищение земли, вели к упадку хозяйства и обнищанию татар. Политика царской России была направлена не только на экономическую эксплуатацию края, но и на духовную и культурную деградацию местного населения. С самого начала был взят курс на русификацию приобретенных земель. Задача по вытеснению татар со своих земель успешно претворялась в жизнь, заселение края нетатарами усиленно стимулировалось. Пришлое население в численном отношении уже имело тенденцию к доминированию над туземным.

В целях русификации в школах вводилось изучение русского языка, татарские мэктебы закрывались, а татарских детей насильственно заставляли посещать русские классы. Из этих детей в дальнейшем планировалось вырастить кадры миссионеров, которые должны были стать орудием русификации. Так, экономист и известный идеолог начала XVIII в. И. Г. Посошков писал: «А буде кой отрок и отроковица до десяти лет русского языка совершенно не научится, и тех детей у них (у нерусских родителей) отнимать и отдавать всякого чина людям русским в вечную работу. И таково ради положения все будут детей своих учить по руску говорить, а детей уча, мало-помалу и сами научатся русскому языку. А егда те дети возмужают, то можно запретить, чтобы отнюдь, ни старый, ни малый, кроме русского языка и между собою отнюдь не говорили» (Посошков И. Г. Завещание отеческое. СПБ, 1893, с. 342—345).

И это несмотря на то, что татары издавна высоко ценили образование и во многих своих деревнях имели мектебы, где обучались их дети. Содержались эти мектебы на средства самих жителей и никаких пособий из казны не получали. Кроме того, была развитая сеть татарских училищ и медресе. Вследствие ухода крымских татар многие учебные заведения были закрыты. Но даже в этот период упадка состояние образования среди крымских татар было высоким.

В 1867 г. в Крыму находилось 154 татарских училища, из них 131 мектеб и 23 медресе. Училось в них 5081 человек (901 девочка и 4180 мальчиков). В 1867 г. соотношение школ и учеников было такое:

Татары	Русские
1 школа на 649,3 человек	1 школа на 2747 человек
1 ученик на 27,9 человек	1 ученик на 66,1 человек

Татары, составляя 17,85 процента всего населения Крыма, составляли 23 процента всех школьников. У русских эти показатели были соответственно 62,5 процента и 28,5 процента (Азаде Айше Рорлих. Одна или больше татарских наций. Кельн, 1989). Эти цифры говорят сами за себя, и можно судить по ним о степени «прогрессивности» приобщения татар к благам российской цивилизации.

«...Татары и до нас ценили образование, развили его у себя в Крыму гораздо более, чем мы развили свое собственное образование в России, они жертвуют на него нешуточные средства, они опередили нас в сознании общей обязательности образования. Мы, русские, овладев Крымом, не научили татарина ничему своему европейскому, мы только стеснили количественные размеры его собственного прежнего образования, сократив вместе с сокращением населения число татарских школ» (Е. Марков. Очерки Крыма, с. 306).

Вместе с экономическим притеснением, обезземеливанием крымских татар, введением обучения на русском языке царское правительство пыталось проводить и политику христианизации крымских татар, т. е. КРЕЩЕНИЯ. Такая политика велась на территории всей царской России, среди других нерусских народов. Результаты ее были не везде одинаковы. Так, часть казанских татар вынужденно приняла православие, но среди крымских татар таких фактов совершенно неизвестно. Хотя известно другое: за счет налогов с крымских татар в Крыму строились православные церкви и прославлялась христианская религия.

Лицемерные заявления Потемкина в «Записке о присоединении Крыма к России» о разрешении татарам остаться в прежних своих жилищах были рассчитаны не на оставление, а на уход татар из Крыма («...а прочим дать на волю выехать вон из Крыма и переселиться куда, кто пожелает»). Массовый выход татар из Крыма, эмиграция их в Турцию продолжалась. К началу XIX века в Крыму оставалось не более 25 процентов татарского населения. «Кто здесь живет? Целые кварталы заселены греками, армянами, русскими и евреями. Это пришлое население, водворенное в Симферополе на место выселившихся крымских татар, здесь же обосновались и проводники царского гнета — полицейские и чиновники. Уже в 1803 году коренное татарское население в городе составляло менее 40 процентов к общему числу жителей. Позднее татары были вытеснены совершенно из своих мест, и если одни эмигрировали (большинство), то другие принуждены были селиться в новом районе» (Б. Баранов. Крым. Путеводитель. 1935, с. 7). Основная масса крымских татар эмигрировала в Турцию, часть в Болгарию и Румынию. Татары оставляли Крым, впереди их ждала неизвестность и жестокая борьба за выживание. Россия добилась своего, освободив большую часть Крыма от его аборигенов — крымских татар. После революции 1917 г., в годы коллективизации, Крым покинуло еще около 30—40 тысяч татар. Прокатившиеся по стране репрессии и террор 1937—38 гг. особенно ощутимо нанесли удар по небольшим по численности народам. У крымских татар была уничтожена большая группа интеллигенции, представители литературы, искусства, государственные деятели. Вероятно, и в это смутное время продолжался исход татар за рубеж. Окончательно лозунг «Крым — без крымских татар» был «претворен в жизнь» 18 мая 1944 года...

КРЫМСКО-ТАТАРСКАЯ ШКОЛА

Историческая справка

Истоки крымско-татарской национальной школы восходят к первым векам нашего тысячелетия. Дореволюционные источники указывают на существование в Крыму духовных училищ, в которых преподавались науки. В стенах одного из них — Солхатского — «изучили Коран, а в связи с этим арабский язык; занимались законоведением, представляющим собой дальнейшее развитие моральных предписаний Корана; изучили риторику, логику, философию арифметику и астрономию...». Подобных высших заведений было немало, в том числе «Занджирли медресе» в Бахчисарае (основано в XV в.), Гезлевское медресе в Евпатории (основано в XVI в.) и другие, являющиеся университетами (в средневековом разумении этого слова).

Алупка. Крымско-татарские дети. 19 век.

Довольно широко было распространено и общее начально-среднее образование, осуществлявшееся в стенах мектебов — школах, которые содержались за счет населения. Обучение в мектебах было обязательным для всех детей от 6 до 15 лет.

В 60-х гг. прошлого столетия, когда под давлением царского самодержавия татары десятками тысяч вынуждены были покидать свою Родину, в Крыму насчитывалось 154 учебных заведения (23 медресе и 131 мектебов), в которых обучались 5081 учащийся (4180 мальчиков и 901 девочка). Делались и определенные, правда, весьма робкие, шаги в области создания государственных учебных заведений для коренного населения (в медресе и мектебах обучение государством не финансировалось). Так, в 1809 г. в Симферопольском духовном училище началось преподавание турецкого языка, а в следующем году открылось татарское отделение, в котором положено было преподавать языки турецкий, татарский, арабский. В последующие годы крымско-татарский язык преподавался в училищах Ногайска, Перекопа (ныне село Перекоп), Феодосии, Бахчисарая и Карасувбазара, но почти все учащиеся разбегались, не доучиваясь до конца. Не давали заметных результатов и попытки создать учебное заведение для подготовки учителей. Вот почему образование крымских татар осуществлялось главным образом в национальных учебных заведениях, обучение в которых последовательно улучшалось. В частности, к 1917 г. насчитывалось 360 мектебов с охватом 11 тыс. детей.

Значительную роль в деле коренной реформы мусульманского образования (причем не только в Крыму) сыграл Исмаил Гаспринский, создатель нового звукового метода обучения. Этот метод получил распространение далеко за пределами Крыма.

Благоприятные условия для дальнейшего улучшения образования крымско-татарского населения были созданы после 1917 г. уже в первые годы существования Крымской АССР. «Было открыто 343 школы первой ступени и 12 школ второй ступени, где преподавание велось на татарском языке; созданы специальные татарские техникумы (педагогические, медицинский, сельскохозяйственный, художественно-промысловый и другие). Татарская молодежь посылалась на учебу на рабфаки и в ВУЗы. Крымским татарам были предоставлены значительные привилегии по сравнению с другими национальностями, проживающими в Крыму. Их язык, наряду с русским, стал государственным. Ассигнования на культурную работу для татарского населения всегда были пропорционально больше».

Следует отметить, что, как и в дореволюционное время, в Крымской АССР существовала система образования на языках других народов, населявших полуостров: немецком, армянском, болгарском, эстонском, крымчакском, еврейском, украинском. Так, в 1936 г. на территории Крымской АССР насчитывалось национальных школ (кроме русских): 386 крымско-татарских, 119 немецких, 53 еврейских, 21 греческая, 16 армянских, 12 болгарских. Следует добавить, что на крымско-татарском языке велось обучение и в некоторых школах Донецкой области, где с конца XVIII в. проживали высланные из Крыма греко-татары.

В 1940/41 учебном году в Крыму было всего 191529 учащихся, в том числе 46008 крымских татар, из которых 40136 человек обучались на родном языке.

Крымские татары имели возможность получить образование на родном языке и в высших и средних специальных учебных заведениях. В частности, на языке основного коренного населения полуострова велось обучение на отделении крымско-татарского языка и литературы Крымского педагогического института, а также на отделениях и в группах других ВУЗов республики: медицинского и сельскохозяйственного. На этом языке велось обучение также в педагогическом училище в Мариуполе, готовящем учителей для школ с преподаванием на крымско-татарском языке. Так, на 15 сентября 1935 г. в ВУЗах Крымской АССР обучалось 3007 человек, из них 827 крымских татар; в техникуме — 5367, в том числе 1089 крымских татар; на рабфаках — 3175, из них крымских татар — 427.

Научно-методическим обеспечением образования крымских татар на родном языке занимался Крымский научно-исследовательский институт национального строительства Наркомпроса Крымской АССР (затем — научно-исследовательский институт языка и литературы им. А. С. Пушкина). За годы существования Крымской АССР были написаны десятки учебников и учебных пособий для крымско-татарских и других национальных школ.

После 18 мая 1944 года крымско-татарская национальная школа была ликвидирована.

Крымские татары, пережив пятьдесят трагических лет, фашистскую оккупацию и насильственное выселение из родных мест, почти полностью утратили свою богатейшую куль-

туру. Все остальные вопросы бытия вдруг оказались не столь существенными — надо было выживать! Поставленные в исключительно тяжелые условия, крымские татары были вынуждены заново создавать для себя на чужой земле жилища, хозяйство, быт. Ни о каком обучении детей родному языку не могло быть и речи, так как долгие годы на нем стояло клеймо «языка народа-предателя». Дети безропотно учились в школах с русским, узбекским, казахским, киргизским и другими языками обучения, лишь отдельные допускались в средние специальные и высшие учебные заведения.

Даже наступившая в стране «оттепель» мало что изменила в жизни крымских татар. Крымско-татарским писателям, деятелям искусства запрещалось в своем творчестве даже упоминать слова Крым, Черное море, старые названия городов и деревень. Само существование крымско-татарского языка (несмотря на то, что на нем уже издавались в Ташкенте книги и газета) стало подвергаться сомнению. В школах, а их было всего несколько, занятия на крымско-татарском языке проводились факультативно. Единственный факультет крымско-татарского языка и литературы Ташкентского педагогического института, открытие которого было восторженно и с большой надеждой встречено народом в 70-х годах, со временем перестал привлекать татарскую молодежь из-за отсутствия перспективы преподавания на родном языке.

Во второй половине 1987/88 учебного года в школах Крыма впервые после войны было введено факультативное изучение крымско-татарского языка, сначала в 3-х школах Симферопольского района: Добринской, Мазанской и Денисовской. Летом 1988 года при Областном институте усовершенствования учителей был организован недельный семинар учителей крымско-татарского языка, которым в 1988/89 уч. году предстояло факультативно вести крымско-татарский язык. На семинаре обучалось 13 человек.

Постепенно, по мере возвращения крымско-татарского народа на Родину в Крым, количество школ, где начали изучать крымско-татарский язык, увеличилось.

В данное время в школах Крыма учатся более 31 тыс. детей крымско-татарской национальности. Более 25 тыс. из них изучают родной язык. Функционируют 15 национальных классов, в которых обучаются на родном языке 281 ученик.

Несмотря на трудности, связанные с отсутствием кадров, учебников, опыта работы, с неустроенностью как самих учащихся, так и учителей, тяга к родному языку не ослабела. Сегодня более 400 учителей ведут уроки родного крымско-татарского языка.

Ежегодно при Областном институте усовершенствования учителей, а с января 1992 года при КРИПК, проходят курсы учителей крымско-татарского языка, воспитателей детских садов, работающих в национальных группах (в Крыму функционируют 35 крымско-татарских групп, в которых воспитываются 750 детей), и учителей национальных начальных классов.

Заложенные Верховным Советом Крыма в программу «Первоочередных мер по возвращению крымских татар» 3-х месячные курсы учителей крымско-татарского языка были проведены летом 1992 года.

Министерство просвещения Украины в 1988—90 годах выпустило учебники крымско-татарского языка для факультативного изучения в 7—8 классах, а также букварь («Элифбе»). Издано более 15 наименований учебников и учебных пособий на крымско-татарском языке.

При издательстве «Таврия» в г. Симферополе открыта редакция учебных пособий на крымско-татарском языке.

Симферопольский университет в 1989/90 уч. году впервые после войны произвел прием студентов на крымско-татарское отделение (очное и заочное).

Решением Верховного Совета Крыма студенты крымско-татарской национальности Ташкентского пединститута переведены в Симферопольский университет.

С 1992/93 уч. года в Симферополе создано педагогическое училище, где открылись 3 национальные группы. Одна группа — воспитатели национальных крымско-татарских групп в детских садах; две группы — учителя начальных классов (в том числе и национальных).

Бекир ЧОБАН-ЗАДЕ

Бир изин беринъиз!...

Бир изин беринъиз, джуртума къайтайым,
Джуртума къайткъан сонъ дердимни айтайым!..
Батыдан келейим къанатым ачып,
Сувугъан джурекке атешлер сачып!..

Не мырза бар союмда, айтувлы бир бай,
Бабам бир чобан, анам «Зайдабай»!,,
Бир изин беринъиз, бакъырып кирейим,
Къырымда, Кашгъарда окюрип джурейим...

Бир боран ясайым тынч татар челюнде
Баланынъ, чагъанынъ къайгъчысыз гонълюнде...
Бир изин беринъиз, туйдурмай барайым,
Сарайлар ичине азгъана къарайым!..

Бетлери къырмызы, моюны къалын.
Байларгъа айтайым, не сакълай ярын;
Олюмнинъ тюсидай болур тюслери,
Бурюшюр, мугъайыр о майлы юзьлери...

Бир изин беринъиз, о козю джашлы,
Джуреги сувугъан, бичимсиз башлы
Койлюге айтайым озюнинъ тилинден;
Къопарып берийим бильгининъ гулюнден!..

Нурланыр шиндиги къарувсыз козю
Бир арслан кесилир, ярлыкътыр сезю!
Бир изин беринъиз, бакъырып кирейим,
Къырымда, къашгъарда «джуртум!» деп джурейим!..

Будапешт, 1919 г., февраль 10.

Длявер ОСМАН

Я вырос, мама, видишь, повзрослел.
В чужих краях, увы, ты знаешь
О радостях и думать я не смел,
А ты все таешь на глазах, все таешь.
Постылые тиранов времена
Не внемлют мне и смотрят, злобно, мерзко,—
Сия поэтам доля суждена,
И смею я с судьбой сражаться дерзко.
Не сбила жизнь меня с пути, о нет.
И мне немало лет, ты знаешь, мама.
Науськивали — был немил весь свет,—
Не пал я на колени, вот в чем драма.
И головы я не склонил, о нет.
Пускай и след могильный не тревожит.
Но песен моих горьких чистый след
Останется на свете — все быть может.

Амди ГИРАЙБАЙ

Тувгъан тилиме

Эй тувгъан тиль, эй матур тиль,
эткем-энкемнинъ тили.
Дюньяда коп нерсе булдым
Сен, матур тиль, аркъалы...

А. Токъай.

Эй, джанықъ сезлермен толы, озь тувгъаным, озъ тилим,
Дертимнинъ, къальбимнинъ къулы, озь тувгъаным, озъ тилим.
Сенмен тувдым, сенмен осьтим, сенмен кирсем мезаргьа,
Сен яздырдынъ, сен джоштырдынъ, къойдынъ мени бу заргьа.

Юз отуз джыл джат къолунда къуллыкъ эттим, ынъладым.
Ынъладым да, джырладым да, джырларынъны дынъладым.
Сенмен дертлеримни яздым, кябеме джол изледим,
Сенмен оръген сырларымны мен къальбимде гизледим.

Тувгъан куню эбанайым мени къолга алгъанда,
«Козь айдын!» — деп, бабайыма, джель бешикке салгъанда.
«Ат минерми?!» деген бир сез эшиттим мен бабадан,
Тапмадым бир тильде бир сез «ат минер» ден абадан.

Мен бешикте юкълагъанда, сескенип къамшангъанда,
Гогерджиндайын гурюльдеп, эммеге тамшангьанда.
«Балам, балам, бал татыр!» — деп, сюе эди анайым,
«Къызчыкъларны алдатыр! — деп, келе эди абайым.

Къазакъ мени салдат алып чет дюньягъа аткъанда,
Бир озюмни бир къач юз бинъ ябанджыгъа къаткъанда:
Джошып, джылап джат оджакъта джырларымны джырладым,
«Джар!» сезюнъмен нышанлыма мектюплерни сырладым.

Козъге алып динсиз мени бастырыкъкъа салгъанда
Къарындашым, чынъ дефтерим эвимизде къалгъанда.
Сезлеринъмен мен къальптен чынълар ясап яшадым,
Эр бейитни гонъюлиме бир чечектай ашладым.

Сыртнынъ ити мени хорлап озъ есири эткенде,
Озь джуртымдан айырылып узакълargьа кеткенде.
«Айгиди озъ койим меним, Сувбашы Найман» — дедим.
«Сенинъ козюнъ торлангъанда, мен де джылайман» — дедим.

Деликъанла джаш чагъымда тойдан-тойгъа джюргенде,
Мыйыкъ бурып, перчем тарап «къыз эви» не киргенде.
Сезлеринъмен къурап, сайрап чынъ уйдырып чынъладым,
«Айланайым тилинъден!» — деп, къыз джебавын дынъладым.

Шу бейитлер синъип къалды тамарыма, къаныма...
Омюриме омюр къошты, джан джалгъады джаныма.
Турасынъ сен, эй тувгъан тиль, Чолпанымдай джалтырап,
Озь тилимде шиир язсам, джылай джюрек къалтырап.

Сен тургъанда токътамайджакъ козьлеримникъ яшлары,
Козь айдынгъа баш котерди эски мезар ташлары.
Джырласам бир монъ джырынъны, джюрегим къайнап таша,
Эй, тувгъан тиль, эй, ана тиль! Бинъ яша, юз бинъ яша!

1921 с.

Тугра принца Керим-Гирея (1650 г.).

ТУГРЫ — ГЕРБЫ КРЫМСКОГО ХАНСКОГО ДВОРА

Сагит ФАИЗ,
кандидат исторических наук

Тугры крымских ханов и принцев остаются до сего времени малоизвестным геральдическим и художественным феноменом, хотя они употреблялись канцеляриями первых лиц Крыма в течение двух с лишним столетий. Профессор Миркасыйм Усманов относит их возникновение к середине XVI столетия, ко времени пребывания на престоле Крымского ханства Сахиб-Гирея, правившего до того и в Казани. С тех пор тугры удостоверяли и украшали грамоты ханов и принцев вплоть до присоединения Крыма к России в 1783 г. При последнем хане Шагин-Гирее тугра перекочевала на монеты, что лишний раз подтвердило ее гербовое значение.

Самая большая коллекция тугровых грамот (более 170) хранится в Российском государственном архиве древних актов, находящемся в Москве. Такие грамоты имеются также в архивах Австрии, Венгрии, Дании, Польши, Украины, Швеции и некоторых других стран, с которыми Крымское ханство поддерживало дипломатические отношения.

Тугры Крыма интересны для нас, с одной стороны, как замечательное наследие средневекового парадно-канцелярского делопроизводства, с другой — как яркие образцы крымско-татарского графического искусства. Практика заверки и украшения грамот посредством тугр, возникшая отчасти в русле золотоордынских традиций, отчасти под влиянием парадно-канцелярского делопроизводства турецкого султана, постепенно приобрела в Бахчисарае устойчивые самобытные формы, сложилась как самостоятельная, чрезвычайно выразительная ветвь крымско-татарского национального искусства. Тугры и связанные с ними великолепные орнаменты крымских грамот — по сути, единственный массовый памятник крымского искусства XVI—VIII столетий, сохранившийся до наших дней. Так же как и поэзия Ашыка Умера, ансамбли зданий медресе и ханского дворца в Бахчисарае, немногочисленные нынче мечети Крыма, тугры свидетельствуют о высокой художественной культуре крымско-татарского народа в средние века и начале нового времени. Взглянем на них поближе.

В огромной семье геральдических знаков тугра имеет ту уникальную особенность, что соединяет в себе качества титула и знака. Иначе говоря, словесный ряд тугры одновременно является изобразительным символом, гербом. Лексика тугры лаконична. За именем обладателя тугры следовал его краткий титул («хан», «султан», т. е. принц), нередко сюда прибавляли имя и титул отца обладателя тугры. Например: «Гази-Гирей-хан» (правил в конце XVI — начале XVII столетия, известен как поэт и большой поклонник музыки), «Ислам-Гирей-хан, бин Селамет-Гирей-хан» (правил в середине XVII столетия, известен как влиятельный союзник Богдана Хмельницкого в совместной войне за освобождение Укра-

ины из-под власти Речи Посполитой). Завершающим элементом лексического ряда тугры являются формулы «сюзем» («слово мое») и «сюземез» («слово наше»). Первая формула встречается очень редко и только в ранних туграх. У основания вертикалей большинства тугр просматривается запись, близкая по каллиграфии к известной формуле классических османских тугр «музаффар» («победитель»). Не исключено, что хаттаты (каллиграфы) Гиреев вписывали в тугру именно это слово, но переводчики российского Посольского приказа избегали фиксировать его в переводах шертных грамот и посланий из Крыма. Не прочитывал его и наш соотечественник Хусаин Фаизханов, автор-составитель известного сборника документов по истории Крымского ханства, изданного под редакцией В. Вельяминова-Зернова.

Каллиграфическим стержнем крымской тугры является, по всей вероятности, слово «аллах». Близость графического решения знака к каллиграфии заветного для каждого мусульманина слова достаточно очевидна, но давать его транскрипцию не было принято. Ассоциативная связь, генерируемая таким сходством, должна была подсказывать читателю-зрителю, под чьим покровительством находится обладатель тугры. Предположение о присутствии слова «аллах» в каллиграфической основе знака находит лишнее подтверждение в изобразительном решении тугр российских самодержцев (такие тоже были). У них не три вертикали-знамени, как у османских и крымских тугр, а пять и иное лексическое содержание: «Ви-инайат Рабби-ль-галамин» («Милостью Владыки миров»). Не для того ли российские самодержцы и их золотописцы создали пятизнаменный тугровый канон, чтобы избежать отождествления их знака со словом «аллах», которое воспринималось ими как имя «мусульманского бога»? (Не все православные и мусульмане даже сегодня знают, что между словом «элахи», которым называл всевышнего Иса — Иисус Христос, говоривший на арамейском языке, и словом «аллах» разница лишь в фонетической окраске.)

Изобразительное решение тугры не исчерпывается чисто каллиграфическими приемами, оно испытало сильное влияние предметного изобразительного языка. Это нашло свое выражение в трансформации трех вертикалей в знамена с конскими хвостиками — «ту» или «туг». Тугра должна была восприниматься и воспринималась как знаменный, властный символ. Вместе с тем развевавшиеся над именами хана и принцев древние знамена напоминали подданным хана и государям-адресатам ханского двора о чингизидском происхождении Гиреев и покровительстве Гиреям со стороны османов. Здесь уместно напомнить, что знамя Чингиз-хана с черной луной было украшено девятью конскими хвостами, а османские падишахи имели «туги» с семью или девятью конскими хвостами. Закрепление в гербовом знаке только трех знамен объясняется, с одной стороны, стремлением хаттатов и их владык обозначить сакральный смысл герба (о чем речь шла выше), с другой — достичь большего изобразительного эффекта.

Облик тугры поразительно изящен и является непревзойденным образцом ассиметрического построения композиции геральдического знака. Ее шлейф — слева от корпуса знака — не уравновешивается ничем, но прелестная загадочность такой композиции в том и состоит, что она и не требует тривиального равновесия. Взмеченные ввысь над номинативной пирамидой древки ордынских знамен слегка наклонены в сторону шлейфа и тем самым несколько скрашивают его «одиночество». В ранних знаках знамена, как правило, не имели наклона, конструктивное решение знака оставалось нединамичным, линия формально следовала за почти трафаретным рисунком (замыслом). Лишь в 20—30-х годах XVII столетия крымская тугра обретает свой классический облик. Крымским золотописцам, опиравшимся на традиции великих турецких хаттатов, удалось поддержать и развить характерную для классических османских тугр безупречную организацию полуабстрактного графического материала. Пульсирующий динамизм линии, оптимальное соотношение изменчивой толщины ее с силуэтом тугры, контрастная, но композиционно оправданная близость вертикального (знамена) и горизонтально-параболического (шлейф) движений — таковы наиболее яркие конструктивные особенности крымских тугр.

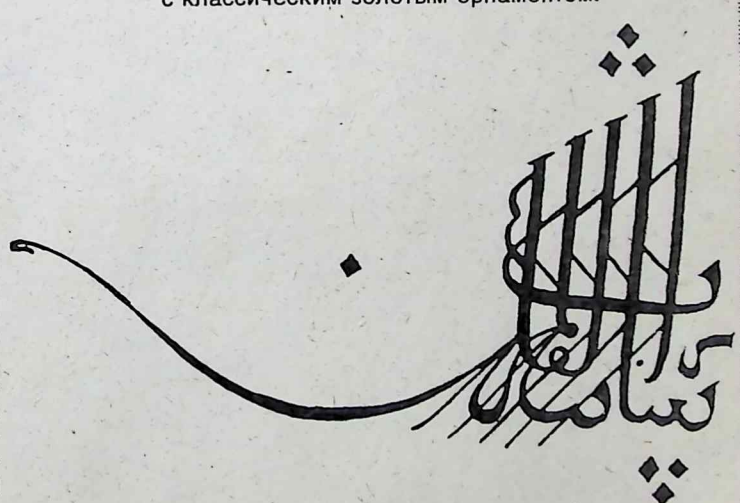
Тугра хана Ислам-Гирея (1653 г.).

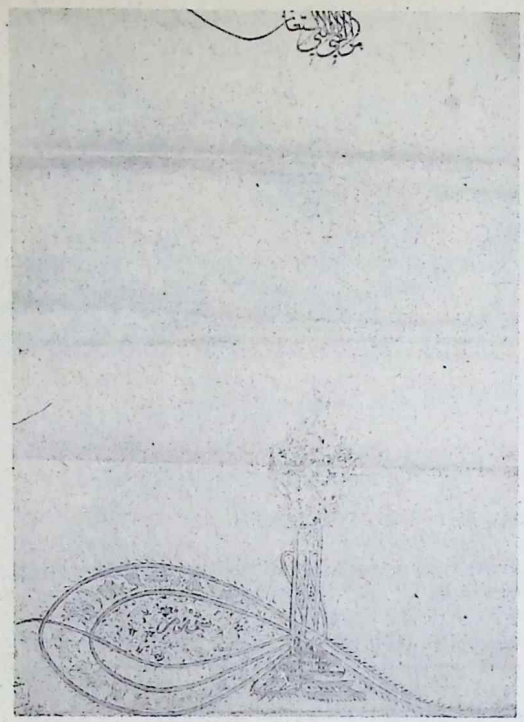
Отдельные экземпляры тугр крымских чингизидов идентичны туграм османских падишахов, то есть так же, как и их заморские прототипы, имеют два больших кольцеобразных завитка слева от корпуса знака, которые составляют окружение шлейфа. В целом же крымской тугре свойственен оригинальный изобразительный канон, с которым перекликается канон российской тугры — восточного герба российских самодержцев XVII столетия.

Цветовое решение крымского трехзнаменного герба чрезвычайно разнообразно, хотя в качестве основных применялись два варианта цветового насыщения его линий: золото (золотой порошок смешивали с клеем и наносили на бумагу кисточкой или тростниковым калямом) и чернила с золотыми блестками (на черную чернильную линию посыпали золотой порошок — техника «йалдыз»). Основная линия некоторых тугр первой половины XVII столетия сопровождается тонким контуром разных цветов: от ханов Инайет-Гирея и Бегадыр-Гирея остались экземпляры, сочетающие золотую линию с коричневым и бирюзовым контуром, одна из тугр принца Фетх-Гирея сочетает черную линию с красным контуром. Вся тугра принца обрамлена красным орнаментом, очень эффектным, но не характерным для большинства тугровых грамот в цветовом отношении.

Декоративный эскорт крымских тугр дает нам блистательные образцы татарской орнаментальной графики, особенно ценные тем, что они и по композиции, и по стилистике узоров, и по цветовой гамме выразительно отличаются от

Тугра Петра I (1695 г.).
Классическая крымская тугра
с классическим золотым орнаментом.





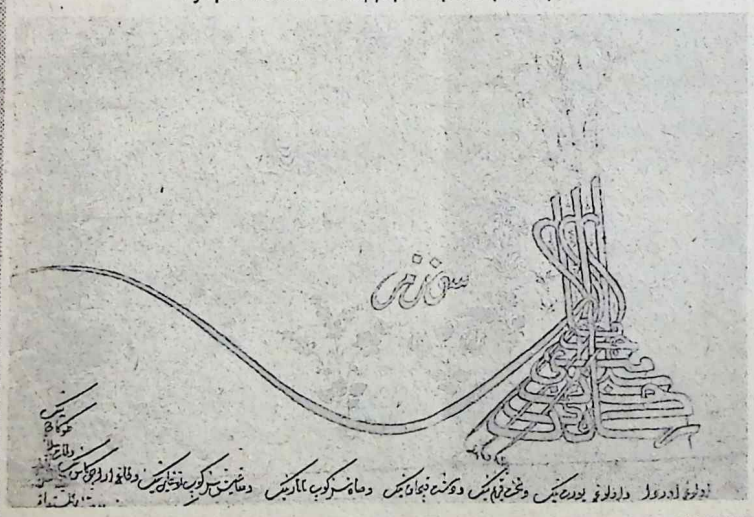
Тугра принца Хусам-Гирея (1635).

образцов других школ восточной орнаментальной графики и составляют самостоятельную крымско-татарскую школу, по сути неизвестную ранее поклонникам восточного искусства.

Появление тугры на грамотах Крымского ханского двора в середине XVI столетия на месте ранее употреблявшихся нишанов (квадратных печатей) имело не только репрезентативное значение: сменился один из важнейших элементов удостоверительного аппарата крымских грамот. Миндалевидные и круглые печати, некоторое время соседствовавшие с нишаном, теперь приобрели ту же напарницу, которую имели изящные, в большинстве своем овальные печати османских грамот. Тугра заняла место над текстом, ее корпус располагался обычно чуть левее вертикальной оси текстового поля. Печать, иногда несколько печатей, оттискивалась под текстом. Рядом с ней на многих экземплярах можно видеть подпись писца.

Обязанная своим рождением парадно-канцелярскому делопроизводству, тугра была задействована на всех уровнях этого отнюдь не утилитарного искусства. Она не только

Тугра хана Бегадир-Гирея (1637).



украшала и удостоверяла грамоты. Тугра — центральное звено художественной структуры грамот, которые должны рассматриваться как целостные художественные произведения со своей специфической образной системой. Каждый элемент этой системы — краткое богословие («бисмилла», по терминологии турецких историков), верхнее поле (между кратким богословием и тугрой), тугра и текст грамоты — имеет символическое значение и занимает свое, строго определенное место в сакральной стратиграфии грамот. В совокупности они образуют символико-художественную целостность — модель Вселенной, теософски выдержанную конструкцию из наиболее важных с теологической точки зрения элементов мироздания.

На вершине представленной хаттатами божественной иерархии всегда присутствует образ бога, воплощенный в «бисмилле». Обычные богословские формулы «Бисмилляхи, рахман ир-рахим», («Во имя аллаха, милостивого и милосердного), «Ху» («Он», то есть «аллах»), «Ху ель мугни» («Он щедрый»), «Ху ель гани» («Он великодушный») в художественной структуре грамот являются носителями символической образности, не только сообщают о боге, но и выступают как символы-образы бога. Соответственно место «бисмиллы» — у верхней кромки грамот, на «седьмом небе», где и находится аллах по мусульманскому вероучению. Все прочие элементы мироздания располагаются ниже.

Бесконечно высокое небо (две-три с половиной высоты тугры) отделяет высшего иерарха Вселенной от избранного им земного владыки, символически воплощенного в тугре. Чаще всего крымские хаттаты оставляли небо абсолютно чистым, но на многих грамотах в небесное пространство прорезываются цветы, «растущие» из вертикалей тугры; нижняя кромка неба — над шлейфом — в этих случаях украшалась стилистическим аналогом декоративного пучка. И лишь на наиболее репрезентативных грамотах, преимущественно шертных, растительно-цветочный декор занимает значительную часть неба.

Символ-образ земного избранника бога, расположенный у нижней кромки неба, воспринимается как графическая и цветовая доминанта всего художественного пространства грамот, именно его силуэт в первую очередь привлекает внимание читателя-зрителя. Сияющая то сплошным золотом, то золотыми блестками тугра составляет первоклассную альтернативу окружающему ее изысканному декору.

Переводя взгляд с «бисмиллы» на тугру, зритель угадывает тонко разработанный графический и духовный резонанс между ними. Такая же связь ощущается между тугрой и текстом. Доминируя в художественном измерении, трехзнаменный знак крымских ханов и принцев выступает в то же время в качестве связующего звена между «всевышним» и «человечеством». Взметнувшиеся ввысь знамена направлены на «бога» и находятся в линейном и сакральном единстве с ним. А изогнутая относительно «горизонта» линия шлейфа и нижняя строка тугры визуально опираются на следующий ниже текст — «человечество», как бы осеняя его. Визуальная и, соответственно, символическая перекличка текста и тугры находят свое выражение также во «взлете» строк текста — вслед за знаменами и концом шлейфа — в поднебесье. Изящный подъем конца строк, отличающий парадный каллиграфический стиль османских и крымских канцелярий, имел, таким образом, внекаллиграфическое происхождение и должен был символизировать извечное стремление человечества к богу.

Благодатное существование творца и любовь человечества к нему составляют суть символико-художественной модели Вселенной, развернутой на грамотах первых лиц средневекового Крыма.

Сердцевиной этой модели выступает тугра, объединившая в себе качества, сочетание которых в одном знаке не имело прецедентов и остается уникальным явлением в истории каллиграфии, геральдики и графики. Трехзнаменный герб крымских ханов и принцев достойно представлял их государство перед европейскими и восточными монархами. Он возвещал адресатам Гиреев о силе, могуществе и высоком происхождении своих владельцев, являл друзьям и недругам Крыма запоминающийся образ зависимого, но не утратившего ордынского духа ханства чингизидов.

ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Современное положение крымских татар в Крыму

18 мая 1944 г.— одна из черных страниц в новейшей истории крымско-татарского народа. В этот день весь народ от мала до велика был подвергнут насильственной депортации из Крыма. Сегодня всплывают все новые документы, изобличающие прошлое, когда по воле тирана и его подручных была пущена в ход адская машина истребления крымских татар. Последствия геноцида, в результате которого погибло свыше 46% народа, последовавшая вслед за этим в местах высылки безудержная дискриминация и лишение всяческих прав и свобод будут сказываться на многих последующих поколениях.

С первых же дней депортации в местах высылки началось движение крымских татар за возвращение в Крым. Кульминацией этой неравной и упорной борьбы с огромной империей под названием СССР, его карательными органами — КГБ и МВД, отправлявшими крымских татар массами по сфабрикованным делам в тюрьмы и психушки, стали выступления на Красной площади в Москве летом 1987 г. С этого момента в Крым в массовом порядке, невзирая на все чинимые препятствия, повторные высылки, стали возвращаться татары.

В городах проживало 15.632, в селах 31.175 чел.

Начиная с первых лет депортации, отдельные семьи делали неоднократные попытки возвращения в Крым и каждый раз их лишали купленных домов, сносили их бульдозерами или просто, вне всякого закона, конфисковывали и гнали в украинские степи, Краснодарский край. Какова сегодня численность крымских татар? Ответить на этот вопрос однозначно очень сложно. На протяжении всего срока депортации крымских татар в официальной статистике не существовало. Официальными властями отрицалось само существование такого народа. Хотя, можно предположить, что соответствующие органы, преследуя свои определенные цели, такую арифметику вели. Получить более реальную численность крымских татар можно будет в случае полного возвращения народа в Крым. А возвращение это очень и очень тяжелое.

По данным комитета по делам депортированных народов Совмина Крыма согласно количеству прописанных на октябрь месяц 1994 года в Крыму проживает 237 тыс. 320 крымских татар и около 30 тысяч не прописанных. Безработица среди крымских татар большая: нетрудоустроенных 49 тыс. 441, а трудоустроенных 76 тыс. 352.

В Узбекистане же сегодня проживает по ориентировочным данным еще 200—250 тыс. не имеющих возможности вернуться татар. Процесс возвращения в основном происходит за счет собственных средств народа, но из-за нынешних экономических трудностей, таможенных преград процесс самовозврата сильно замедлился. Многие семьи вынуждены жить в отрыве от своих детей, жен, мужей. Финансирование репатриации, к сожалению, ведет одна Украина и этих средств катастрофически не хватает. После выборов президентом Крыма Ю. Мешкова и его поездки в Москву в средствах массовой информации в феврале 1994 года вновь избранный президент заявил о том, что Россия выделит на эти цели 50 млрд. рублей, однако на сегодняшний день со стороны России, несущей большую часть ответственности за содеянное в 1944 г., как правопреемницы СССР, не поступило никаких средств. Не принимают участия в финансировании возвращения татар Узбекистан, Казахстан, Киргизстан и др., в экономику которых на протяжение десятилетий вкладывался труд крымско-татарского народа. Напротив, в настоящее время очень затруднен выезд из Узбекистана. В частности, затруднена продажа приватизированных квартир, а если учесть, что многие крымские татары на высылке жили в городах в собственных квартирах, то вопрос переезда становится весьма проблематичным. В Крыму их ждет беспросветная нищета, голод и неустроенность, а в лучшем случае при наличии земельного участка возможность построить времянку и жить на самостроях, взявших в кольцо многие города Крыма без воды, света, дорог, школ, медпунктов и других элементарных условий. В результате среди возвратившихся крымских татар неуклонно растет смертность.

На значительном повышении смертности, безусловно, сказываются нечеловеческие условия проживания, а те, кто выживает, в большинстве своем с детства оказываются подверженными разным болезням, последствия которых не замедлят сказаться, как и депортация 1944 г., на генофонде нации. Национальный капитал, куда входили и личные сбережения семей, день за днем обесценивался. Теперь власти ссылаются на нехватку средств, отпускаемых на возвращение депортированных в Крым с одной стороны и необходимость возвращения депортированных из Крыма немцев, болгар, армян, греков, против чего крымские татары никогда не возражали, за исключением тех моментов, когда в Крым под видом депортированных переезжают не имеющие к депортации никакого отношения граждане этих национальностей и пытаются решать свои проблемы за счет депортированных (например, граждане армянской национальности). Следует заметить, что вышеперечисленные национальные группы были переселены в Крым в XVIII—XIX веках царским правительством взамен изгоняемых крымских татар в качестве колонизаторов и противовеса оставшимся крымским татарам. Когда в 1944 г. крымские татары были высланы, исчезла и необходимость в их присутствии в Крыму. На их место усиленно переселялись русские из России, а греки, немцы, болгары, армяне предательски были высланы вслед за татарами. Возвращаются татары, возвращаются и эти национальные группы, которые, как пишет профессор, доктор исторических наук В. Возгрин «...обладают правом на статус коренного населения не в большей степени, чем русские или украинцы Крыма». Эти национальные группы не обладают правом на самоопределение в Крыму, т. е. правом на государственность.

Конец 1993 г. в Крыму ознаменовался рядом убийств политических деятелей. К сожалению, тяжелую утрату понесло и Национальное движение крымских татар. 6 ноября 1993 г. был убит один из лидеров этого движения Ю. Османов, готовившийся баллотироваться в тот момент в депутаты Верховного Совета Крыма, яркий публицист, значительная фигура в движении крымских татар на протяжении долгих лет. В январе 1994 г. в собственном доме из автомата был расстрелян Эскендер Меметов — единственный депутат Верховного Совета Крыма из крымских татар. Преступники до сих пор не найдены. Но попытки обезглавить народ, сломить его морально обречены на провал. Сегодня из 98 депутатов Верховного Совета Крыма 14 — крымские татары. В составе правительства Крыма один вице-премьер, один министр, один председатель комитета. В Крыму сегодня издаются 5 газет, 2 журнала на русском и татарском языках. Работает крымско-татарский театр, ансамбли «Хайтарма», «Крым», юношеский ансамбль «Учан су», самодеятельные ансамбли в городах Крыма, работает редакция крымско-татарской литературы при издательстве «Таврия», в сентябре распахнул свои двери Индустриально-педагогический институт, ежедневно вещает радио, один раз в неделю по 3 часа выходит в эфир татарское телевидение, работают 3 национальные школы. Развивает свою деятельность духовное управление мусульман Крыма, в каждом городе имеются общины мусульман. В шести городах открылись отделы крымско-татарских библиотек.

Но сегодня нет самого главного — государственности крымских татар, которого они были лишены 220 лет тому назад. А это значит, что борьба еще не окончена.

Длявер ОСМАНОВ

Абдуллах З. СОЫСАЛЬ

Челеби Джихан,

23 февраля исполнилась 20-ая годовщина одного из самых трагических дней нашей истории. 23 февраля 1918 г. жертвой русской тирании пал один из выдающихся народных героев Челеби Джихан.

Прежде чем сказать о жизни и деятельности Челеби Джихана, хочу дать краткий очерк истории Крыма до Челеби Джихана и периода, когда он начал свою деятельность.

Крым за 1000 лет до рождения Христа был заселен тюркско-татарскими племенами. Как независимое государство Крым существует с 1428 г.

В 1783 г. был присоединен войсками Екатерины II к Российской империи. Для татар наступили времена тяжелого гнета, разрушения мечетей, закрытия школ, раздачи татарских земель русским.

Историю народного движения в Крыму с 1783 до 1917 г. можно разделить на 4 периода:

I. От падения Крыма до 1883 г. Период неорганизованных протестов против гнета захватчиков с севера, а также период эмиграции в мусульманскую Турцию.

II. С 1883 г. до 1905 г. Эпоха Исмаила Гаспринского. Период работы над развитием просвещения и пробуждением народного духа тюрко-татар, как крымских, так и иных, проживающих в Российской империи.

В 1883 г. Исмаил Гаспринский основал в Крыму (в Бахчисарае) газету под названием «Терджиман» («Переводчик»), в которой призывает к работе по просвещению народа и экономическому и культурному улучшению его существования. Призывом к 50-миллионному тюркскому миру был: «Единство языка, мысли и действия». Призыв его не исчез бесследно: среди тюрко-татар началось оживленное народное движение и закипела работа на всех участках общественно-культурной жизни.

III. С 1905 г. до 1914 г. Период, в котором много крымских татар выступает под руководством молодых социалистов и националистов в политических организациях с целью защиты прав своего народа.

В 1905 г. тюрко-татары Российской империи добились некоторых прав, которые вскоре были отобраны, что только усилило национально-освободительное движение.

IV. С 1914 г. до 1917 г. Период народной революции, решительной борьбы за независимость. Творцами и руководителями этого периода являлись Челеби Джихан и Джафер Сейдамет. Молодежь этого периода была убеждена, что только независимость Крыма может обеспечить ему развитие культуры и благосостояние его населению. Чтобы сделать идею независимости реальной силой, нужно было привить людям два положения:

1. Позитивное — это значит традицию и любовь к истории и народной культуре;

2. Негативное — то есть осознание бесправия, обиды и преследования, переживаемых народом.

Стремясь к этому, крымская молодежь, среди которой на первое место выходит Челеби Джихан, издает научные и литературные произведения.

С началом I мировой войны в Крыму развернулась борьба за независимость.

В конце 1917 г. борьба за независимость достигла своего апогея.

26 ноября представители крымских татар образовали Курултай, который одобрил конституцию и провозгласил лозунг: «Крым для коренного населения Крыма». Председателем правительства Крыма был избран Челеби Джихан.

Челеби Джихан родился в небольшой деревне Сонак в 1887 г. Народ из окрестностей Сонак был известен своим мужеством и самоотверженностью. Недоразумения, возникающие между собой, всегда разрешались самим населением, которое никогда не обращалось к московским властям. В критических случаях для Имама, который стоял во главе общественности округи, население всегда было готово всем миром идти ему на помощь. Население это само первым оказывало сопротивление во время преследований со стороны русских. Одним из наиболее уважаемых людей в это время был отец Челеби Джихана — Ибрагим Челеби.

Русские, видя значение этой деревни и ее влияние на окрестности, все чаще пытались сломить ее патриотическую позицию. Власти начали плести интриги, чтобы запятнать честь самого опасного своего противника — Ибрагима Челеби. Это все-таки им не удалось, но с помощью негодных средств они довели его до разорения. Отец Челеби Джихана должен был продать все свое имущество, даже любимую лошадь Челеби Джихана.

Начальное образование Ч. Джихан получил в местном медресе. Вскоре эта школа была закрыта русскими властями. До 17 лет Ч. Джихан воспитание и образование получал у Мустафы-эфенди. После, на протяжении 4-х лет, ходил в школу в Акмесджите (Симферополе). Уже в школе он отличался интеллигентностью, талантом и хорошим поведением. Ч. Джихан никогда не принимал участия в школьных проказах и пустых играх, был замкнутый, сторонился от школьного шума, не имел много друзей. Уже в это время проявил себя как человек, на плечах которого окажется груз трудных решений. Кроме школьных предметов, его интересовала газета Исмаила Гаспринского «Терджиман» и книги, которые издавались в Стамбуле. Со временем он захотел расширить свой кругозор и с этой целью начал изучать русский язык.

Революция 1905 г. застала Ч. Джихана при крестьянской работе. Жизнь дала ему возможность познать трагическое положение татарских крестьян, у которых русские отняли землю. С началом революции в его молодой голове начали возникать новые планы на будущее. Сильное влияние на него оказала газета «Ватанхадими» — «Слуга Отечества», редактируемая Рашитом Медиевым, который занимался именно делами земель, противоправно отнятых у татар. С большим интересом и энтузиазмом читал газеты и брошюры русских революционеров.

Челеби Джихану среднее образование казалось недостаточным, потому он отправился в Стамбул, где после получения теологического образования поступил на факультет права. В это время он познакомился и подружился с несколькими крымскими студентами, которые тайно собирались у него дома, чтобы читать книги и газеты младотурков, печатавшиеся в Египте и Париже. Революция младотурков в 1908 г. вызывает у Ч. Джихана радость, потому что крымскотатарская молодежь теперь могла свободно собираться и дискутировать по общественным, политическим и национальным вопросам. Его коллеги начали посещать лекции, а также заседания парламента. Ч. Джихан напомнил своим коллегам, чтобы они, интересуясь политической жизнью анатолийских турков, не забывали своей основной цели, то есть о борьбе за освобождение Крыма из-под ярма, говоря: «Здешние революционеры опираются на симпатизирующую им армию, они наверное победят. Свобода, за которую вою-

---

«Жыце татарске», 1938 г., № 3

герой крымско-татарского народа

XX годовщина смерти Челеби Джихана

ют младотурки, является делом несомненно высоко благородным. Но мы, крымские татары, должны жить для дел более святых для нас. Жизни наши отдадим в борьбе за свободу нашего народа от гнета русских».

В том же году молодежь в Стамбуле основала союз крымской молодежи. Это была легальная организация, имеющая целью объединение нашей молодежи вокруг одной идеи и подготовке ее на труд на благо Отечества и народа. Работа организации позволила ее членам познать психологию толпы, способам обращения к ней, научила умению владеть собою в критические моменты и вселила убеждение в необходимости руководствоваться разумом, а не чувством.

Руководителем этого союза был Челеби Джихан. Но он, как и его самый близкий друг Джафер Сейдамет и некоторые их товарищи, понимал, что для подготовки к борьбе с угнетателями этой организации недостаточно. На протяжении нескольких месяцев они изучали своих коллег, чтобы узнать, кто из них на 100% готов к тому, чтобы отдать свою жизнь за Отчизну.

В 1909 г. Челеби Джихан и Джафер Сейдамет с несколькими молодыми людьми основали в Стамбуле нелегальную организацию, которая познакомила крымскую молодежь с методами нелегальной политической работы. Вначале члены этой организации печатали на шапирографе патриотические призывы против царской тирании и отправляли их в Крым, где распространяли среди населения. Позже эта деятельность получила более широкое развитие, и обращения к татарскому народу печатались на ручных типографских станках. Местом этой работы была квартира Челеби Джихана. Со временем члены этой организации усилили свою деятельность, выезжая в Крым.

Челеби Джихан и его коллеги начали издавать брошюры и небольшие книги, среди которых находим работу Джафера Сейдамета «Татарский народ под русским ярмом в XX веке», сборник Челеби Джихана «Молитва ласточки». Поэтические произведения Челеби Джихана оказывали большое влияние на крымчан.

Кроме того, молодежь, принадлежавшая к этим организациям, живо интересовалась идейными и освободительными движениями в тюркских странах как Идель-Урала, так и Азербайджана и Туркестана, находящихся в неволе. Короче говоря, крымская молодежь тщательно готовилась к тому, чтобы сыграть в будущем важную политическую роль в движении за независимость Крыма.

С этой целью Челеби Джихан после окончания учебы в университете в Стамбуле выехал в Петербург, чтобы там поступить в Психоневрологический институт, который был очагом революционных движений. Период этот был очень трудным для Челеби Джихана в материальном смысле. Приходилось даже, чтобы заработать на кусок хлеба, заниматься тяжелым физическим трудом.

В этот период он хорошо освоил русский язык и познакомился с психологией русских, что в будущем ему очень пригодилось.

Во время каникул Челеби Джихан уезжал в Крым, чтобы там по-настоящему узнать условия жизни своих земляков. Не потерял он контакты и со своими друзьями из Стамбула и Парижа, переписываясь с ними. Таким образом он всегда был в курсе ситуации, в которой находились крымские татары. В 1912 г. революционные течения овладели широкими массами общества. Политическая деятельность в форме газет и брошюр уже была недостаточна. Джафер Сейдамет так говорит об этой эпохе: «Мы верили, что мысль есть сила, и рабтали над тем, чтобы оживить национально-освободительные силы среди своего народа. Одновременно мы понимали, что стремление лишь тогда может быть силой, когда полностью овладеет душой и сердцем. Поэтому мы пришли к убеждению, что первым шагом к этому будет организация и подготовка самого народа». В этом убеждении Д. Сейдамет и Ч. Джихан начали создавать среди народа в Крыму тайные организации политического характера.

В 1914 г. с момента начала мировой войны крымская молодежь Петербурга, Парижа, Москвы и Стамбула подала друг другу руку и направилась в Крым, чтобы лучше руководить крепчавшим с каждым днем народным движением.

Джафер Сейдамет Бей, призванный в армию, был послан на румынский фронт, а Челеби Джихан (тайной крымской организацией) был помещен в госпиталь в Одессе. В 1917 г. Д. Сейдамет, после известия о революции, дезертирует из армии и прибывает в Одессу. Здесь Д. Сейдамет и Ч. Джихан собираются с несколькими коллегами и по телеграфу спрашивают о ситуации в Крыму.

Приходит известие, что Челеби Джихан избран муфтием Крыма, а также и Польши, а Джафер Сейдамет — распорядителем вакуфов. (Эти выборы провела тайная организация, которая работала в Крыму с 1912 г.) Оба деятеля незамедлительно выезжают в Крым и там создают Центральный Исполнительный Комитет крымских мусульман. Таким образом, подпольная до этого времени организация открыто соединяется с Центральным Исполнительным Комитетом, во главе которого, как председатель, встал Ч. Джихан. На протяжении короткого времени ЦИК образует Народное Объединение и множество разных школ и начинает политическую работу по созданию правительства и народной армии. Благодаря деятельности этого Комитета 26 ноября 1917 г. был созван Курултай, который должен был сыграть главную роль в освобождении Крыма из оков русской неволи. Курултай избрал Челеби Джихана Председателем правительства, а также вручил ему должность министра юстиции. Челеби Джихан и Джафер Сейдамет были именно теми, кто провел в Курултае святой для каждого крымского татарина лозунг независимости: «Крым — для крымцев».

В торжественной речи при открытии Курултая Ч. Джихан сказал: «Сегодня начинается новая политическая история нашей страны, которая на протяжении полутора веков была заторможена русскими. Собравшийся сегодня здесь Курултай есть доказательство оживления идеи крымской свободы, которая так долго была угнетаема царским правительством».

В этот период большевики овладели Акъяром (Севастополем). Крымские войска под началом Д. Сейдамета провели ряд кровавых боев. На стороне большевиков был Черноморский флот. По причине огромного перевеса сил врага, крымско-татарские войска потерпели поражение. Большевики дошли до Акмесджита, арестовали Челеби Джихана и увезли его в Акъяр. Там, 23 февраля 1918 г., издеваясь варварским и нечеловеческим образом, его убили, а тело бросили в море.

Во время последнего своего выступления перед народом Челеби Джихан сказал, что настоящий сын Крыма должен быть всегда готовым на смерть за Отчизну, и высказал глубокое убеждение, что Крым как в прошлом, так и в будущем принадлежал и будет принадлежать коренным жителям Крыма.

КРЫМ — ТАТАРСТАН: ВОЗРОЖДЕНИЕ БЫЛЫХ СВЯЗЕЙ

«Сжигаю, всю Россию сжигаю: и все это только за Казань, опираясь на волю всевышнего, мне не нужно богатств всего мира. Я на тебя пошел, сжег твою столицу, я хотел снять с твоей головы корону, но ты не вышел навстречу мне побороться, а сам-то хвалишься, что ты царь московский! Если б в тебе были стыд или гордость, ты вышел бы к нам и схватился, но если ты хочешь быть нам честным другом, отдай наш юрт Астрахань и Казань...»

Письмо крымского хана Давлет Гирея царю Ивану Грозному, 1570 г.

«Эй, издатель татарский, писатель, поэт! Брось перо. Перестань писать, задумайся! И опустись в самую глубину своих мыслей! Где твой наставник, предводитель где?

Не ошибешься ли, не собьешься ли с пути, эй, общественный деятель! Теперь нет среди нас Гаспринского. Нет того, кто оценил бы сказанное тобой слово, кто измерил бы твой шаг и наставил на путь... Вы должны всегда помнить его слова, вы должны всегда помнить его советы. Его дух, память о нем должны вас объединить и направить на правильный путь».

Редактор Мамут Фуат. Газета «Иль», Казань, 1914 г. (Одна из публикаций, связанных с кончиной Гаспринского.)

Приведенные выше два факта из истории свидетельствуют о существовании давних связей между татарами Поволжья, Казани и Крыма. В разные исторические периоды — во время потрясений, войн и в пору расцвета татарских государств — на берегах Идели и Черного моря находились люди, которые в единении видели будущее татар. Было время, когда на Казанском престоле правила династия крымских ханов Гиреев. В то же время и Казань была той силой, которая противостояла натиску славян и, принимая удар на себя, отдаляла падение Астрахани и Крыма.

Канули в прошлое времена ханов, из среды народа вышли такие его сыновья, как Исмаил бей Гаспринский — великий просветитель мусульманского Востока, редактор выходившей в Бахчисарае газеты «Терджиман», которая имела читателей не только в России, но и далеко за ее пределами; Гаяз Исхаки, Челеби Джихан, Мирсаид Султангалеев, Решид Медиев, Г. Тукай, Дердменд, Бекир Чобан-заде и многие др.

Тесные отношения существовали и между представителями творческой интеллигенции. В 1920 г. крымско-татарский поэт Амди Гирайбай писал в одном из своих стихотворений, посвященных Тукаю:

Эй, тюрк — татар дюньясына шавле нур сачкъан Токъай,
Къара халкъкъа ана тильнен анъ елун ачкъан Токъай...

Одно из стихотворений Бекира Чобан-заде «Тувгъан тиль» начинается с таких строк:

Сени мен Кърымда, Къазанда таптым,
Юрегим къайнап ташкъанда таптым
Ят эльде мугъайып, аджынып юръгенде,
Умютим, хаялым шай тюшюп сенгенде.

Известно, что в конце 30-х годов в Крымско-татарском муздрамтеатре в Симферополе работал режиссер из Казани — Исмагилов. В начале 40-х годов в Казани готовились провести декаду крымско-татарской культуры, которой был посвящен номер газеты «Къзыл Татарстан» за 22 июня 1941 г., но война этому помешала. Таковы некоторые сведения о взаимоотношениях татар Поволжья и Крыма. Затем наступил 1944 г. и выселение крымских татар из Крыма по воле «отца народов», свершился акт геноцида не только физического, но и духовного. В глазах других народов усиленно создавался и пропагандировался образ «народа-врага». Это отразилось и на взаимоотношениях казанских и крымских татар. Часть казанских татар поддалась и поверила этой лжи и стремилась всячески отмежеваться от крымчан: «Мы, мол, не те, другие татары». Нагнетанию враждебности между татарами способствовал и тот факт, что нередко на местах высылки в качестве комендантов над крымскими татарами назначались выходцы из казанских татар. Таков был иезуитский прием преступников, стравливавших народы.

Но не все поверили клевете. В первую очередь это были учителя — казанские татары, которые преподавали в крымских школах до войны; писатели, поэты, интеллигенция, лично знакомая с крымскими татарами; это были, наконец, фронтовики, воевавшие с ними бок о бок на фронтах. В 60-х годах татарский писатель Рустем Кутуй выпустил книгу под названием «Идти за облаками». В одном из рассказов он одним из первых, в пределах возможного в то время, пишет о крымско-татарском мальчике, высланном из Крыма вместе с родителями. Устами этого мальчика, он тогда заявил, что «народ не может быть предателем!». Это была первая ласточка, но до восстановления справедливости потребуются еще долгие годы. В то время даже упоминание о крымских татарах считалось чуть ли не преступлением. Многие писатели обсуждали между собой этот вопрос в частных беседах, дома с близкими людьми, но рассчитывать на реальные шаги было трудно. Доносы, клевета, ложь порождали страх, который охватил всю страну.

Новая страница в истории взаимоотношений татар начала складываться с конца 70-х годов. В Казани оказалась некоторая часть крымсих татар, высланных в 1944 г. в Марийскую АССР в г. Волжск. Несмотря на препятствия и лишения, молодежь стремилась учиться, заканчивала казанские вузы, защищала диссертации, занималась наукой. Из их среды вышли музыканты, профессора, экономисты, юристы и т. д., периодически в Татарстан приезжали на учебу молодые люди из других мест высылки. Чаще всего они не только не знали о существовании диаспоры крымских татар в Казани, но и не знали ничего друг о друге. Каждый ехал на свой страх и риск.

В 1987 г. выступления крымских татар на Красной площади в Москве всколыхнули весь мир и стали одним из первых толчков к брожению внутри страны, особенно в национальных республиках, в том числе и в Казани. Люди, болевшие за будущее своего народа, не смирившиеся, не сломленные

Крымские татарки. 19 век.

Татарин-проводник. 19 век.

Девушка — крымская татарка. 19 век.

режимом, стали сплачиваться в движение. Так, в конце октября 1988 г. в Казани в Доме политпросвещения состоялось собрание новой организации — Татарского общественного центра (ТОЦ).

В нем приняли участие и представители крымских татар, специально приглашенные из Узбекистана — Усеин Усеинов и Сейдамет Калибаев. Им была предоставлена возможность выступить перед собравшимися. Выступление было выслушано и вызвало неоднозначную реакцию. Этого следовало ожидать. Впервые за долгие годы в Казани с трибуны были преданы огласке факты дискриминации, геноцида, издевательства над крымскими татарами. Это была информация, повергшая слушавших в шок, многие не поверили сказанному. Но дело было сделано. На этом собрании присутствовало 6 человек, зарегистрировавшихся крымскими татарами, вот их имена: Длявер Османов (выпускник Казанской консерватории), Надир Бекиров (выпускник Казанского университета), Исмаил Сулейманов (студент университета), Усеин Усеинов (литейщик из г. Чирчик), Сейдамет Халибаев (г. Чирчик), писатель Риза Фазыл.

После этого собрания мы обрели немало друзей, сочувствующих нам, но и затаившихся недоброжелателей было достаточно.

На что мы могли рассчитывать в далеком городе, оторванные от своих корней, вдали от основной массы народа? Прежде всего, мы рассчитывали на собственные силы и доброжелательное отношение к нам со стороны членов ТОЦ. Среди них было немало наших личных друзей, готовых по-

мочь нам, с которыми многие вопросы обсуждались еще за несколько лет до этих событий. Ноябрь 1988 г. прошел в организационных хлопотах. Состоялось несколько собраний крымских татар-студентов, в которых приняли участие и постоянно живущие в Казани наши соотечественники.

Позиция ТОЦ была выражена в интервью, данном председателем ТОЦ Мулюковым корреспонденту журнала «Азат хатын» (№ 2, 1989 г.). На вопрос «Как вы смотрите на проблему крымских татар?» Мулюков ответил: «Центр считает, что эта проблема остается до сих пор нерешенной».

В результате неоднократных встреч с членами оргкомитета ТОЦ Фаридом Султановым, Маратом Мулюковым, Дамиром Исхаковым, Рафаэлем Хакимовым и др. было решено создать при ТОЦ крымско-татарскую секцию. Особо следует отметить на начальном этапе становления ТОЦ огромный вклад Фарида Султанова. В декабре состоялось собрание крымских татар, где председателем секции был избран Длявер Османов. Об этом писала газета «Вечерняя Казань» за 10 января 1989 г. в статье «ТОЦ за примат равенства: «...в настоящее время при ТОЦ создаются секции еврейской культуры, а так же крымских татар, чувашей».

Какие цели преследовало создание секции? Конечно, именно те, которые стояли перед народом и его национальным движением со дня изгнания из Крыма. Это — восстановление национальной государственности, возвращение народа на родину в организованном порядке, в кратчайшие сроки и за счет государства, отмена всех дискриминационных актов, направленных против крымских татар, отмена всех гласных и негласных Указов и др. Вместе с тем, мы не могли не учитывать казанскую специфику, обусловленную главным образом неосведомленностью об истинном положении дел крымских татар, искаженными представлениями о них и полной неинформированностью.

Однажды я был свидетелем разговора ветерана национального движения с молодым человеком, который спрашивал: «Что же делать? Мы столько лет боремся и ничего не можем добиться, как еще нам бороться, как быть?» Ответ был кратким: «Говорить и нести правду о нас!»

Это стало одной из главных задач секции: своевременно, правдиво информировать общественность Татарстана о положении крымских татар.

Другой задачей стало сплочение всех соотечественников, проживающих в Татарстане и Марийской АССР. Эта работа отнимала много времени и сил. Активные члены секции встречались по вечерам после работы, вырабатывали, принимали решения, намечали очередные свои шаги. Бывало, после бессонной ночи отсюда же уходили на работу. Секция поддерживала связи с разными регионами, где проживали крымские татары, и имела достаточно информации о положении на местах.

В январе 1989 г. развернулась подготовка к I, учредительному, съезду ТОЦ. К этому времени ТОЦ объединял около тысячи групп поддержки. Центр набирал силу, число его сторонников росло. И вот наступил день съезда — 17 февраля 1989 года.

Газета «Советская Татария» в те дни писала: «В Казани, в здании татарского академического театра им. Г. Камала, состоялся Учредительный съезд татарского общественного центра. В нем приняли участие более 600 делегатов, съехавшихся из городов и районов республики, союзных и автономных республик, городов Москвы, Ленинграда, Астрахани, Саратова, Куйбышева, Тюмени, Свердловска и других мест проживания татар, а также Финляндии. Среди делегатов и гостей были видные деятели татарской культуры и искусства, ученые, работники средств массовой информации, а также представители духовенства».

Крымско-татарская секция проделала немалую подготовительную работу. На одном из собраний было поручено выступить на съезде председателю секции. Был изготовлен проект доклада на 7 мин., таков был регламент съезда. По содержанию доклада было много споров, в конце концов был принят вариант, который, по нашему мнению, должен был довести до делегатов суть сегодняшнего дня крымских татар. На съезд было избрано 5 делегатов от крымских татар с правом решающего голоса, 6 человек участвовали в работе съезда в качестве гостей. По нашей инициативе на съезд были приглашены два человека из г. Новороссийска: поэт, участник национального движения Сеитумер Эмин, а также Гомер Баев, неоднократно судимый за участие в национальном движении. 5 мандатов с правом решающего голоса распределились следующим образом: Длявер Османов, Надир Бекиров (г. Казань), Энвер Ламповщиков, Энвер Ахметов (г. Волжск, Марийская АССР), Сеитумер Эмин (г. Новороссийск), остальные присутствовали в качестве гостей. После встречи с нашими старшими товарищами из Новороссийска были внесены коррективы в доклад, некоторые его части существенно изменились. Было решено, что выступят на съезде двое: Сеитумер Эмин и Длявер Османов. Расходились из гостиницы поздно ночью. На следующий день, перед началом съезда, Д. Османов встретился с председателем Оргкомитета ТОЦ М. Мулюковым и попросил включить в повестку дня в качестве выступающего от крымских татар одну фамилию — Сеитумера Эмина и все время отдать ему. Как потом оказалось, это было верное решение. В 9 часов съезд начал свою работу. С докладом о программных задачах Центра выступил председатель Оргкомитета Марат Мулюков. Делегаты заслушали также содоклады председателей комиссий Центра. Затем открылись прения. Во второй половине дня выступил Сеитумер Эмин. Его выступление, подтверждающее многими фактами дискриминацию крымских татар, цифрами обличающее органы власти в целенаправленном геноциде, вызвало бурную реакцию. Оно сопровождалось возгласами из зала: «Позор! Позор!» Делегаты стоя аплодировали выступавшему. Так была выражена солидарность делегатов с борьбой крымско-татарского народа. Поддержали выступление Сеитумера Эмина и представители литовских татар в лице Менсаида Байрашевского. Это были наследники татар, переселившихся в Литву из Крыма 600 лет тому назад. В конце первого дня работы съезда, поздно вечером, состоялось заседание членов Оргкомитета ТОЦ, в котором принимали участие и представители крымской секции. По предложению Длявера Османова и Надира Бекирова, после некоторых колебаний было принято решение предложить съезду принять отдельную резолюцию по крымским татарам. Здесь же был составлен проект резолюции, который на следующий день был оглашен и принят съездом единогласно. По иронии судьбы резолюция оказалась под номером тринадцать. Вот ее текст:

Резолюция № 13

«О КРЫМСКИХ ТАТАРАХ».

Нерешенность крымско-татарской проблемы и нынешнее положение крымских татар, ущемленных в своих национальных правах, съезд признает противоречащим принципам гуманизма, демократизма и интернационализма.

По мнению съезда, справедливое решение крымско-татарской проблемы предполагает: возвращение крымских татар на свою историческую родину и восстановление государственности согласно волеизъявлению самого народа.

Казань, 17—18 февраля 1989 г.

Таким образом, несмотря на сопротивление некоторых кругов властей, Татарский общественный центр стал союзником крымско-татарского народа и имел теперь не только моральное, но и юридическое право оказывать помощь национальному движению нашего народа.

В Казани и других городах начался сбор подписей в поддержку крымских татар. Тысячи подписей было отправлено из Татарстана в адрес ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. После съезда ТОЦ объем работы секции возрос в несколько раз. В Татарстане наша борьба находила понимание и поддержку у сотен и тысяч людей. Мы понимали, что это прежде всего дань уважения стойкости и мужеству крымских татар, и делали все для того, чтобы внести свою лепту в общее дело. В начале марта у нас появился музыкальный ансамбль «Къысмет» («Судьба»). В ансамбль вошло 4 человека: три музыканта — Длявер Османов, Надир Бекиров, Нури Мустафаев и солистка Флюра Низамова. Флюра, сотрудник газеты «Татарстан яшьлэре», оказалась на редкость музыкальным и талантливым человеком, превосходной исполнительницей крымско-татарских песен. Песня «Эй, гузель Кърым», песня скорби по утраченной родине, исполняемая ею на всех концертах ансамбля, стала известна всему Татарстану и была записана на радио. Ансамбль выступал в многих казанских

вузах, на празднике «Туган тел», на празднике весны «Навруз», перед тысячами слушателей на празднике «Уйнагыз гармуннар», перед крымскими татарами в городе Волжске и т. д.

Таким образом, секция в меру своих сил пропагандировала и крымское музыкальное искусство. Вместе с тем, мы понимали, что общественность Татарстана еще недостаточно осведомлена о положении крымских татар. Нас не устраивали эпизодические, маленькие газетные заметки о крымских татарах. Члены секции настойчиво искали контактов с представителями республиканской прессы. Корреспондентов различных изданий снабжали документами национального движения, состоялось несколько встреч с писателями и творческими работниками. Так, корреспондент газеты «Комсомолец Татарии» Венера Якупова получила от нас целый портфель информаций, заявлений, обращений крымских татар в различные органы. Это ее заинтересовало, и она углубилась в работу. Первая ее статья с хлестким названием «Крымские татары, или привет от Сталина» вызвала поток писем в редакцию. В далеком Крыму эту статью передавали из рук в руки, из семьи в семью. Впервые на страницах массового советского издания был оглашен факт самосожжения, в знак протеста против произвола властей, крымского татарина Мусы Мамута (1978 г.).

Вслед за этим появилась статья Флюры Низамовой в газете «Татарстан яшьлэре» на татарском языке «Ватаныма житеп егылсам». Словом, лед тронулся и здесь. Конечно, было бы наивно полагать, что все окружающие нас люди были сплошь доброжелательны к нам. Встречались и такие, которые были не только недовольны, но и открыто угрожали нам, а некоторые органы стали вплотную интересоваться деятельностью секции и ее активных членов. Но отступать нам было некуда. В Крыму обстановка накалялась с каждым днем. Крымские власти противились возвращению татар на Родину. В связи с этим в октябре 1989 г. в Крым выехали писательница Фаузия Байрамова и корреспондент Флюра Низамова с целью ознакомиться с положением дел на местах. Они встречались с активистами национального движения в г. Белогорске, Бахчисарае, в редакциях газет. На одной из встреч с крымскими властями руководитель городского масштаба попытался остановить их и сказал: «Вы ведь не крымские татары, а казанские, какое вам дело до них?» На что ему было сказано: «Крымские татары — это наши братья, и мы не можем позволить себе сидеть сложа руки, когда под вашим руководством здесь совершаются очередные преступления против них».

В октябре того же года секция в Казани, совместно с редакцией газеты «Комсомолец Татарии», организовала выезд в Крым корреспондента Венеры Якуповой и фотокорреспондента Дмитрия Бунтукова с целью сбора материала о положении в Крыму. В результате этой поездки в «Комсомольце Татарии» появилась серия публицистических статей о трагическом положении татар. Даже названия этих статей говорят сами за себя: «Родина или смерть» (15 декабря 1989 г.), «Меня превратили в живую мишень», «Интервью с Айше Сеитмуратовой» — активисткой национального движения, проживающей в США, «Крым, ты боль моя вечная» (20 мая 1990 г.), «Покушение на интернационализм» (2 сентября 1990 г.). Значение этих публикаций трудно переоценить. В то время, когда центральная пресса еще осторожничала с крымским вопросом, ряд казанских изданий, даже пионерский журнал «Ялкын», заставили говорить о крымских татарах в полный голос. Все экземпляры газет со статьями о крымских татарах закупались секцией по тысяче штук и отправлялись курьерами по местам проживания татар.

Союз журналистов за серию этих публикаций присудил Венере Якуповой премию журналистов им. Хусаина Ямашева, которую она передала в фонд национального движения.

Посвященные крымским татарам материалы были опубликованы и в других изданиях: журнала «Идель» — «Вернуться бы к родной земле» (№ 4 за 1990 г.), автор — Ркаиль Зайдуллин; газета «Аваз» — статья «Траур» (июль № 13, 1990 г.) того же автора; журнал «Казан утлары» (№ 6, за 1990 г.) — подборка стихотворений крымских поэтов и статья Эмиля Амита «Народ, победивший смерть»; выходящая в Набережных Челнах газета «Тан йолдызы» под рубрикой «Крымские татары» печатает серию материалов в течение двух месяцев. Газета «Вечерняя Казань» (30 мая 1989 г.) дает материал Талгата Бареева, посвященный дню национального траура — Дню 18 мая. За это время общественность Татарстана получила большой объем информации о крымских татарах и теперь сама могла судить и отделять истину от лжи и клеветы.

Еще одной стороной деятельности членов крымской секции была организация выезда выпускников школ из мест высылки для поступления в вузы и участие в дальнейшем формировании из способных студентов национальных кадров высокой квалификации. В 1989 году в казанские вузы поступило три человека, в 1990 году — 13 человек на различные факультеты вузов, а также 11 человек на подготовительные курсы. При участии Ирека Гарипова, Длявера Османова, Надира Бекирова были налажены контакты первой мусульманской общины в Крыму послевоенного периода из г. Белогорск с ДУМЕС в Уфе.

В августе 1989 г. представители мусульманской общины выехали в Казань, Набережные Челны для празднования 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией. Состоялись встречи с религиозными деятелями из разных городов страны и из-за рубежа. Представитель общины Билял Мумджи имел две встречи с муфтием Талгатом Таджидином, который поддержал возрождение религиозной жизни в Крыму и обещал всяческую помощь. Здесь же завязались новые знакомства и связи с другими общинами и мечетями. Белогорская община была представлена и на Пленуме ДУМЕС в декабре 1989 г., где ей было безвозмездно передано в фонд строительства мечети 50 тыс. рублей и 5 тыс. Коранов и другой религиозной литературы. На счет Белогорской (Карасубазар) общины стали перечислять средства мечети Москвы, Ленинграда, Башкирии, Татарстана, а также частные лица.

В 1990 г. в Уфе были приняты для обучения в религиозных заведениях три крымских татарина. У истоков возрождения этих связей стояли члены крымской секции.

15 мая 1990 г. в газете «Татарстан яшьлэре» была опубликована заметка Флюры Низамовой «Кырымга барыйк, йортлар салыйк» («Поедем в Крым строить дома»). В заметке содержалось обращение к татарской молодежи. В связи с возвращением крымских татар на родину, трудностями, испытываемыми при переезде, ТОЦ решил организовать строительный отряд из Татарстана. С этой благородной целью отряд, сформированный из молодых людей, выехал из Казани в Крым 28 июля 1990 г. Ребята своими глазами увидели, в каких условиях борются татары за родину. Не из газет, не понаслышке, а воочию убедились они в мужестве и верности поставленным целям. Пусть не все смогли реально помочь, но это были первые ласточки, и они вселяли надежду на будущее.

В декабре 1990 г. по татарскому телевидению к общественности обратился писатель Роберт Батулла. Он призвал всех собирать теплые вещи для крымских татар, проживающих в Крыму в палатках.

Многие откликнулись на этот призыв. В декабре 1990 г. автомобиль КамАЗ прибыл из Казани в палаточный лагерь Кореиза, близ Ялты. После разгрузки вещей водитель КамАЗа несколько дней работал на подвозе стройматериалов для крымских татар.

Совет Министров Татарстана принял решение выделить несколько тонн картофеля для крымских татар в палаточных лагерях. Таткнигоиздат, писатели готовы помочь литературой для открывающейся национальной библиотеки в Крыму. Работники издательства Татарстана перечислили пожертвования культурно-просветительскому обществу «Ватан», возглавляемому проф. Рефиком Музаффаровым.

Все эти факты обнадеживают. Да, сегодня крымские татары нуждаются в поддержке и помощи. Сегодня эта помощь идет из Казани, восстанавливаются связи, нарушенные в последние десятки лет, сегодня мы вновь смотрим в глаза друг другу, возвращаемся к памяти прошлого и заново осмысливаем завещания отцов.

Д. АЛБАТ

Карасубазар, декабрь 1990 г.

Лукман ЗАКИРОВ

ОДНАЖДЫ на голубом экране нашего телевизора я опознал давно забытого однокашника, который когда-то невыносимо мучительно заикался. Где только он ни лечился, куда только ни ездил, даже побывал у знахарки союзного значения бабки Груни. Все напрасно! Теперь же на экране он выступал не хуже артиста, и его чистому голосу могли бы позавидовать и дикторы Центрального телевидения.

Без особого труда я его разыскал, и вскоре мы с ним встретились.

— У какого профессора ты лечился? В какой клинике? — любопытствовал я, обнимая его прямо на остановке троллейбуса.— Видать, побывал за границей! Может быть, йоги? Какой ты счастливчик, поделись опытом!

— Никуда я не ездил, а вылечился тут, рядом,— улыбнулся он, показывая рукой на ателье мод, возле которого мы оказались случайно.

— При чем тут мода, ты шутишь?! — возмутился я.— Там ателье здоровья, что ли, вроде популярного нынче комбината здоровья? — добавил я после небольшой паузы, стараясь поддержать начатую им шутку.

— Ателье как ателье, ничем не отличается от других, шьют и порют. Дело не в самом ателье, а в его администрации! Шить да пороть — ремесло древнее и не хитрое, этими делами занимаются рядовые портные, а вот администрация, не зная о том сама, излечивает заказчиков от различных недугов, перед которыми пока что даже у академиков опускаются руки.

Поскольку заказ моего однокашника был принят в ателье со скандалом, ссылками на перегруженность, да и назначенный администрацией трехмесячный срок исполнения тоже не устраивал его, он решил забрать свои вещи обратно, предварительно договорившись с частником, который обещал ему выполнить заказ точно по его желанию и в течение десяти дней. При этом произошел вот такой диалог между моим однокашником и администрацией ателье.

— Верните мне мои вещи, пожалуйста,— заикаясь, произнес он, предъявляя квитанцию, и, как положено, подал заявление на имя заведующего ателье.

— Ваши документы! — раздался строгий металлический голос.

— Я же вам сдавал вещи без документов и даже заплатил аванс! — возмутился он, заикаясь еще сильнее.

— Сдавали без документов, а получать будете по документам, как требуют «Правила бытового обслуживания»! — ответил ему тот же металлический голос.

— В «Правилах бытового обслуживания» написано много хорошего, но они вами плохо выполняются. В них установлен самый максимальный срок исполнения самого сложного заказа тридцать пять дней, а вы шьете элементарную вещь целых три месяца. У вас ателье первого разряда, а от выполнения простейших элементов заказа отказываетесь. По вашим словам, одежда — это мешок с рукавами, а все остальное — «усложняющие элементы», за которые нужно платить отдельно, помимо стоимости пошива. Значит, вы скрупулезно выполняете в основном один пункт «Правил бытового обслуживания», который требует предъявления паспорта при возврате заказа?

— Возможно, остальные пункты выполняются не все, а этот пункт выполняем беспрекословно.

— Ведь вы готовую одежду выдаете заказчику без предъявления паспорта, несмотря на то, что готовая одежда стоит намного дороже, чем материал заказа.

ОДНОКАШНИК

Получается полнейший парадокс!

— Да, готовую одежду выдаем без предъявления паспорта, а не готовую — по паспорту. Такой порядок установлен не нами.

— Я сдавал заказ недавно, и вы же меня знаете прекрасно. Меня знает закройщик, а также и приемщица. Вы же вполне уверены, что это я и никто другой.

— Вполне уверены, и мы вас знаем. Но вашу физиономию пришивать к делу мы не можем. Нам нужен номер вашего паспорта.

— Вот квитанция, на ней указан 60-процентный износ моего товара. Ведь такую старую вещь люди обычно выбрасывают на свалку, а не несут в ателье. Недаром я спорил с вам насчет этого процента при оформлении заказа, но вы слушать меня не хотели. Если даже моя квитанция попала бы в чужие руки, то вряд ли какой жулик, зная процент износа, тащился бы сюда за получением этого хлама, рискуя скомпрометировать свое «доброе» имя. Как вы определяете процент износа?

— Процент износа мы определяем на глаз. Если заказчик не соглашается с нами, то мы отказываемся от такого заказа.

— Кстати, много ли у вас случаев, когда уносили чужие вещи? — как бы поддразнивал мой однокашник приемщицу своим судорожным заиканием.

— Не помню. Предъявите паспорт!

— Как же быть-то, у меня ведь паспорт на замене...

— Без паспорта вы ничего не получите, не мешайте нам работать!

Мой однокашник оказался в безвыходном положении и поэтому, ища помощи со стороны, попытался крикнуть «Караул», но тут у него ничего не получилось, лишь из его горла вырвались какие-то невнятные прерывистые звуки, как это происходит у начинающего кукарекать петуха.

При второй попытке у него вдруг развязался язык и открылся дар речи! От избытка положительных эмоций он вскочил на стол, предназначенный для клиентов, и, вместо неудавшегося «Караул!», заорал «Ур-р-а!»

После оглушительного троекратного «Ур-р-а!» мой однокашник, совсем позабыв о своем заказе, пытался обнять главного исцелителя и поцеловать крепко, как это полагается в подобной ситуации, но когда «ассистенты» главного исцелителя, принимая только что исцеленного однокашника за кого-то, начали набирать по телефону «02», он, чуя недоброе, удрал. Гнаться за ним они, очевидно, не посмели.

Теперь мой однокашник посредничает с этим заведением. Недавно по его рекомендации один его сослуживец вылечился там от хронического радикулита при попытке реставрировать старое пальто, а другой — полностью избавился от косоглазия. «И тебе советую заглянуть туда!» — гордо похлопал он меня по плечу на прощание, чувствуя передо мной свое законное превосходство.

«Что же, совет вполне дельный, я ведь тоже врожденный заика, может быть, и мне поможет ателье»,— подумал я, проводив однокашника, и, придя домой, тут же оторвал рукав от своей новой импортной дубленки.

А моя жена, как только я рассказал ей про однокашника, не желая оказаться хуже меня, мигом разделала свою старую повседневную юбку. Но вряд ли у нее что получится! Слишком уж дешево оценила она красоту своего лица — она у меня рябая.

ХОЧУ «БАРБИ» В КОРОБОЧКЕ

Ярким пятном плесени на осенней сырости улицы — привычный базарчик. Покупатели, спрятав озябшие руки поглубже в карманы, будто заодно охраняют свои кошельки. На продрогших прилавках консервные банки соседствуют с яркими куртками, сушеная рыба — с теплыми свитерами. Среди обманчивого раздолья сиротливо стынут лупоглазые «барби» и «синди» всех мастей и расцветок. Аристократками выглядят их подруги, спрятанные в яркие коробочки с прозрачными крышками. Разница в цене внушительная, хотя куклы родились на одном конвейре. Шустрые торговцы быстро оценили значение упаковки, ставшей трамплином в накручивании «деревянных». И они правы. «Хочу настоящую «Барби» в коробке» — уверенно заявляет пятилетняя дочь, отворачиваясь от разбросанных по прилавку бездомных плебеек и восторженно глядя на их сестер в коробочках.

Вспомните вчерашний день, когда тот же восторженный блеск загорался и в наших глазах. Импорт в шикарной упаковке долго контролировал неискушенные карманы, жестко приучая отличать зерна от плевел. Теперь товар отечественный раскупается охотнее, но это не значит, что триста граммов карамелек предпочтительнее получить в замусоленном бумажном кулечке, чем в красочной коробочке.

Вакуум в казанской упаковке взялся заполнить небольшой коллектив картонажников-полиграфистов «Карпол» выросший в недрах «Тасмы». И мы, покупая пряники и конфеты в коробках, даже не подозреваем, что место рождения упаковки — объединение «Тасма». Причем, это единственное предприятие в республике, выпускающее красочную картонную продукцию.

Как ни странно, первыми поняли преимущество броской коробочки перед бумажным пакетиком не в столице. Пока казанские предприятия как бы раздумывают над своими дебетами-кредитами, города республики бросились в соревнование за право заключить контракт с «Карполом». Его директор Ю. Бобров с гордостью демонстрировал великолепные коробки для зефира, ароматной соломки, макаронных изделий, даже копченых кур, выполненные по индивидуальным заказам из Альметьевска, Набережных Челнов, Нижнекамска, Бугульмы. Партии заказов — небольшие. Но это не значит, что работают над ними недобросовестно. Наоборот, каждый новый вид продукции рождается в творческих муках — честь предприятия дороже всего.

Великолепные слайды — детище фотографа А. Габдрахманова. Он, как никто другой, умеет талантливо подобрать композицию, выбрать ракурс, подсветку... Потом начинается работа полиграфистов, воплощающих замысел художника. И не верится, что коробочка для конфет, больше похожая на красивую шкатулочку, обошлась заказчику всего в 100—200 рублей. Неужели «Карполу» выгодны такие цены?

— Да, — уверен его директор. — Мы держим минимальный уровень рентабельности на 20—25 процентах. Для нас выгоднее дешевые, но большие объемы. Мешает трудоемкая подготовка, поэтому планируем закупить целый комплекс по подготовке к печати. Это не удешевит продукцию, но позволит выпускать ее более оперативно. Потребитель сможет получить заказ уже через неделю.

Ассортимент выпускаемой продукции велик — от липкой ленты до брошюр. Редкий заказчик уходит без договора — здесь заботятся и об его кошельке, не стараются ободрать, как липку.

Медленно, но все увереннее стала сотрудничать с «Карполом» казанская промышленность. Все семь хлебозаводов разместили здесь свои заказы. Даже солефасовочное предприятие задумало порадовать жителей республики красочной упаковкой. Фабрика игрушек заказала коробки под куклы, в продаже появились детские комплекты белья в трогательных коробочках.

Работники «Карпола» мечтают о тех временах, когда охотнее будут покупать хорошо и добротно упакованную продукцию, пусть немного дороже.

У этой мечты есть крылья.

Марина ЛАТЫПОВА

КТО У КОГО ВОРУЕТ?

В связи с приказом МВД Республики Татарстан Управление вневедомственной охраны завершило третий этап операции «Заслон-94». Цель операции — борьба с хищениями всех форм собственности на криминальных объектах республики.

Как правило, криминальными в таких случаях являются те предприятия и производства, чья продукция пользуется у населения и, соответственно, у расхитителей повышенным спросом. Но если даже продукция повышенным спросом не пользуется, ее расхищают все равно. Видимо, по китайской пословице: «Живешь у реки — кормись рекою, живешь у горы — кормись горою».

Например, 13 сентября 1994 года на проходной заводе «Точмаш» сотрудники Бауманского ОВО задержали инженера одного из отделов предприятий гр. Балянину Г. Я. В ее сумке милиция обнаружила четыре запорных вентиля на сумму 61500 руб. Возбуждено уголовное дело.

Строительный бум, начавшийся в последние годы среди частных застройщиков, поднял цены на все виды строительных материалов прямо-таки на заоблачную высоту. Поэтому многие застройщики, махнув на свое честное имя рукой, пустились во все тяжкие. 2 сентября в районе частных гаражей сотрудники Альметьевского ОВО задержали гр. Хлопцева Н. С., водителя ТОО «Стройком», который похитил с завода ЖБИ полтора кубометра бетона на сумму 75225 руб. Опять-таки возбуждено уголовное дело.

Еще одна сфера применения сил — хищения с предприятий, занятых хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции. Примеров предостаточно. 10 сентября при выезде через КПП дрожжевого цеха г. Буинска задержан гр. Шайдуллин Ф. Г., в кабине автомашины которого обнаружены похищенные дрожжи — 36 кг на сумму 74250 руб.

50 кг пшеницы пытался похитить с Бугульминского элеватора гр. Попов А. А. и тоже был задержан.

Такого рода граждан, активно занятых в сфере сельскохозяйственного производства, только за неделю с 13 по 18 сентября было задержано 143 человека. Сумма изъятого составила 1119 тыс. рублей. Примерно, по 7,5 тыс. рублей на нос. Цифра, согласитесь, довольно скромная, и если учесть, что власти месяцами не выдают людям зарплату, то можно сказать, государственная казна за эту неделю от расхитителей не пострадала. Более того, напрашивается вопрос: кто у кого украл больше? Граждане у государства или государство у граждан?

К сожалению, воруют не самые бедные, а те, кто имеет доступ. Поэтому Управлением вневедомственной охраны разработан комплекс профилактических мероприятий по обеспечению сохранности товарно-материальных ценностей. В ходе третьего этапа операции «Заслон-94» комплексному обследованию были подвергнуты 1166 наиболее неблагополучных объектов. По выявленным недостаткам, а это: отсутствие охранной сигнализации, неправильное складирование, покосившиеся двери, решетки на окнах, отсутствие заборов или дыры в заборах, незапираемые помещения и т. д.,— внесено 206 представлений руководителям предприятий и организаций с требованием устранить эти недостатки. На 25 руководителей, из числа злостных нарушителей, составлены протоколы по части 1 ст. 1 закона РТ за невыполнение предписаний ОВД. Именно здесь, на неблагополучных предприятиях, руководство которых пренебрегает охранными мерами, за период проведения операции «Заслон-94» задержаны 438 расхитителей. Сумма изъятого составила 3381 тыс. рублей. Кроме того, сотрудники милиции предотвратили 127 попыток хищения на сумму 3997 тыс. рублей. По этим фактам возбуждено 64 уголовных дела.

Итак, милиция свою работу сделала, сделала честно: заведено 64 уголовных дела, и расхитители, кто раньше, кто позже, предстанут перед судом. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но справедливость ли это? Тем более, что общая сумма похищенного по республике за период проведения операции «Заслон-94» едва ли покроет затраты на то, чтобы заложить цокольную часть лишь одного из тех замков в «готическом стиле», которые, как грибы после дождя, появляются на наших с вами глазах. Эту публику на скамье подсудимых вы никогда не увидите, поскольку эта публика и есть то самое **ГОСУДАРСТВО**, которому, кроме себя, ни до кого и ни до чего нет дела.

Л. КОЖЕВНИКОВ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ИДЕЛЬ» ЗА 1994 ГОД

ЗУЛЬКАРНАЙ ФАИЗ. «Идель» и татарская нация (журналу «Идель» — пять лет!) 7—8
Слово редактора 1—2

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ШАРИФ КАМАЛ. Депутат (рассказ) 1—2

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ГАНИЕВ АЗАТ. Она не была святой... 5—6
ГИЛЯЗОВ АЯЗ, ЛИТВИН АЛЕКСЕЙ. Мустафа (повесть) 9—10
КОЖЕВНИКОВ ЛЕВ. Конверсия (рассказ) 3—4
КОЖЕВНИКОВ ЛЕВ. Старый знакомый (рассказ) 3—4
ЛАТЫП КАВИ. Сердца под пятой истории (новеллы) 1—2
ЛЕРОН ЛЯБИБ. Проделки шайтана (сатирико-фантастическая повесть) 1—2
САБИРОВ РУСТЕМ. Заря туманной юности (рассказ) 9—10
СУЛТАН-ГАЛИЕВ М. В царстве голода (из путевых впечатлений) 1—2
СУЛФ ТАНИР. Веков связующая нить (фантастическая повесть) 11—12
ХАБИБЯНОВ ИЛЬГИЗ. «Ярмо» для жулика (журнальный вариант романа) 7—8, 9—10, 11—12

ПОЭЗИЯ

АГЛЯМОВ МУДАРРИС 9—10
АХУНОВА НАИЛЯ 1—2
БУЛАВИН БОРИС 11—12
ГИРАЙБАЙ АМДИ 11—12
ЗУЛЬКАРНАЙ ЛАИС 11—12
ЗУЛЬКАРНАЙ ФАИЗ 7—8
КОЖЕВНИКОВА РОЗА 7—8
КРЮЧАТОВ ИВАН 5—6
КУТУЙ РУСТЕМ 9—10
ЛЕВАДНАЯ ОЛЬГА 11—12
ЛЕЙСАН 9—10
ЛИПОВЕЦКАЯ ЛАРИСА 1—2
ЛЮКМАНОВ РУШАН 1—2
МАЛЫШЕВ СЕРГЕЙ 7—8
МИХЕЕВА НАТАЛЬЯ 1—2
ОВЧИННИКОВА ОЛЬГА 1—2
ОСМАН ДЛЯВЕР 11—12
ПИЛЬЩИКОВА АНЖЕЛЛА 1—2
РЯХОВСКИЙ ВАДИМ 3—4
СЕМЕНОВА ОКСАНА 3—4
ФЕДОРОВ ВИКТОР 5—6
ЧОБАН-ЗАДЕ БЕКИР 11—12
ШИЛИНА ТАТЬЯНА 1—2

КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА

АМИРИ КАРИМ. Кайпан джиен 5—6
АХМЕТЗЯНОВ МАРСЕЛЬ. Ногайская Орда и ее роль в этнической истории татар 3—4
БАЛТАЧ ФАНИС. Гордиться или стыдиться должны кряшены? 5—6
БЭЗЕРТДИНОВ РАФАЭЛЬ. Империя сельджуков 1—2
БЭЗЕРТДИНОВ РАФАЭЛЬ. Империя Хорезмшахов 3—4
БЭЗЕРТДИНОВ РАФАЭЛЬ. Кыпчаки 9—10
ГАЙНЕТДИН МАСГУТ. Пути в прошлое оборваны... 5—6
ГОРНИК Г. Л. Международные контакты художников Татарстана 1—2
Дом, где растят таланты (к 25-летию Казанского института культуры) 11—12
ИСХАКОВА-ВАМБА РОЗА. «Пентатоника — эта не архаика...» 9—10
ИСХАКОВ Д. М. Кряшены (историко-этнографический очерк) 5—6
К истории разложения национального общества кряшен (публикация подготовлена А. Фокиным) 5—6
Крестом как мечом (из дневника миссионера Евфимия Малова) 5—6, 9—10
Крымско-татарская школа. Историческая справка 11—12
Кряшены 5—6
МАГДЕЕВ МУХАММЕТ. Последний из могикан 3—4
МУХАМЕТШИН ДЖАМИЛЬ. Священные камни Булгара 1—2
ОСМАН ДЛЯВЕР. Эмиграция — это наше несчастье 11—12
ОСМАН ДЛЯВЕР. Трудное возвращение 11—12
СВЕРДЛОВА Л. М. Апанаевы 3—4
СМЫКОВ Ю., САЛИХОВ Р. Книга о памятниках: работа началась 1—2
СОЫСАЛЬ З. АБДУЛЛАХ. Челеби Джихан, герой крымско-татарского народа (к 20-й годовщине смерти Челеби Джихана) 11—12
ТАБАКОВ ДИМИТР. «Турки» в Дунайской Болгарии 3—4
«Татарская карта» Витовта, или О том, как «басурмане» чуть было не взяли столицу Тевтонского ордена (публикацию подготовил Ф. Фаизов) 3—4
УРАЗМАНОВА РАУФА, ИСХАКОВ ДАМИР. Утерянный праздник 5—6
УСМАНОВ М. В начале пути... 11—12
ФАИЗ САГИТ. Тугры — гербы Крымского ханского двора 11—12 ФАЙЗУЛЛИН РАВИЛЬ. Талант не знает границ... (о творчестве Салиха Баттала) 3—4
ХАБУТДИНОВ АЙДАР. Национальная политика конституционно-демократической партии и татары 1—2
ХАЛИКОВ АЛЬФРЕД. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения 1—2, 3—4, 9—10, 11—12
ХАНЗАФАР НАЗЫМ. Страна негаснущих звезд, или Башня Сююмбики 9—10
ЧХАО ЧХУ-ЧЕНГ. О значении этнонима «татары» в китайских источниках в домонгольской и послемонгольской эпохах 11—12
ШАМИЛЬ ЮЛАЙ. Конец языка Волжских Булгар 9—10

ШАМСИ СУЛТАН. Казань — сердце ханства (историческая топография столицы) 11—12
ЮНУС МИРГАЗИЯН. Измайловский парк 11—12
ЯКУБ ЗАКИ. О «красном» исламе в «холодном» российском пространстве 1—2

КОНКУРС ИСТОРИЧЕСКОГО РАССКАЗА

ГАЛЕЕВ ФАНИЛЬ. Последний подвиг Хайретдина Мурзы 1—2
ЗАЙНУЛЛИН ЗАКИ. На берегах Шешмы 5—6
ЗУЛЬКАРНАЙ ЛАИС. Мор (языческая повесть-легенда) 7—8
ИМАМОВ ВАХИТ. Петр I в Казани 5—6
МИННУЛЛИН ТУФАН. Мастер и совесть 11—12
СИБАТ РАФАЭЛЬ. Атилла 9—10
ХАМИД РИЗВАН. Заблудший мурза 3—4

ТАТАРСКИЕ ДИССИДЕНТЫ

ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ. Я отрекаюсь! (исповедь) (публикация Салиха Баттала) 3—4
МИННУЛЛИН ФАРВАЗ. История одной статьи 9—10
УСМАНОВ МИРКАСЫЙМ. Жизнь и смерть Альберта Фатхи 9—10
ЮНУСОВ РАФИК. Прерванный спектакль 7—8

РЕВНИТЕЛИ ОТЕЧЕСТВА

Байрамова Фаузия 11—12
Исхаков Дамир 3—4
Султанов Фарит 9—10

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, НАУКА

АЛБАТ Д. Крым-Татарстан: возрождение былых связей 11—12
БУРГАНОВ АГДАС. Почему не пошла «перестройка»? 3—4
БУРГАНОВ АГДАС. О государственном многоязычии 9—10
ИСХАКОВ Д. М. Общественные формирования в Республике Татарстан 3—4
ИСХАКОВ Д., ГАРИПОВ Я. Семь раз отмерить... (предварительная экспертиза социальных проблем, связанных со строительством ЕлАЗа на территории Республики Татарстан) 7—8
РАВИО ЖАН-РОБЕР. Национализм в Татарстане: его типы 7—8
САГИТОВА ЛИЛИЯ. О природе национального 7—8
САФИУЛЛИН Р. М. К решению некоторых экономических проблем суверенитета Республики Татарстан 3—4
ХАБУТДИНОВ АЙДАР. Переоценка ценностей (на общественно-политических и культурных параллелях молодежи) 7—8

ИНТЕРВЬЮ

И зазвучит азан с минаретов... Беседа Н. Гиматдиновой с Р. М. Валеевым 1—2
Казанцева Галина 5—6
Максимов Николай 5—6
Сберечь и возродить прошлое. Беседа С. Малышева с Н. З. Юсуповым 1—2
Тавлин Гурий 5—6
«У зеленого камина». Беседа А. Мушинского с Р. Хамидом 7—8
«Чрезвычайные меры — меры запоздалые...» Беседа Л. Кожевникова с И. Галимовым 7—8

МАЭСТРО

ГОРНИК Г. Л. Щедрый талант дирижера (о Фуате Мансурове) 5—6
ФАЙЗУЛАЕВА МАРГАРИТА. Мир души Софии Губайдулиной 1—2

РАЗНОЕ

Будем знакомы 3—4, 5—6, 11—12
Внимание: конкурс! 9—10
ГАЙНАНОВА ГУЛЬСИРА. Татарское — такое родное, узнаваемое... 7—8
ГАЛЕЕВ МАРСЕЛЬ. В Европу прорубают не только окно... 7—8
ЗАЙДУЛЛА РКАИЛЬ. Все равно не поверят... 7—8
ЗАКИР МАРАТ. Татарская церковь 5—6
КОЖЕВНИКОВА РОЗА. Девиз — искать таланты (о Казанском художественном училище) 5—6
ЛАТЫПОВА М. Профессия для настоящего мужчины 7—8
ЛАТЫПОВА М. Хочу «Барби» в коробочке (о предприятии «Карпол») 11—12
МИННУЛЛИН ТУФАН. Да здравствует Усманов! 7—8
МИННУЛЛИН ТУФАН. Ну и банька! 7—8
Подписка — 94 3—4
Подписка — 95 7—8
ФАЙЗОВ ФАЯЗ. Так это начиналось 7—8
ХАИРОВ АДЕЛЬ. Полстраницы из пятитомного воспоминания 7—8
ХАРРАСОВ ЛАИС. Золотая ложка 7—8
Цветочный гороскоп 7—8
ШАРИПОВА САМАНИЯ. Храни меня, мой талисман 9—10

НАШИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

КОЖЕВНИКОВА Р. Когда влага — во благо... (ПО «Татмелиорация») 5—6
КОЖЕВНИКОВА Р. Скупой платит дважды... (Управление вневедомственной охраны МВД РТ) 3—4
КОЖЕВНИКОВА Р. Чтобы не «болели» КамАЗы 9—10
КОЖЕВНИКОВА Р. Эта нелегкая ноша, или О науке, которая кормит себя сама (НПАО «Напор») 1—2
СОКОЛОВА С. И дешево, и безвредно 9—10
СОКОЛОВА С. Как решить вопрос датского принца?.. (НПО «Полимерхолодтехника» АО «Нижнекамскнефтехим») 3—4
СОКОЛОВА С. Тяжела ли шапка Мономаха? (СП «Петрокам») 5—6
СОКОЛОВА С. Хотите стать бизнесменом? 9—10
СУХАНОВ ГЕННАДИЙ. «Бизнес делают чистыми руками» (Научно-производственная фирма «Катализатор») 5—6

КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

КОЖЕВНИКОВ Л. Дело было в Сарманово 9—10
КОЖЕВНИКОВ Л. Кто у кого ворует? 11—12

ОКНО В МАСТЕРСКУЮ

ВАЛЕЕВА-СУЛЕЙМАНОВА Г. Быть созвучным времени (об эскизе памятника М. Султангалиеву скульптора Кадима Замитова) 9—10
ВАЛЕЕВА-СУЛЕЙМАНОВА ГУЗЕЛЬ. Врата открыты... (о художнике Ринате Насырове) 3—4
САЙФУТДИНОВ АНВАР. Художник о художнике (о Миле Нуруллиной) 5—6
САТТАРОВА ЛИЛИЯ. Соло, звучащее в вечности (о художнике Александре Туманове) 11—12

БАЛ-ОМУТ

АТАМАНОВ АНДРЕЙ. Я гадаю, 5—6
ЗАКИРОВ ЛУКМАН. Однокашник 11—12
СУЛТАНОВ АРТЕМ. Чуть-чуть маразматические сказки 3—4
«Утрам, «Идель» тартам, хотите, дам и вам...» 7—8
ХАИРОВ АДЕЛЬ. С улыбкой о самом серьезном 1—2

НАША ПОЧТА

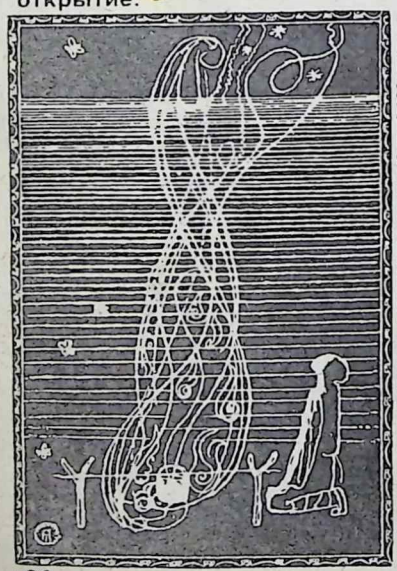
Письма 1—2; 3—4, 5—6, 7—8, 9—10, 11—12

СОЛО, ЗВУЧАЩЕЕ В ВЕЧНОСТИ

АЛЕКСАНДР ТУМАНОВ. 1936—1994. Казань.
График, художник книги.

А. Туманов получил блестящее образование в мастерской книжной графики Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Прекрасная подготовка позволила осуществиться его дальнейшему творческому поиску и становлению. В художественном оформлении десятков книг, в листах станковых офортов мы восхищаемся выразительным богатством избранных художником графических техник. В его произведениях неизменная глубина творческого замысла, высокий художественный вкус, прекрасное чувство стиля литературного произведения.

Мастер так рано ушел из жизни. Нам осталась встреча с его творчеством, которая всегда — потрясение, озарение, открытие.



...Слушаю мысль художника, следую ей, принимаю ее. Она, главенствуя в белом листе бумаги, обращена ко мне и пробуждает к восприятию бесконечности нюансов. Да, в этом искусстве, которому художник посвятил себя, могут быть только двое — произведение и зритель, и слагаемых всего два — черное и белое. Гравюра, рисунок — всегда интимное общение, длительное созерцание, два доверительно беседующих внутренних голоса.

Что это? Откуда-то третий голос, ясный и мелодичный. А если прислушаться, он вообще никогда не умолкает. Как можно было не подумать об этом раньше? У художника, подобного Туманову, наследие истории искусств — полноправная действительность. Художественное прошлое имеет постоянные реплики в настоящем.

...«Евфроний расписал». Так в VI веке до нашей эры древнегреческий художник подписывал донышки своих ваз. Серия гравюр с таким названием создана в конце XX века. В диалог художника с современностью вступили образы прошлого. В графический диалог черного и белого на листе бумаги вплелось сложное ассоциативное богатство цвета, обнаружив подвластность графике. Красный, но какой! Собирательный цвет античности. Цвет краснофигурной вазы, насыщенный цвет критских странных колонн и приглушенный — помпейских фресок. Теплота, скрадывающая идеальную отдаленность классических богов и героев, мраморных в холодно-мраморных же портиках храмов...

Очерченное одной певучей линией обнаженное женское тело. Руки, извлекающие звуки музыки,— и ничто не мешает их услышать. Лаконизм высокого стиля краснофигурной вазописи. Лишенная каких-либо аксессуаров,— она не нуждается в подобном аккомпанементе,— она сама — соло, ее линия — ведущая мелодия. То же соло в пространстве листа отводит фрагменту греческой вазописи художник. Соло в европейской культуре, вплоть до новейшего времени. Соло Большого искусства.

Думаю, что и здесь оно состоялось. Произошло великое для художника овладение художественной формой. Теперь она позволяет делать чудеса, покоряясь творческому замыслу, и мысль по поводу греческой классики воплощается в серию станковых гравюр. Замечаю, что рассматриваю их всего несколько секунд,— много ли нужно для внешнего глаза? Но диалог состоялся, он будет жить во времени, заставит думать и чувствовать.

Спасибо художнику, у которого свое видение античности, свое «Впечатление от Кафки», свой Бажов, и даже привычный Пушкин — собственный, неожиданный. Художнику, способному донести до нас из океана мировой культуры образ прошлого, чтобы одухотворить будущее.

Лилия САТТАРОВА, искусствовед

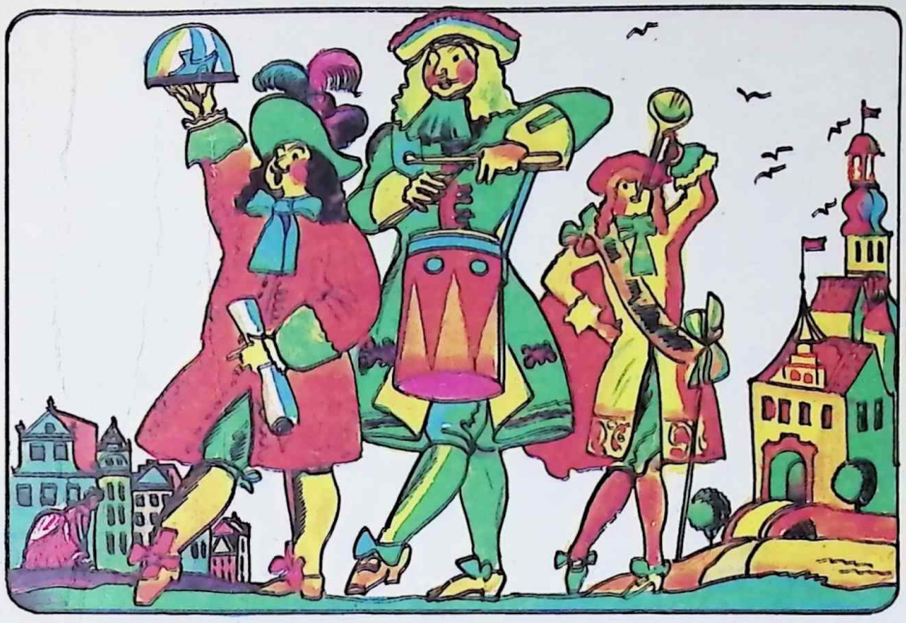
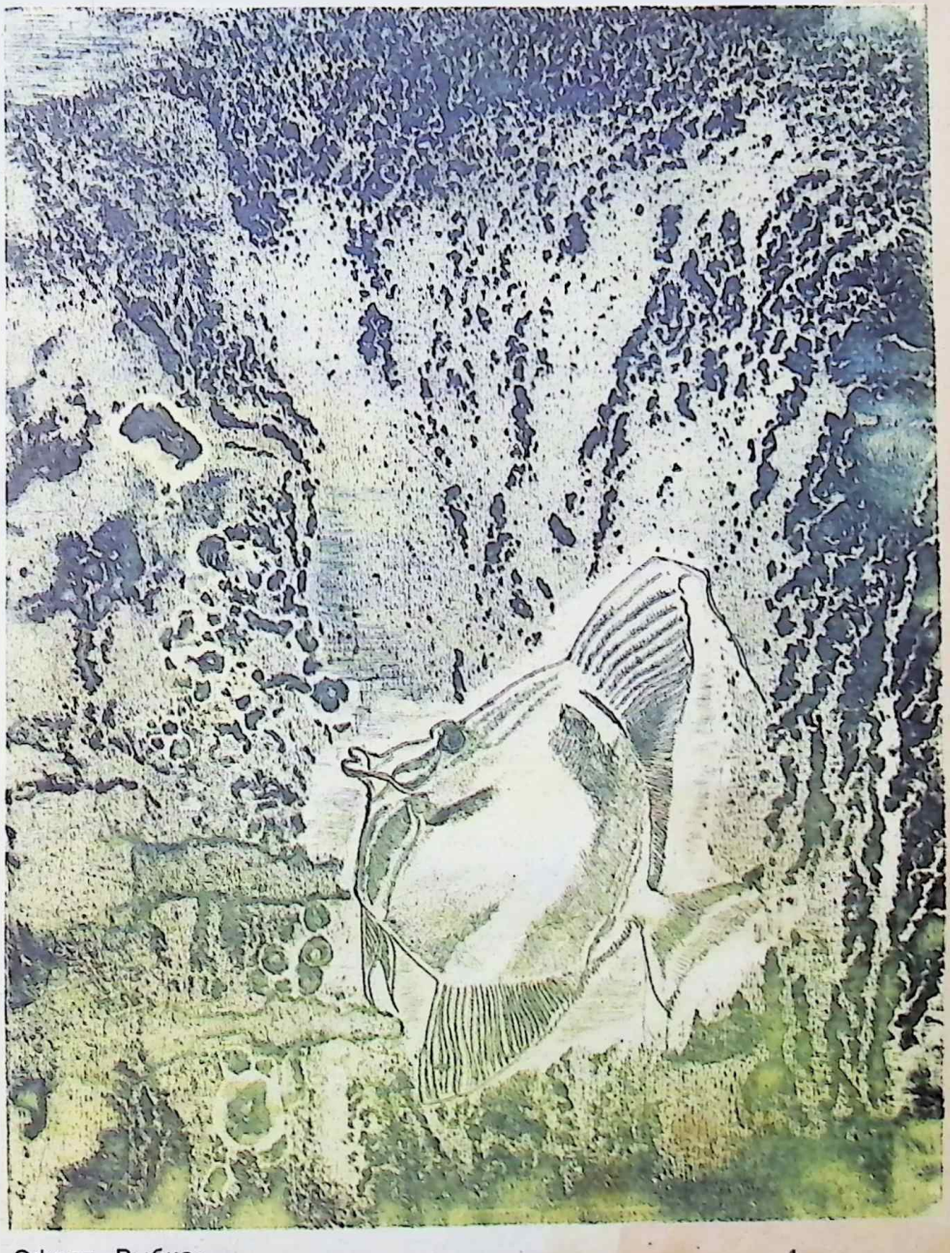


Иллюстрация к сказке Х. Андерсена «Золушка»

Иллюстрация к сказке А. Алиша

АЛЕКСАНДР ТУМАНОВ



Офорт «Рыбка»

Иллюстрация к сказке Х. Андерсена «Русалка»

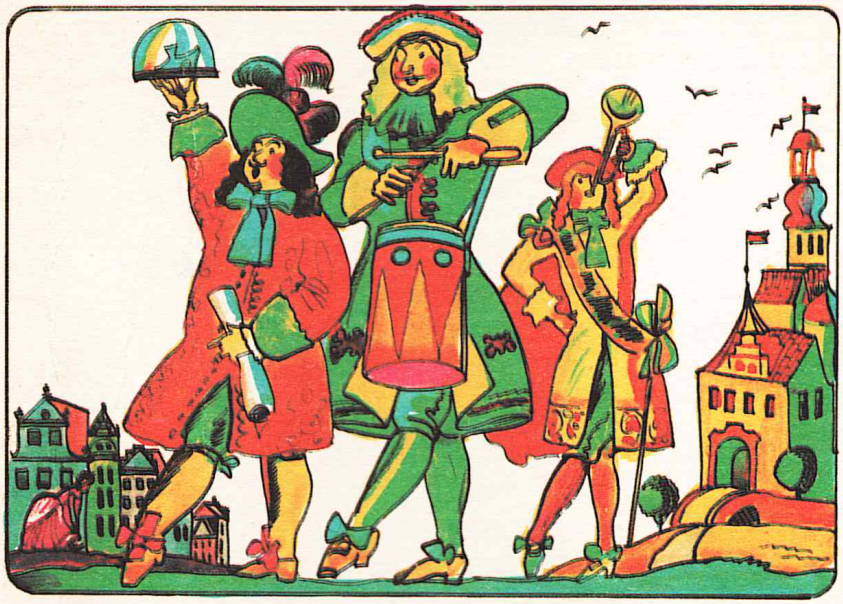


Иллюстрация к сказке Х. Андерсена «Золушка»

Иллюстрация к сказке А. Алиша

АЛЕКСАНДР ТУМАНОВ

Офорт «Рыбка»

Иллюстрация к сказке Х. Андерсена «Русалка»

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАКАЗОВ!

С ВАМИ РАБОТАЮТ ПРОФЕССИОНАЛЫ.
Высокое качество в сжатые сроки — таков девиз АО «КАРПОЛ» сегодня и всегда!
Вы с нами связи не теряйте,—
звоните, приезжайте, покупайте!!!

ВСЕ ДЛЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА!

Полиграфические услуги на лучших сортах отечественной и импортной бумаги и картона:

— красочные этикетки с фигурной высечкой
— коробки для конфет, тортов, игрушек, галантерейных изделий
— бланочная продукция
— визитки, конверты, папки, поздравительные адреса, открытки с тиснением ФОЛЬГОЙ, с лакировкой
— праздничные пакеты и упаковочная бумага
— брошюры, буклеты, проспекты в мягкой обложке с лакировкой

КРОМЕ ТОГО, реализуем липкую ленту типа «Скотч» (Scotch), полиэтиленовую пленку.
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ, КРАСОЧНАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ, неповторимый имидж Вашей фирмы — в услугах **«КАРПОЛА».**

АО «КАРПОЛ»

(8432) Казань, 420035, ул. Восстания, 100
тел. 42-28-16 факс 423312 Телетайп 224164 «ШТОК» «КАРПОЛ»
42-50-32 42-33-52 42-33-36